

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

Балтийский государственный технический университет

«ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова

На правах рукописи

Москвитин Валерий Александрович

Философский анализ постнеклассической науки в гуманитарном знании

Специальность: 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор

Луговой Александр Александрович

Санкт-Петербург

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Философские основания постнеклассической науки в гуманитарном знании: феноменология, онтология и анализ искусственного интеллекта	21
1.1 Феноменология науки и языка в философии Эдмунда Гуссерля: интенциональность, жизненный мир и пределы натурализма	25
1.2 Онтология современной технологии: «Постав» и его воздействие на язык в философии Мартина Хайдеггера	39
1.3 Философский анализ символического искусственного интеллекта: феноменологическая перспектива Хьюберта Дрейфуса	50
1.4 Системный материализм и метанаучный проект Марио Бунге	62
Выводы по первой главе	76
Глава 2. Эпистемологические стратегии в постнеклассической гуманитарной науке: от монизма к плюрализму и социальной онтологии	79
2.1 Эпистемологические трансформации и переосмысление научного метода в философии Пола Фейерабенда	81
2.2 Деконструкция Жака Деррида как эпистемологическая стратегия в философии науки	92
2.3 Онтологические и эпистемологические основания сознания, языка и науки в философии Джона Серла	107
Выводы по второй главе	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	136

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная гносеологическая ситуация свидетельствует об исчерпанности классических оснований познания, причем наиболее ярко данная тенденция проявляется в гуманитарной сфере. Переход к постнеклассическому типу рациональности (концепция В. С. Стёпина, учитывающая ценности и обстоятельства) знаменует собой не только методологическую коррекцию, но радикальное онтологическое переосмысление знаний о человеке и культуре. В отличие от классической объективности, достигавшейся исключением познающего субъекта, и неклассической, фиксирующей его влияние, нынешний этап признает языковые и социальные условия сущностно-образующими элементами знания. Гуманитарные дисциплины, такие как история или филология, сталкиваются с методологической неопределенностью, неразрешимой в рамках идеала естественнонаучного познания (стремления уподобить изучение человека изучению природы). Язык перестает функционировать как нейтральный инструмент представления, становясь активным устройством реальности, что фундаментально меняет статус гуманитарного исследования. Отказ от претензии на единственно верный метод требует философского обоснования правомочности множественности познавательных стратегий. Научные факты оказываются зависимыми от социально-организованных условий, что обязывает исследователя осознавать собственную включенность в общественные процессы.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика постнеклассической науки в целом и ее специфики в гуманитарном знании является предметом активного дискурса в современной философии науки, теории познания и методологии. Тем не менее, несмотря на обширную литературу, остаются недостаточно исследованными точки пересечения между философской теорией постнеклассической парадигмы и конкретными методологическими практиками в различных гуманитарных дисциплинах.

В философии науки постнеклассический поворот был обоснован в работах Т. Куна (парадигмы научного сообщества), П. Фейерабенда (методологический плюрализм), Ж. Деррида и других постструктуралистов (деконструкция научного дискурса). В отечественной философии науки концепция постнеклассической науки была системно разработана В. С. Стёпиным¹, предложившим типологию научной рациональности (классической, неклассической и постнеклассической) и связавшим ее с изучением сложных саморазвивающихся систем и расширением рефлексии над познавательной деятельностью. В русле этой концепции проблематика постнеклассической науки и гуманитарного знания разрабатывалась также В.И. Аршиновым², В.Г. Будановым³, В.А. Лекторским⁴, В.П. Филатовым⁵, В.Г. Федотовой⁶, И.Т. Касавиным⁷, Е.Н. Князевой⁸, Ю.М. Резником⁹, Г.П. Щедровицким¹⁰ и др., акцентирующими историческую, социальную и языковую обусловленность познания, специфику гуманитарной рациональности и необходимость учета ценностно-целевых структур субъекта.

¹ Стёпин, В.С. Философия и методология науки. Избранное / В.С. Стёпин. – Москва : Академический проект, 2015. – 716 с. – ISBN 978-5-904993-40-5.

² Аршинов, В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В.И. Аршинов. – Москва : ИФРАН, 2025. – 204 с. – ISBN 978-5-458-66042-6.

³ Буданов, В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г. Буданов. – Москва : ЛКИ, 2009. – 240 с. – ISBN 978-5-382-00589-8.

⁴ Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – Москва: Либроком, 2023. – 256 с. – ISBN 978-5-9710-6071-0.

⁵ Филатов, В. П. От объяснения к пониманию: важный сдвиг в философии науки / В. П. Филатов // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60, № 2. – С. 6-22. – DOI 10.5840/eps202360218. – EDN GHSDRU.

⁶ Федотова, В.Г. Модернизация и культура / В.Г. Федотова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2016. – 336 с. – ISBN 978-5-89826-452-9.

⁷ Касавин, И. Т. Миграция. Креативность. Текст: пробл. неклассич. теории познания / И.Т. Касавин; Рус. христиан. гуманист. ин-т, Ин-т философии РАН. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 1999. – 407 с. – ISBN 5-87516-247-3.

⁸ Князева, Е. Н. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. (Историческая ретроспектива; синергетика как новая парадигма; диалог с И. Пригожиным; расширение антропного принципа; синергетика в контексте культуры; принципы синергетического мировидения) / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – Москва : Либроком, 2018. – 254 с. – (Синергетика: от прошлого к будущему). – ISBN 978-5-397-06215-2.

⁹ Резник, Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного / Ю.М. Резник. – Москва : Канон+, 2017. – 632 с. – ISBN 978-5-88373-037-4.

¹⁰ Щедровицкий, Г. П. Избранные труды = Selected works / Г. П. Щедровицкий ; ред.-сост. А. А. Пископфель, Л. П. Щедровицкий ; авт. вступ. ст. А. А. Пископфель. – Москва : Изд-во Шк. культ. политики, 1995. – XXXVII, 759 с. – ISBN 5-88969-001-9.

Проявление перехода к постнеклассическому типу рациональности в гуманитарной сфере обнаруживается через ряд фундаментальных методологических сдвигов. В рамках герменевтического поворота, представленного трудами Х.-Г. Гадамера¹¹ и П. Рикера¹², интерпретация утверждается в качестве центрального инструмента постижения человеческой реальности. Параллельно лингвистический поворот, связанный с именами Л. Витгенштейна и Дж. Остина¹³, демонстрирует, что язык не отражает мир, но активно образует его структуры. Социологическая эпистемология, развиваемая Т. Куном¹⁴ и Д. Блуром¹⁵, акцентирует внимание на зависимости производства знания от общественных условий.

Исторически первым систематическим обоснованием автономии гуманитарного познания выступила неокантианская традиция, представленная В. Дильтеем¹⁶, Г. Риккертом¹⁷ и В. Виндельбандом¹⁸. Указанные мыслители разграничили «науки о природе» и «науки о духе», опираясь на различие методов (объяснение против понимания) и типов понятий (генерализирующие против

¹¹ Ханс-Георг Гадамер Истина и метод / Ханс-Георг Гадамер; пер. с нем. В.С. Малахова, С.М. Шепета. – Москва: ЕЕ Медиа, 2025. – 704 с. – ISBN 978-5-458-34669-6.

¹² Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика : Московские лекции и интервью / П. Рикер ; Редакционная коллегия: В.С. Стёпин (главный редактор), Н.С. Автономова, Н.В. Мотрошилова, А.М. Руткевич; Отв. редактор и автор послесловия И.С. Вдовина - (Российская Академия наук, Институт философии). – Москва : АО "КАМИ", 1995. – 161 с. – (Первые публикации в России). – ISBN 5-86187-045-4. – EDN SZRIAV.

¹³ Остин Д. Три способа пролить чернила философские работы / Джон Остин; [пер. с англ. В. Кирющенко]. – Санкт-Петербург : Алетейя, Санкт-Петербургский университет, 2006. – 333, [1] с.; 22. – (Профессорская библиотека); ISBN 5-89329-906-X, 5-288-04116-4.

¹⁴ Кун, Томас Структура научных революций / Томас Кун. – Москва : АСТ, 2015. – ISBN 978-5-17-059180-0.

¹⁵ Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Философско-литературный журнал «Логос» : журнал / пер. с англ. С. Гавриленко под ред. А. Толстова. – 2002. – Т. 5, № 6. – С. 1–24. – ISSN 2499-9628.

¹⁶ Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т.4: Герменевтика и теория литературы / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова / Пер. с нем. под ред. В.В. Библихина и Н.С. Плотникова. – Научное издание. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 400 экз. – ISBN 5-7333-0240-2.

¹⁷ Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логич. введ. в ист. науки / Вступ. ст. Б. В. Маркова. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с. – (Слово о сущем). ISBN 5-02-028335-5

¹⁸ Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками = Geschichte der neueren philosophie [Текст] : в 2 т. / В. Виндельбанд ; [пер. с нем. под ред. А. Введенского]. – Москва: Гиперборея, Кучково поле, 2007. – 21 см – (Канон философии).

индивидуализирующих). Однако данная концепция оставалась в пределах неклассической рациональности, поскольку субъект понимания полагался здесь как трансцендентальный, лишенный исторической и телесной укорененности. Постнеклассический этап, составляющий предмет настоящего анализа, радикализирует этот проект, сохраняя тезис о специфике гуманитарных наук, но замещая трансцендентального субъекта субъектом воплощенным и языково-опосредованным.

В континентальной философии проблематизация кризиса научной рациональности была впервые системно осуществлена Эдмундом Гуссерлем в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». Критика натурализма, анализ разрыва между жизненным миром и миром науки, а также введение понятия интенциональности как структуры сознания заложили основу для последующих изысканий. Мартин Хайдеггер радикализировал эту критику, перенес ее из гносеологической плоскости в онтологическую, что нашло выражение в концепции «Постава» как способа раскрытия бытия в технологическую эпоху.

Критика символических моделей ИИ в аналитической традиции наиболее последовательно представлена Дрейфусом. Критика когнитивизма, опирающаяся на феноменологию Хайдеггера и Мерло-Понти, поставила под сомнение его основополагающее допущение: что мышление сводимо к операциям над формальными символами вне телесной организации субъекта и его ситуативной укорененности. Интеллект конституируется в единстве практического владения телом, дорефлексивного фонового знания и неустранимой вписанности познающего в конкретный контекст – что делает контекстуальные исследовательские программы не альтернативой когнитивизму, а логически необходимым следствием его критики.

Иным путем шел Бунге. В рамках системного материализма он разработал проект метанауки – философской дисциплины, формализующей понятийный аппарат науки и проводящей демаркацию через устранение метафизических допущений, недоступных эмпирической проверке. Герменевтическая традиция

возражает: ценностные горизонты и феноменологические структуры опыта не суть примеси к познанию – они образуют его условия возможности. Вместе с тем аналитический инструментарий метанауки сохраняет эпистемологическую ценность при разграничении научного и ненаучного знания.

В «Против метода» (1975) Фейерабенд показал: ни один методологический принцип не выдерживает проверки историей науки как неизменно соблюдавшийся. Решающие открытия нередко достигались через нарушение принятых норм – что лишает науку основания претендовать на институциональную монополию в производстве знания¹⁹. Деррида подошел к проблеме иначе: деконструкция обнаружила, что западная метафизика удерживается на логоцентризме – привилегировании логоса как первоначала смысла, – а научные понятия функционируют как риторически и исторически обусловленные конструкции, что обязывает учитывать дискурсивные условия их производства.

Джон Серл, напротив, стремился сохранить рациональность, но переосмыслить ее через призму биологического натурализма и социальной онтологии, подчеркнув нередуцируемость сознания и языка к формальным или вычислительным моделям.

Таким образом, в современной отечественной философии науки понятие «постнеклассическая наука» утвердилось прежде всего благодаря фундаментальным работам В. С. Стёпина, где оно в узком смысле ассоциируется с переходом естествознания к изучению сложных саморазвивающихся систем, для которых характерны нелинейность, необратимость и «человекоразмерность», однако для целей философского анализа гуманитарного знания использование исключительно этого синергетического смысла представляется недостаточным, так как ведет к методологическому редукционизму, затемняющему специфику гуманитарных дисциплин. В связи с этим мы опираемся на широкий, парадигмальный смысл понятия, интерпретируя постнеклассическую науку как

¹⁹ Фейерабенд, П. Против метода : очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд ; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – Москва : АСТ : Хранитель, 2007. – 413 с. – (Philosophy). – ISBN 978-5-17-041128-3.

фундаментальную трансформацию типа научной рациональности, характеризующуюся переходом от моносубъектности к интерсубъективности, где субъект становится конститутивным элементом реальности, от репрезентации к конструированию смыслов, укорененных в языке и культуре, и от методологического монизма к плюрализму познавательных стратегий. Именно в этом контексте гуманитарное знание выступает той областью, в которой проблемы включенности наблюдателя и обусловленности знания языком, историческим контекстом и концептуальными предпосылками исследователя были осмыслены с особой концептуальной остротой и значительно ранее, чем аналогичные вопросы были поставлены в естествознании в связи с изучением сложных систем: феноменология Э. Гуссерля вскрыла трансцендентальные условия возможности любого познания, онтология М. Хайдеггера показала историческую укорененность понимания в языке и бытии-в-мире, а критика символического искусственного интеллекта Х. Дрейфуса продемонстрировала, что знание неотделимо от воплощенного, исторически укорененного субъекта и не может быть исчерпано формальными процедурами. Синтез стёпинской концепции «человекоразмерности» с методологическими выводами феноменологии, аналитической философии и постструктурализма позволяет рассматривать современную гуманитарную науку как полноценную реализацию постнеклассического идеала научности, в центре которого стоит проблема смысла, понимания и коммуникации. Из этого следует, что «широкое» понятие постнеклассической науки не является альтернативой стёпинской концепции, а представляет собой ее трансценденталистскую развертку: если человекоразмерность признается онтологической характеристикой постнеклассических объектов, то логика этого признания с необходимостью влечет включение субъективности, языковой опосредованности и историчности в структуру самого знания – что и составляет суть постнеклассической гуманитарной парадигмы.

Объект исследования – постнеклассическая гуманитарная наука как форма и способ познания, в которой знание о человеке и культуре конституируется в

неразрывной связи с исторической традицией, социокультурными условиями, языковыми структурами и интерпретативными практиками.

Предмет исследования – философские основания постнеклассической парадигмы, раскрывающие ее онтологические предпосылки (жизненный мир, воплощенность, бытие-в-мире), эпистемологические принципы (методологический плюрализм, деконструкция, социальная конструированность), языковые конфигурации и методологические установки. Анализ этих аспектов осуществляется через обращение к философским концепциям XX–XXI веков (Гуссерль, Хайдеггер, Дрейфус, Бунге, Фейерабенд, Деррида, Серл), в рамках которых формулируется критика ограниченности классической модели научной рациональности (естественнонаучного идеала объективности) и обосновываются возможности новой рефлексивной модели постнеклассического гуманитарного знания.

Центральная научная гипотеза исследования состоит в предположении, что кризис классических оснований научного познания, с особой остротой проявившийся в гуманитарной сфере, может быть объяснен через систему имманентных онтологических и эпистемологических противоречий – между формализованной объективностью и жизненным миром, техникой-«поставом» и событийным бытием, синтаксисом и смыслом языка, универсализмом и историчностью, вычислительным редукционизмом и воплощенной интенциональностью.

В отличие от докантовского понимания противоречий как логических дефектов, подлежащих устранению, настоящее исследование опирается на диалектическое понимание противоречия как движущей силы исторического развития познания. Постнеклассическая гуманитарная парадигма представляет собой не «разрешение» этих напряжений в смысле их исчезновения, а их диалектическое снятие (*Aufhebung*) – сохранение и одновременное превышение на качественно новом уровне развития рациональности, в котором наука и техника вновь укоренены в жизненном мире, языке и воплощенном сознании и выступают не инструментами доминирования, а формами раскрытия бытия.

В основе диссертационного исследования лежит понимание становления постнеклассической науки в гуманитарном знании как имманентного процесса развертывания онтологических и эпистемологических антиномий, которые функционируют не как статичные изъяны, подлежащие устранению, но как диалектические движущие силы исторического развития познания (в духе традиции Гегеля²⁰ – Маркса²¹ – Ильенкова²²). Важно уточнить, что под диалектическим «снятием» (*Aufhebung*) в контексте данного исследования понимается не эклектическое соединение классических и постнеклассических моделей, а трехступенчатый процесс: 1) сохранение нормативной строгости классической науки (логический контроль, верифицируемость); 2) отбрасывание ее онтологической наивности (претензии на внеисторическую объективность); 3) возвышение к новому уровню рефлексивности, где субъект, язык и историчность становятся легитимными объектами научного анализа. Таким образом, противоречие не устраняется, а продуктивно используется как двигатель развития методологии.

Первое противоречие – между формализованной объективностью и жизненным миром. Историческое развитие науки исключило познающего субъекта, что породило раздвоение: объективность куплена ценой забвения онтологического фундамента. Снятие осуществляется через переосмысление объективности как укорененной в жизненном мире и опосредованной субъектом.

Второе противоречие – между инструментальной логикой технологии и событийной природой бытия. Техника, созданная как средство раскрытия бытия, сама становится механизмом его сокрытия («Постав»). Снятие предполагает переосмысление отношения к технике как к диалогу с событийной природой бытия.

²⁰ Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 1. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: ЕЕ Медиа, 2025. – 452 с. – ISBN 978-5-458-29141-5.

²¹ Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – Москва: АСТ, 2022. – 352 с. – ISBN 978-5-17-150088-7.

²² Ильенков, Э.В. Абстрактное и конкретное: собрание сочинений. Том 1 / Э.В. Ильенков. – Москва: Канон +, 2025. – 464 с. – ISBN 978-5-88373-579-9.

Третье противоречие – между сведением языка к синтаксической системе и его семантической целостностью, укорененной в интенциональности сознания. Разрешение указанных антиномий осуществляется посредством восстановления онтологического статуса языка, понимаемого не как инструмент, но как «дом бытия», в рамках которого формальная структура и смысловая наполненность образуют нераздельное единство.

Четвертое противоречие, заключающееся в конфликте между притязанием на вневременную универсальность и фактической исторической обусловленностью научного знания, находит свое снятие в утверждении критического плюрализма. Данная позиция предполагает признание множественности форм познания при условии обязательной рефлексии над их историческими предпосылками.

Пятое противоречие, возникающее между попыткой редукции сознания к вычислительным операциям и онтологической уникальностью человеческой интенциональности (направленности сознания на предмет), преодолевается через утверждение концепции воплощенного интеллекта. Указанный подход легитимирует интенциональность, историческое понимание и этическую ответственность как принципиально неалгоритмизуемые аспекты сознательной деятельности.

В своей совокупности постнеклассическая парадигма гуманитарного знания представляет собой диалектическое снятие системы противоречий на новом уровне развития рациональности. Такое развитие реализуется не через простое отрицание классического наследия, но через его превышение: сохраняются достижения в области систематизации и логического контроля при одновременной интеграции ранее исключенных элементов. К числу последних относятся субъект познания, жизненный мир (непосредственно переживаемая реальность), историчность, воплощенность и языковая событийность.

Научная задача исследования состоит в формировании целостной философской реконструкции постнеклассической науки в ее гуманитарном измерении. Целью реконструкции является выявление условий правомочности данной парадигмы как особой формы научной рациональности. Реконструкция

осуществляется через синтез феноменологической, онтологической, аналитической и постструктуралистской традиций, что позволяет преодолеть их односторонность. Постнеклассическая парадигма обеспечивает концептуально адекватное описание и объяснение фундаментальных проблем гуманитарного познания, остававшихся неразрешимыми в рамках классической и неклассической рациональности. В отличие от классической модели, элиминирующей субъекта и языковую опосредованность ради достижения внеисторической объективности, и неклассической, фиксирующей влияние познающего, но удерживающей его в пределах трансцендальной абстракции, постнеклассический подход включает жизненный мир, воплощенную интенциональность, историческую укорененность и социальную конструированность в саму структуру научной рефлексии. Данный переход позволяет снять противоречие между формализацией и смысловой целостностью, преодолеть претензию методологического монизма, а также обосновать легитимность плюрализма познавательных стратегий без перехода в релятивизм. В результате гуманитарное исследование получает концептуальный аппарат, адекватный природе его предмета, сохраняя эпистемическую строгость при одновременном признании конститутивной роли языка, традиции и интерсубъективности.

Целью диссертационного исследования является философский анализ постнеклассической науки в ее гуманитарном измерении, направленный на выявление и концептуальную реконструкцию условий ее легитимности как особой формы научной рациональности, отличной от классической естественнонаучной модели.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1) Проанализировать системный характер кризиса классической модели научной рациональности в ее применении к гуманитарному познанию через феноменологическую критику натурализма Гуссерлем (разрыв между научным миром и жизненным миром), онтологическую структуру «Постава» у М. Хайдеггера (редукция сущего до «готового запаса») и пределы натуралистической программы на примере системного материализма М. Бунге,

выявив имманентные противоречия в онтологической и эпистемологической организации научного знания, приобретающие наибольшую концептуальную напряженность в гуманитарных дисциплинах.

2) Раскрыть конститутивную (а не только инструментальную) функцию языка в структуре научной рациональности, проследив его трансформацию от «дома бытия» до «языковой машины» в философии М. Хайдеггера и проанализировав деконструктивный подход Ж. Деррида к языку как текстуальной конструкции, лишенной прямой референции, обосновав тем самым принципиальное влияние языковой трансформации на характер рациональности и ее кризис в условиях технологизации знания.

3) Обосновать историческую, культурную и языковую обусловленность научной рациональности и ограниченность универалистских и монистических моделей через анализ философии П. Фейерабенда (аргументация в пользу методологического плюрализма и критика единого научного метода) и деконструкции Ж. Деррида (критика метафизики присутствия), показав, что эпистемологический плюрализм представляет собой не отказ от научности, а форму ее исторического развития.

4) Обосновать принципиальную невозможность адекватного описания интеллекта и сознания в рамках редукционистских вычислительных и символических моделей через философскую критику символического искусственного интеллекта у Х. Дрейфуса, акцентируя внимание на нередуцируемости интенциональности, воплощенности, фонового знания и ситуативной укорененности как конститутивных условий человеческого познания, имеющих фундаментальное значение для гуманитарного измерения постнеклассической науки.

5) Раскрыть постнеклассическую гуманитарную науку как особый тип научной рациональности, легитимность которого определяется согласованностью онтологических, эпистемологических и языковых предпосылок, через анализ философии Дж. Серла: его концепцию биологического натурализма, различение онтологической субъективности и эпистемической объективности, а также

демонстрацию того, как язык через иллокутивные акты и статус-функции конституирует социальную реальность, обеспечивая методологическую адекватность исследования социально конструируемой, исторически изменчивой и языково опосредованной реальности.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в философской реконструкции постнеклассической науки в ее гуманитарном измерении как особого типа научной рациональности, проанализированного через систему онтологических и эпистемологических противоречий, имманентных классической модели научного знания.

В работе получены следующие **научные результаты**:

1) Выявлена и концептуально систематизирована совокупность базовых антиномий, определяющих переход от классической к постнеклассической научной рациональности в гуманитарном знании (объективность – жизненный мир; универсализм – историчность; формализация – смысловая укорененность; редукционизм – воплощенная интенциональность). Данные противоречия имеют структурный характер и обуславливают трансформацию критериев научности.

2) Обоснована конститутивная функция языка в структуре гуманитарного научного знания. Показано, что язык в постнеклассической парадигме выступает не только средством репрезентации, но и условием формирования исследуемой социальной реальности, что требует пересмотра традиционного понимания научной объективности применительно к гуманитарным дисциплинам.

3) Разработана диалектическая модель становления постнеклассической гуманитарной науки, в рамках которой данный тип рациональности интерпретируется как форма исторического развития науки, а не как отказ от ее нормативных оснований. В отличие от типологического описания смены научных рациональностей (в том числе в концепции В. С. Стёпина), обоснование строится через анализ внутренних логико-онтологических напряжений самой научной практики.

4) Предложена модель философского синтеза феноменологической, аналитической и постструктуралистской традиций в анализе научной

рациональности. Показана возможность их концептуального сопряжения без редукции к релятивизму и без отказа от требований эпистемологической строгости.

5) Сформулированы критерии легитимности постнеклассической гуманитарной науки, основанные на согласованности ее онтологических, эпистемологических и языковых предпосылок, что позволяет обосновать ее научный статус без апелляции к универалистской модели естественнонаучной рациональности.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке диалектической модели становления постнеклассической гуманитарной науки, обосновании конститутивной функции языка в структуре научного знания и формулировании критериев легитимности постнеклассической рациональности, не редуцируемых к стандартам классического естествознания. Полученные результаты вносят вклад в философию науки, философию языка и эпистемологию.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов: в этической рефлексии над развитием искусственного интеллекта и цифровых технологий; в критическом анализе методологических оснований гуманитарных дисциплин; в преподавании курсов философии науки и эпистемологии.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет межпарадигмальный и междисциплинарный подход, интегрирующий феноменологию, онтологию, деконструкцию, аналитическую философию и критическую эпистемологию. Произведен сознательный отказ от узкоспециализированной методологии в пользу синтетической философской стратегии, способной выявить имманентные антиномии классической модели научности (между формализованной объективностью и жизненным миром, инструментальной логикой и событийностью бытия, синтаксисом и смыслом языка), с особой остротой проявляющиеся в гуманитарной сфере.

Принципиальным методологическим основанием исследования выступает принцип функциональной комплементарности. Привлекаемые в работе философские традиции – феноменология, деконструкция и аналитическая

философия – не являются онтологически совместимыми системами и в ряде вопросов находятся в прямом противостоянии. Наиболее острое из них – полемика Ж. Деррида и Дж. Серла (1977–1988) о природе речевых актов и возможности устойчивого значения, – которая обнажает глубинный разрыв между континентальной и аналитической традициями. В настоящем исследовании эти традиции используются не как конкурирующие онтологии, каждая из которых претендует на исчерпывающее описание реальности, а как комплементарные эпистемологические инструменты, решающие различные задачи в рамках единой исследовательской программы: феноменология вскрывает онтологические основания опыта, деконструкция проблематизирует языковые фиксации и скрытые иерархии, аналитическая социальная онтология обеспечивает позитивную реконструкцию. Их интеграция возможна и продуктивна именно на функциональном уровне – как совместное обоснование легитимности постнеклассической гуманитарной науки.

В качестве **основных методов исследования** в работе используются пять взаимодополняющих подходов, каждый из которых выполняет специфическую функцию в рамках общей исследовательской стратегии:

1) Феноменолого-герменевтический метод – описывает структуры сознания, его интенциональную направленность и условия смыслообразования; позволяет показать укорененность научного познания в допредикативном опыте жизненного мира и роль интерпретации как конститутивного элемента гуманитарного познания. Применяется прежде всего в анализе концепций Гуссерля, Хайдеггера и Дрейфуса.

2) Деконструктивно-критический метод – выявляет скрытые предпосылки, бинарные оппозиции и исключенные альтернативы в научном дискурсе; показывает, как научные понятия конструируются через языковые различия и как логоцентрические установки структурируют претензии на объективность. Применяется в анализе концепций Деррида и Фейерабенда.

3) Историко-философский и сравнительный метод – рассматривает развитие философских проблем в историческом контексте и сопоставляет подходы

различных парадигм; позволяет реконструировать генезис постнеклассической парадигмы из кризиса классической науки и выявить точки их концептуального расхождения. Применяется сквозным образом во всей работе.

4) Лингвосоциологический метод – исследует конститутивную роль языка и социально-институциональных условий в производстве научного знания; позволяет проанализировать, как речевые акты и статус-функции формируют социальную реальность как предмет гуманитарных наук. Применяется прежде всего в анализе концепций Серла и Деррида.

5) Диалектический метод – анализирует становление постнеклассической науки как имманентный процесс разворачивания и снятия (*Aufhebung*) онтологических и эпистемологических противоречий классической рациональности; обеспечивает концептуальное единство исследования в целом.

На защиту выносятся следующие **основные положения диссертационного исследования:**

1) Становление постнеклассической науки в гуманитарном знании характеризуется преодолением системных, имманентных противоречий классической модели научной рациональности, связанных с исторически сложившимися способами онтологической и эпистемологической организации научного знания. Проблематика наиболее рельефно проявляется в гуманитарных науках, где применение классических моделей объективности приводит к напряжению между формализованными методами и спецификой гуманитарного предмета – смыслом, интерсубъективностью, языковой опосредованностью и историчностью, что и обуславливает необходимость постнеклассического переосмысления оснований гуманитарного познания.

2) Язык в структуре научной рациональности выполняет не только инструментальную, но и конститутивную функцию, определяя способы концептуализации реальности и формы научного понимания. Трансформация языка в условиях технологизации научного знания оказывает принципиальное влияние на характер рациональности и выступает одним из ключевых факторов, обуславливающих переход от классической к постнеклассической модели

гуманитарного знания, в которой языку возвращается его онтологический статус пространства смыслопорождения и конституирования социальной реальности.

3) Философский анализ постнеклассической науки выявляет ограниченность универсалистских и монистических моделей научного знания и демонстрирует историческую, культурную и языковую обусловленность научной рациональности. Осмысление этих ограничений в рамках философии науки позволяет интерпретировать эпистемологический плюрализм не как отказ от научности, а как форму ее исторического развития, легитимирующую множественность познавательных стратегий в постнеклассической гуманитарной парадигме.

4) Интеллект и сознание не могут быть адекватно описаны в рамках редукционистских вычислительных и символических моделей без учета воплощенности, фонового знания, ситуативной укорененности и историчности субъекта. Данные характеристики являются конститутивными условиями человеческого познания и имеют принципиальное значение для философского обоснования постнеклассической науки в ее гуманитарном измерении, поскольку именно они задают специфику предмета гуманитарного исследования.

5) Постнеклассическая гуманитарная наука представляет собой особый тип научной рациональности, легитимность которого определяется согласованностью онтологических, эпистемологических и языковых предпосылок научного знания, а не воспроизведением критериев классической естественнонаучной модели. Данная форма рациональности позволяет выработать методологию, адекватную исследованию социально конструируемой, исторически изменчивой и языково-опосредованной реальности гуманитарного знания.

Эти положения составляют целостную концепцию философского обоснования постнеклассической науки в гуманитарном знании.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации прошли широкую научную апробацию, были представлены и обсуждены на международных и всероссийских научных конференциях. Содержание работы отражено в 10 опубликованных научных трудах, из которых 7 статей опубликованы в изданиях, рекомендованных

ВАК по специальности 5.7.6. «Философия науки и техники», и 3 – в иных рецензируемых научных изданиях.

Конференции:

- 1) Вторые Мозеловские чтения: «История науки и техники в философском измерении» (2024);
- 2) Третьи Мозеловские чтения: «История науки и техники в философском измерении» (2025);
- 3) XXIV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтения в Санкт-Петербурге РХГА (2024);
- 4) Всероссийской научной конференции «Философия в царском селе: Философия и современный мир», ЛГУ имени А.С. Пушкина (2025).

Статьи по теме диссертации в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК по специальности 5.7.6. «Философия науки и техники»:

1. Москвитин, В. А. Отказ от метода. Пол Фейерабенд и плюрализм в науке / В. А. Москвитин // Проблемы современного образования. – 2025. – № 6. – С. 46-58.
2. Москвитин, В. А. Герменевтика техники и проблема языка в философии Хайдеггера / В. А. Москвитин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2025. – № 3. – С. 78-86.
3. Москвитин, В. А. За пределами алгоритмов: Философская критика Хьюберта Дрейфуса / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2025. – № 11. – С. 161-178.
4. Москвитин, В. А. Методологический материализм Марио Бунге: системный подход к метафизике и науке / В. А. Москвитин // Семиотические исследования. – 2025. – Т. 5, № 3. – С. 24-33.
5. Москвитин, В. А. Синтез философских традиций в осмыслении постнеклассической науки / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2025. – № 12. – С. 231-252.

6. Москвитин, В. А. Философский анализ постнеклассической науки: от «технической установки» к «раскрывающей рациональности» / В. А. Москвитин // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 11(210). – С. 588-590.

7. Москвитин, В. А. Эпистемологический анархизм Фейерабенда в парадигме постнеклассической науки / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2026. – № 1. – С. 39-60.

Научные статьи, доклады, тезисы в других сборниках и журналах:

1. Москвитин, В. А. Онтология информации как процесс становления: метастабильность, индивидуация и трансдукция в философии Жильбера Симондона / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 160-165.

2. Москвитин, В. А. Феноменология Эдмунда Гуссерля: анализ интенциональности и структуры сознательного опыта / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 657-664.

3. Москвитин, В. А. Язык, значение и реальность: от деконструкции Жака Деррида до теории речевых актов Джона Серла / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 49-57.

Таким образом, научная апробация подтверждает высокую степень достоверности и обоснованности результатов, полученных в диссертационном исследовании.

Глава 1. Философские основания постнеклассической науки в гуманитарном знании: феноменология, онтология и анализ искусственного интеллекта

Осмысление философских оснований постнеклассической научной парадигмы в сфере гуманитарного познания неизбежно предполагает обращение к ключевым мыслителям, осуществившим в различных перспективах радикальную критику классической, натуралистической модели научности и предложившим альтернативные пути понимания природы познания, языка, реальности и техники. В данной главе рассматривается вклад четырех центральных фигур философской мысли XX столетия: Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера, Хьюберта Дрейфуса и Марио Бунге. Каждый из этих авторов предоставляет уникальное обоснование для характерных черт постнеклассической науки²³, выступающей предметом настоящего исследования.

Обращение к феноменологической философии Эдмунда Гуссерля в контексте постнеклассической методологии обусловлено не столько историческим интересом, сколько содержательной глубиной его мысли, в которой были впервые тематизированы ключевые проблемы современной эпистемологии.

Исходным пунктом здесь выступает гуссерлевская критика натурализма и объективизма. Под натурализмом Гуссерль понимает не просто философскую позицию, но широкую культурную установку, некритически распространяющую идеалы естественнонаучного познания на все сферы человеческого знания. Ее основные черты – математизация опыта²⁴, элиминация субъекта из картины мира и претензия на достижение абсолютной, независимой от познающего объективности. Гуссерль показывает, что такая установка ведет к «кризису европейских наук»: науки утрачивают способность осмысливать собственную связь с человеческим

²³ Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с. – ISBN 5-89826-053-6.

²⁴ Косилова, Е. Борьба сомнения с созерцанием: к ситуации в современной философии математики / Е. Косилова // Логос. – 2023. – Т. 33, № 4(155). – С. 49-70. – DOI 10.22394/0869-5377-2023-4-48-69. – EDN FNHDF.

существованием, превращаясь в технику оперирования абстракциями, оторванными от своих жизненных истоков.

Из нее непосредственно вытекает второе фундаментальное положение – концепция жизненного мира. Гуссерль демонстрирует, что любые научные конструкторы, сколь бы абстрактными они ни были, всегда уже укоренены в донаучном, непосредственно переживаемом опыте²⁵. Жизненный мир есть сфера изначальных очевидностей, горизонт всех наших практик, включая и практику научного исследования. Признание этого онтологического приоритета жизненного мира становится необходимым условием для легитимации гуманитарного познания, которое как раз и имеет дело со смысловыми структурами, конституирующими этот мир, – с ценностями, значениями, целями, которые не могут быть выведены из естественнонаучной картины реальности, но всегда уже в ней предполагаются.

Третье положение касается учения об интенциональности сознания. Гуссерль понимает сознание не как вместилище образов внешнего мира, но как активную, смыслопорождающую деятельность, всегда направленную на предмет. Сознание всегда есть «сознание о...». Это означает, что познание не является пассивным отражением данности, а представляет собой процесс конституирования предметности: вещи даны нам не сами по себе, но в тех смысловых горизонтах, которые раскрываются нашей познавательной деятельностью. Тем самым статус познающего субъекта принципиально переопределяется: он перестает быть помехой на пути к объективности и становится необходимым, неустранимым условием самой возможности познания.

Из интенциональности как фундаментальной структуры вытекает четвертое положение – специфика феноменологического метода. Этот метод заключается в строгом описании того, как явления даны сознанию, в удержании феномена именно в качестве феномена, без поспешной редукции его к чему-то иному (например, к

²⁵ Мотрошилова, Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию / Н. В. Мотрошилова; Российская академия наук, Институт философии. – Москва: Феноменология-Герменевтика, 2003. – 716 с. – (Феноменологическая серия). – ISBN 5-94478-006-1. – EDN QWFAUV.

физическим процессам). Феноменология, таким образом, открывает путь к анализу смысловых структур сознания, не сводя их ни к объективным фактам (как в позитивизме), ни к субъективным переживаниям (как в психологизме). Она утверждает возможность строгого исследования субъективной сферы, что является необходимым основанием для гуманитарных наук, изучающих человеческую субъективность в ее объективированных проявлениях.

Наконец, у Гуссерля, хотя и в менее разработанной форме, чем у его последователей, уже ставится проблема языка. Он рассматривает язык как средство выражения и фиксации смыслов, конституированных в интенциональном акте. Тем самым намечается переход к проблеме языкового опосредования познания: доступ к реальности всегда уже опосредован языковыми структурами, которые несут в себе определенные смысловые напластования. Для постнеклассической парадигмы это означает признание того, что язык не просто описывает внеязыковую реальность, но активно участвует в ее конституировании, задавая горизонты возможного понимания и интерпретации. Таким образом, все пять указанных аспектов гуссерлевской философии – критика натурализма, концепция жизненного мира, учение об интенциональности, феноменологический метод и постановка проблемы языка – образуют то основание, без которого невозможен переход к современному пониманию гуманитарного познания.

Обращение к философскому наследию Мартина Хайдеггера обусловлено тем, что в его работах критика натурализма достигает онтологической глубины, недоступной эпистемологическому подходу Эдмунда Гуссерля. Если феноменология Гуссерля выявляла границы естественнонаучного познания, то фундаментальная онтология Хайдеггера обнаруживает саму онтологическую почву, на которой произрастает натуралистическое миропонимание: определенный исторически сложившийся способ явленности сущего. Постнеклассическая наука предстает, следовательно, не как следующая ступень прогрессивного развития, но как иная форма соотнесенности человека с бытием.

Ключевыми становятся понятия историчности и традиции как

онтологических определений человеческого существования²⁶. Всякое знание, включая научное, изначально укоренено в историческом горизонте, который делает его возможным и одновременно задает его границы²⁷. Язык, осмысляемый Хайдеггером как «дом бытия» (среда, в которой только и может совершаться явление истины), перестает быть внешним средством обозначения предметов и выступает способом, которым мир являет себя человеку. Анализ современной техники в качестве «Постава» (способа явленности сущего как ресурса, готового к употреблению) позволяет осмыслить становление постнеклассической парадигмы не как отклонение от нормы, но как исторически обусловленную форму мысли, требующую критического осмысления собственных предпосылок.

Хайдеггер утверждает понимание и истолкование в качестве фундаментальных способов человеческого бытия-в-мире. Интерпретация возводится тем самым в ранг объективного способа раскрытия смысла, а не субъективного истолкования произвольного характера. В позднем творчестве язык осмысляется как событие истины, открывающее новые смысловые миры, что возлагает на гуманитарное знание особую ответственность за философию собственного дискурса.

Обращение к трудам Хьюберта Дрейфуса продиктовано его последовательной феноменологической критикой редукционистских трактовок интеллекта и сознания, свойственных символическому направлению в исследовании искусственного интеллекта.

Феноменологическая деструкция символического редукционизма обнажает центральную апорию: условие возможности интеллекта элиминируется самим актом его формализации, поскольку интенциональность конститутивно укоренена в допредикативном телесно-практическом горизонте, который алгоритмическая экспликация перформативно уничтожает. Стратифицированный материализм

²⁶ Николис, Г. Познание сложного: Введение / Г. Николис, И. Пригожин; пер. с англ. – 5-е изд. – Москва: URSS, 2025. – 352 с. – (Синергетика: от прошлого к будущему). – Парал. загл.: Exploring Complexity. – ISBN 978-5-9710-8944-5.

²⁷ Акчурина, И. А. Единство естественно-научного знания / АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Наука, 1974. – 206 с.

Бунге подходит к той же проблеме иначе – методологическая гетерогенность постулируется как онтологически необходимое следствие уровневой структуры бытия, а дистинкция между истинностной валентностью и эпистемической значимостью теории обосновывает когнитивный суверенитет гуманитарных наук без редукции к номологической строгости естествознания. Гуссерль задает трансцендентальный горизонт, Хайдеггер его темпорализует, Дрейфус апофатически верифицирует необходимость дотеоретического основания, Бунге легитимирует гетерогенность научных практик позитивно – и в этом разделении труда историчность и языковая опосредованность познания оказываются не отклонением от рациональности, а ее конститутивным условием: постнеклассическая наука возникает из имманентного снятия противоречий классической эпистемологической матрицы не вопреки логике ее развития, а именно через нее. Показано, что ни феноменологическая критика натурализма, ни онтологический анализ техники, ни критика вычислительного редукционизма, ни испытание натуралистического идеала не могут быть разрешены в рамках самой классической парадигмы – они требуют качественно иного уровня рефлексии. Именно этот уровень – эпистемологические стратегии постнеклассической гуманитарной науки – составляет предмет второй главы.

1.1 Феноменология науки и языка в философии Эдмунда Гуссерля: интенциональность, жизненный мир и пределы натурализма

Обращение к феноменологии Эдмунда Гуссерля как к исходному пункту анализа постнеклассических тенденций в гуманитарном познании обусловлено тем, что именно в его философии впервые получает систематическую формулировку тезис о кризисе европейской научной рациональности. Суть этого кризиса Гуссерль усматривает в фундаментальном разрыве между жизненным

миром²⁸ (Lebenswelt) – сферой непосредственного, донаучного опыта – и миром математизированных научных абстракций, утративших связь со своими смысловыми истоками.

Развернутая Гуссерлем критика натурализма и объективизма демонстрирует принципиальную невозможность достижения «чистой» объективности, которая не опиралась бы на дорефлексивные структуры опыта. Всякое объективное знание, согласно его аргументации, уже всегда предполагает допредикативный опыт (то есть опыт, данный до его выражения в суждениях и понятиях) и интенциональные акты сознания, которое не пассивно отражает, но активно конституирует предметность в горизонте жизненного мира. Тем самым обнаруживается, что сфера смысла не может быть выведена за скобки как нечто вторичное или подлежащее редукции к более фундаментальным параметрам.

Смысл, историчность и межсубъектная природа познания (интерсубъективность) предстают не как эпифеномены, требующие устранения ради достижения объективности, а как конститутивные характеристики самого предмета гуманитарного исследования²⁹. Именно они образуют то, что делает гуманитарный феномен тем, что он есть, и именно в этом заключается его необратимое отличие от объекта естественнонаучного рассмотрения.

Феноменология Гуссерля осуществляет, таким образом, радикальный поворот к субъекту и его опыту. В противовес классическому идеалу безличной объективности, который требовал элиминации всех субъективных компонентов из познавательной процедуры, Гуссерль показывает, что любая объективность конституируется через акты сознания и без них невозможна. Это положение становится фундаментальным для постнеклассической гуманитаристики. Если в естествознании устранение субъекта выступало условием достижения объективности, то в гуманитарном познании субъект (будь то автор текста,

²⁸ Мотрошилова, Н. В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2007. – № 7. – С. 102-112. – EDN IAHZCR.

²⁹ Москвитин, В. А. Философский анализ постнеклассической науки: от «технической установки» к «раскрывающей рациональности» / В. А. Москвитин // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 11(210). – С. 588-590.

исторический деятель или носитель определенной культурной традиции) оказывается не внешним препятствием, а неотъемлемым компонентом самой изучаемой реальности. Исследование здесь с необходимостью включает в себя отношение к другому субъекту, что принципиально трансформирует как понимание объекта, так и представление о природе получаемого знания.

Понятие жизненного мира предвосхищает ключевые характеристики постнеклассической гуманитарной науки: признание исторической и контекстуальной обусловленности знания, включенность субъекта, практик и языка в структуру научности, отказ от методологического монизма в пользу плюрализма подходов. Когда постнеклассическая гуманитаристика утверждает языковую и социальную опосредованность знания, она развивает идею, впервые схваченную Э. Гуссерлем как разрыв между научной конструкцией и жизненным миром.

В работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»³⁰ Э. Гуссерль констатирует, что философия не смогла реализовать свое предназначение – стать «наиболее строгой наукой». Корень проблемы – в натурализме, установке, согласно которой легитимация философии требует заимствования методологии естественных наук. Э. Гуссерль отвергает натурализм как путь к строгой науке: естественные науки остаются «наивными» в своих предпосылках, некритически принимая реальность физического мира как данность.

Критика натурализма, развернутая Гуссерлем, обнажает принципиальный изъян, которому гуманитарные дисциплины – история, филология, философия, культурология – подвергались на протяжении десятилетий: давление естественнонаучного идеала объективности, претендующего на универсальность метода. Механическое перенесение натуралистических методов в область культуры и смысла неизбежно ведет к редукционизму, вследствие чего живая человеческая реальность растворяется в совокупности измеряемых величин,

³⁰ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – СПб.: Владимир Даль, 2022. – 399 с. – ISBN 978-5-93615-292-4.

утрачивая специфику, делающую ее предметом гуманитарного исследования. Эдмунд Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» демонстрирует, что подобная редукция не просто искажает объект, но игнорирует трансцендентальные условия (фундаментальные основы возможности опыта) любого познания, тем самым подрывая почву, на которой стоит претендующая на строгость наука. Философ интерпретирует кризис науки не как частный гносеологический сбой, но как симптом глубокого кризиса европейской культуры, поскольку позитивные науки, исключив субъективность из поля рефлексии, редуцировали жизненный мир (непосредственно переживаемую реальность) до системы математизированных фактов, обесценив его феноменологическую полноту. В плане гуманитарного знания это оборачивается утратой способности отвечать на экзистенциальные запросы о смысле и человеческом предназначении, что требует восстановления утраченной связи силами постнеклассической гуманитарной науки. Центральным пунктом критики выступает противопоставление жизненного мира и научного мира, причем жизненный мир предстает единственной подлинной реальностью, сохраняющей типовую структуру, к которой привязана человеческая жизнь и, следовательно, всякая научная деятельность.

Н. Н. Коротышева анализирует концепцию «жизненного мира» Э. Гуссерля, рассматривая ее как фундаментальный феномен для понимания кризиса европейской науки³¹. Э. Гуссерль называет жизненный мир единственной значимой реальностью, поскольку он «сохраняет свою выстраиваемую по сущностным законам типичу», к которой привязана вся человеческая жизнь и любая научная деятельность. Научные теории, гипотезы и методы, по мнению Коротышевой, у Э. Гуссерля представлены как производные от «предданного» повседневного опыта, который выступает очевидной предпосылкой любого познания.

³¹ Коротышева Н. Н. Эмпириокритический «реализм» и «жизненный мир» Э. Гуссерля // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 23–31. doi: 10.17223/1998863X/83/3

Коротышева Н. Н. указывает, что Гуссерль усматривает корень кризиса европейской науки в ее отрыве от жизненной почвы непосредственного опыта. Начиная с галилеевской физики, объективной реальностью стало считаться лишь то, что поддается формализации: измерению, математическому описанию, вычислению³². Эту установку точно выразил Максвелл³³: познанным признается то, что выражено в удобной для вычисления формуле. В истории философии она восходит к локковскому разграничению³⁴ первичных качеств – протяженности, формы – и вторичных – цвета, запаха, – разграничению, которое заложило основу «физикалистского объективизма»: картины мира, систематически исключающей субъективный опыт как эпистемологически нерелевантный.

Примечательно, что схожая интуиция обнаруживается у Р. Авенариуса, хотя и в принципиально иной терминологии. В работе «Человеческое понятие о мире»³⁵ он исследует нераздельную корреляцию «Я» и «среды», не допускающую их независимого рассмотрения, – что структурно перекликается с гуссерлевским тезисом о принципиальной соотнесенности сознания с миром.

Феноменология и эмпириокритицизм приходят к родственным выводам о нередуцируемости субъекта из различных отправных точек – это указывает на структурную общность самой проблемы. Там, где естественные науки конструируют идеализированные объекты, абстрагируясь от жизненного мира, гуманитарное познание обращено к нему конститутивно: историк имеет дело с живой исторической реальностью, а не с абстрактными структурами, филолог – с языком как средой человеческого существования, а не с грамматическими правилами самими по себе. Связь с жизненным миром, восстановления которой требовал Гуссерль, для гуманитарных наук есть условие самой научной легитимности. Поскольку методы естествознания к феноменологическому проекту

³² Галилей, Г. Избранные труды: в 2 т. / Г. Галилей. – М.: Наука, 1964. – 640 с

³³ Максвелл, Д. К. Статьи и речи: [Пер. с англ.] / [Сост. и коммент. У. И. Франкфурта]. – Москва: Наука, 1968. – 422 с.

³⁴ Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – Москва: Азбука, 2022. – 864 с. – ISBN 978-5-389-20592-5.

³⁵ Авенариус, Р. Человеческое понятие о мире: пер. с нем. / Р. Авенариус. – Москва: ЛКИ, 2020. – 94 с. – ISBN 978-5-382-01995-6.

неприменимы, Гуссерль разрабатывает феноменологическую редукцию – «эпохе»: вынесение за скобки суждений о контингентных свойствах феноменов. Процедура восходит к картезианскому методическому сомнению, однако переориентирует его с поиска несомненного основания на описание структур самого опыта³⁶.

Э. Гуссерль, следуя Декарту, избирает сознание отправной точкой философствования³⁷. Однако картезианский подход лишен подлинной строгости. Во-первых, методическое сомнение Декарта приводит к отрицанию реальности физического мира, что само по себе является догматическим суждением.

Строгость, которой добивается Гуссерль, требует не утверждения и не отрицания суждений о внешнем мире, а их нейтрализации. Декарт, прибегая к методическому сомнению, фактически впадает в противоречие: отрицая реальность физического мира, он имплицитно сохраняет ее в собственной онтологии сознания – определяя его через атрибут непротяженности, то есть через отношение к тому самому миру, существование которого поставлено под вопрос.

В «Идеях к чистой феноменологии»³⁸ Гуссерль проводит между своим методом и картезианским сомнением принципиальную границу. Декарт использовал сомнение как инструмент поиска незыблемой точки опоры; феноменологическое «эпохе» – приостановление суждений о существовании мира – преследует иную цель: не обнаружить достоверность, а расчистить пространство для описания самого феномена. Реальность переживания при этом не отрицается, а намеренно выносится за скобки, чтобы сосредоточиться на его структуре.

Редукция разворачивается в три связанных движения. Психологическая редукция ограничивает анализ имманентностью сознания, устраняя отсылки к внешним детерминациям. Трансцендентальная редукция переносит фокус с

³⁶ Докучаев, И. И. Философия в эпоху господства естествознания: феноменологический идеализм и натуралистические редукции сознания аналитической философии / И. И. Докучаев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 26-33. – DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.2.002. – EDN HWKHSW.

³⁷ Декарт, Р. Рассуждение о методе Р. Декарт. – Москва : АСТ, 2020. – 416 с. – ISBN 978-5-17-119354-6.

³⁸ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – Калининград: БФУ им. И. Канта, 2024. – ISBN – 231 с. 978-5-9971-0893-9

эмпирического субъекта на трансцендентальное «Я» – инстанцию, конституирующую смыслы, а не просто их регистрирующую. Эйдетическая редукция выявляет инвариантные сущностные структуры сознания через свободную вариацию воображаемых случаев: то, что остается неизменным при любых модификациях, и есть искомая сущность³⁹.

Методологический смысл этой трехступенчатой процедуры состоит в изменении самой исследовательской установки. Вместо того чтобы накладывать на предмет готовые категории и добиваться его соответствия заранее принятым схемам, исследователь предоставляет феномену возможность развернуться из него самого. Для герменевтических дисциплин это не методологическое уточнение, а смена оптики: текст, историческое событие, культурная практика перестают быть объектами, которые нужно «покрыть» объяснением, и становятся событиями смысла, требующими понимания⁴⁰.

Историк или филолог, принявший феноменологическую установку, перестает быть беспристрастным фиксатором фактов и становится участником смыслового события, в котором предмет исследования конституируется в самом акте понимания, а не предшествует ему как готовая данность.

Как отмечает Седов Ю.Г. в статье о формировании идеи математической феноменологии у Гуссерля, в отличие от формальной логики, математическая феноменология имеет сходство с арифметикой и геометрией. Наиболее отчетливо математический характер феноменологии проявляется при рассмотрении понятия «дефинитное многообразие» – идеи формы бесконечной предметной области, эквивалентной дефинитной системе аксиом.

³⁹ Эдмунд Гуссерль. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») – 464 с.

⁴⁰ Marosan, B. P. How could Husserl's theory of the bodily self-constitution of the ego help bridge the explanatory gap? / B. P. Marosan // Horizon. Studies in Phenomenology. – 2024. – Vol. 13, No. 1. – P. 57-94. – DOI 10.21638/2226-5260-2024-13-1-57-94. – EDN ADAUIG.

Седов Ю.Г. подчеркивает⁴¹, что главное здесь не формальность системы, а ее полнота: многообразие включает предельно мыслимую предопределенность, принципиальную определимость всех своих элементов. Гуссерль упоминает аксиому полноты Гильберта⁴², считая, что она прокладывает путь математического познания в направлении движения мысли логики, связанной понятием дефинитности. Сходство понятия дефинитности и аксиомы полноты отмечалось Гуссерлем уже в первом томе «Идей», где всякая дедуктивная дисциплина, основанная на системе аксиом и исчерпывающим образом определяющая многообразие, называется математической дисциплиной.

Исторически наука как уникальное явление возникла в древнегреческой культуре в неразрывном единстве с философией. Теоретическое отношение к миру, характерное для античной «эпистемы», положило начало критическому мышлению, направленному на объективную истину. В эпоху Нового времени происходит разрыв: наука отделяется от философии и сводится к эмпирическому знанию. Гуманитарные науки оказались перед дилеммой, последствия которой определили их институциональную судьбу на десятилетия вперед: либо подражать естественнонаучной методологии, утрачивая специфику собственного предмета и тем самым растворяясь в чужеродной им познавательной модели, либо отказываться от претензий на научность, обрекая себя на маргинальный статус в системе академического знания.

Подобное разделение воспроизводит на институциональном уровне более глубокое онтологическое противоречие – и тем самым образует исторические условия, преодоление которых постнеклассическая гуманитарная рациональность полагает своей концептуальной задачей.

Генезис данной ситуации Гуссерль прослеживает в «Кризисе европейских наук»: Галилей еще не отрывал математическую символику от наглядного

⁴¹ Седов, Ю. Г. Формирование идеи математической феноменологии в философии Эдмунда Гуссерля / Ю. Г. Седов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 4. – С. 541-549. – DOI 10.17072/2078-7898/2021-4-541-549. – EDN VJZFED.

⁴² Гильберт, Д. Основания геометрии / Д. Гильберт. – Москва : ЕЕ Медиа, 2025. – 184 с. – ISBN 978-5-458-27057-1.

созерцания, удерживая связь с чувственным опытом. Парадокс галилеевской физики состоит в том, что именно революционный по своему характеру метод заложил объективистскую установку, впоследствии обернувшуюся кризисом: природа была переописана как совокупность математизированных схем, и переписание настолько вытеснило непосредственно переживаемую реальность, что абстрактные конструкции заняли ее место – а не просто отображали его.

Жизненный мир – горизонт практик, восприятий и смыслов, в котором только и возможна человеческая деятельность, включая научную, – был не устранен, но забыт: отодвинут на периферию как «лишь субъективное», не заслуживающее теоретического внимания.

Преодоление этого кризиса, по Гуссерлю, невозможно средствами самой объективистской науки – оно требует философской работы по восстановлению утраченной связи между научными абстракциями и их жизненными истоками.

Кризис классического естествознания обнажил проблему некритических предпосылок позитивных наук, актуализировав вопрос о возможности метафизики, поднятый Юмом⁴³ и Кантом^{44,45}. Как отмечает Гуссерль, вопрос о возможности метафизики включает проблему наук, ориентированных на факты, поскольку именно через их соединение с философией они обретают взаимосвязанный смысл.

Интенциональность определяется как направленность сознания на предмет⁴⁶. Любое переживание, коррелирующее с предметным представлением, трактуется как интенциональный акт. Гуссерль, вслед за Ф. Brentano⁴⁷, вводит термины «интенция» и «интенциональность» для описания множественности способов

⁴³ Юм, Давид Природа человека / Давид Юм. – Москва: АСТ, 2023. – 320 с. – 978-5-17-149785-9

⁴⁴ Михайлов, И. А. Кантианская и антикантианская философия языка / И. А. Михайлов // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43, № 3. – С. 47-80. – DOI 10.5922/0207-6918-2024-3-4. – EDN VTUTST.

⁴⁵ Кант, Иммануил Критика чистого разума: с комментариями и иллюстрациями / Иммануил Кант. – Москва: АСТ, 2024. – 224 с. – ISBN 978-5-17-171228-0.

⁴⁶ Москвитин, В. А. Феноменология Эдмунда Гуссерля: анализ интенциональности и структуры сознательного опыта / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 657-664. – DOI 10.30853/mns20240098. – EDN JNLHZA.

⁴⁷ Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996.- 176 с. ISBN: 5-7333-0428-6

представления одного предмета. Интенциональность выступает неустрашимым феноменологическим инвариантом – априорной структурой, сохраняющейся даже при попытке научной редукции.

Гуманитарное познание всегда есть познание интенциональных объектов: текстов, созданных с определенным смыслом; исторических действий, совершенных с определенными намерениями; культурных практик, несущих определенные значения⁴⁸. Понимание интенциональной структуры сознания позволяет раскрыть саму природу гуманитарного объекта как объекта, который существует лишь в соотнесенности с сознанием.

В «Логических исследованиях»⁴⁹ Гуссерль проводит разграничение, имеющее далеко идущие следствия для теории познания. Реальное содержание интенционального акта – это его психологическая ткань, конкретные переживания, из которых акт соткан в потоке сознания. Идеальное содержание – трансцендентальный смысл, направляющий акт на предмет и определяющий, чем именно этот предмет является для сознания. Между ними нет тождества: один и тот же смысл может быть схвачен в разных актах с разным реальным содержанием, и именно это делает понимание возможным как intersubjective процедура, а не сугубо индивидуальное переживание.

Для гуманитарного знания это разграничение принципиально. Исторический текст или культурный артефакт несут в себе идеальное содержание, которое не сводится к их материальным свойствам – бумаге, краске, звуковым колебаниям. Смысл «Гамлета» не исчезает при смене издания, а значение брачного обряда не определяется весом обручальных колец. Гуманитарное исследование всегда обращено именно к этому идеальному пласту – и потому не может быть построено по образцу естественнонаучного описания физических свойств объекта.

⁴⁸ Méndez-Martínez, J. L. Sound ontology and the Brentano-Husserl analysis of the consciousness of time / J. L. Méndez-Martínez // *Horizon. Studies in Phenomenology*. – 2020. – Vol. 9, No. 1. – P. 184-215. – DOI 10.21638/2226-5260-2020-9-1-184-215. – EDN PCOUUD.

⁴⁹ Гуссерль, Эдмунд Логические исследования: [в 2 т.] / Эдмунд Гуссерль; перевод с немецкого В. И. Молчанова, Э. А. Бернштейн. – Москва: Академический проект, 2024. – 1304 с.

В «Идеях к чистой феноменологии» Гуссерль доводит этот тезис до онтологического вывода: полное опредмечивание реальности невозможно, поскольку язык, мышление и сама научная деятельность неустранимо соотнесены с интенциональными актами трансцендентального сознания. Наука не стоит над жизненным миром как нейтральный наблюдатель – она вырастает из него и несет его структуры в своих понятиях, даже когда этого не осознает⁵⁰.

В гуманитарном знании объект всегда уже несет в себе измерение направленности: он создан, интерпретирован и понят субъектом. Научный объективизм, игнорирующий эту соотнесенность, впадает в «забвение истоков», не замечая, что сама возможность гуманитарного знания коренится в актах понимания.

Исследование языка может развиваться в двух направлениях: имманентном (язык как автономная знаковая система) и действенном (язык как инструмент общения, формируемый актами говорящих). Гуссерль предлагает синтез: языковая система содержит внутренне присущие механизмы, позволяющие соотносить структуру мыслительных актов с семантическими формами, выразимыми в грамматике⁵¹. Феноменологический анализ языка намечает путь к методологическому достижению постнеклассической науки в гуманитарном знании – преодолению жесткого противопоставления формального и содержательного подходов.

В языкознании это открывает возможность исследовать язык одновременно как систему и как живую деятельность смыслообразования, не жертвуя ни структурной строгостью, ни бытийной глубиной. В литературоведении такой подход позволяет удерживать в едином аналитическом горизонте текст как объект и акт высказывания как событие, что традиционный формализм неизбежно разрывал. В историческом исследовании язык перестает быть лишь источником

⁵⁰ Carbone, G. Husserl's language of neutrality / G. Carbone // Horizon. Studies in Phenomenology. – 2022. – Vol. 11, No. 2. – P. 517-543. – DOI 10.21638/2226-5260-2022-11-2-517-543. – EDN LFFNKT.

⁵¹ Bilban, T. The phenomenological approach to quantum mechanics: a better understanding of contemporary philosophy of quantum mechanics by revisiting Bohr and Husserl / T. Bilban // Horizon. Studies in Phenomenology. – 2020. – Vol. 9, No. 1. – P. 216-234. – EDN ZKUACP.

сведений и предстает как форма существования самого исторического сознания – среда, в которой прошлое не просто фиксируется, но продолжает длиться и переосмысляться⁵².

Гуссерлевская критика натурализма обнажает структурное противоречие, а не частный методологический просчет. Когда естественнонаучная методология переносится на гуманитарные объекты, она неизбежно производит редукцию: смысл, интерсубъективность, историчность отбрасываются как «субъективные помехи», мешающие достичь объективности. Но именно эти характеристики и составляют то, чем гуманитарный предмет является, – устранить их значит уничтожить сам предмет исследования, а не очистить его от случайных примесей.

Концепция жизненного мира фиксирует онтологическую границу, которую гуманитарная наука не может пересечь, не потеряв себя. Физика вправе абстрагироваться от жизненного мира – ее объекты, масса и заряд, существуют независимо от того, переживает ли их кто-либо. Объект гуманитарного исследования устроен иначе: текст существует лишь в актах понимания, историческое событие – в интерпретативных практиках, культурная норма – в коллективном признании. Жизненный мир – язык, историческая память, культурный горизонт – не контекст, от которого можно отвлечься ради большей строгости, а условие существования самого предмета. Отсюда следует, что критерии научности в гуманитарном знании не могут быть просто заимствованы у естествознания: они должны быть выработаны из природы самого предмета – исторической, языковой, интерсубъективной⁵³.

Именно в этом горизонте жизненного мира конституируются те смысловые структуры – ценности, интерпретации, социальные практики, – которые физика и химия намеренно выносят за скобки, тогда как история, филология и культурология обращены к ним как к своему непосредственному предмету.

⁵² Lovasz, A. Neo-Husserlian Meditations: extending intentionality to the objective realm in first phenomenology / A. Lovasz // *Horizon. Studies in Phenomenology*. – 2020. – Vol. 9, No. 1. – P. 143-161. – EDN WGYUJN.

⁵³ Vëgners, U. Husserl and dimensions of temporality: a framework for the analysis of temporal experience / U. Vëgners // *Horizon. Studies in Phenomenology*. – 2021. – Vol. 10, No. 1. – P. 186-211. – EDN RHDWXI.

Интенциональность как фундаментальная структура сознания эксплицирует конститутивную роль субъекта в гуманитарном познании. Гуманитарный объект – текст, историческое событие, культурная практика – существует лишь в соотнесенности с интенциональными актами понимания. Это делает невозможным «исключение субъекта», которое было условием объективности в классической науке. Напротив, в постнеклассической гуманитарной науке субъект понимания становится легитимным элементом познавательного процесса.

Феноменология Гуссерля выступает необходимым первым шагом к постнеклассической парадигме гуманитарного знания. Она предоставляет понятийный аппарат (жизненный мир, интенциональность, феноменологическая редукция), без которого невозможно обосновать специфику гуманитарного познания и его отличие от естественнонаучной модели.

Критика натурализма открывает путь к легитимации гуманитарных наук как наук «*sui generis*» – с собственным предметом, методами и критериями научности, не сводимыми к естественнонаучному идеалу. В дальнейшем эта линия получит развитие в онтологии Хайдеггера, критике редукционизма Дрейфуса, а также в эпистемологических стратегиях Фейерабенда, Деррида и Серла.

Феноменологическая программа Гуссерля получает свое прямое продолжение в герменевтической философии Ханса-Георга Гадамера, который переводит понятие жизненного мира из трансцендентально-феноменологической в историко-герменевтическую плоскость. В «Истине и методе» (1960) Гадамер показывает, что понимание – основная операция гуманитарных наук – не является методологической процедурой, которую можно формализовать и воспроизвести, а представляет собой событие, всегда уже совершающееся в горизонте традиции, языка и предпонимания.

Понятие «слияния горизонтов», введенное Хансом-Георгом Гадамером в фундаментальном труде «Истина и метод», описывает встречу истолкователя и текста не как отношение субъекта к объекту, но как взаимное расширение двух исторических горизонтов. Тем самым Гадамер радикализирует гуссерлевскую критику объективизма применительно к гуманитарному познанию: историчность,

языковая опосредованность и включенность в традицию выступают не препятствиями для объективного знания, но онтологическими условиями самой возможности понимания. Из этого следует принципиальный для гуманитаристики тезис: интерпретация не является вторичной операцией, надстраивающейся над готовыми «фактами», – она образует сам объект исследования, который обретает статус научного предмета лишь в акте понимания и вне этого акта не существует.

Феноменология Гуссерля в «Кризисе европейских наук» эксплицирует основание первого из пяти диалектических противоречий, конституирующих, по Стёпину, становление постнеклассической рациональности, – противоречия между формализованной объективностью и жизненным миром. Гуссерль выявляет структурный характер данного противоречия, укорененного в логике математизирующего естествознания со времен Галилея. Тем самым феноменология задает конструктивную задачу для постнеклассической рациональности: восстановление онтологического фундамента познания при сохранении научной строгости. Проведенный анализ подтверждает первое защищаемое положение: разрыв между жизненным миром и математизированными абстракциями есть структурное противоречие, имманентное классической рациональности.

Именно здесь обнаруживается генетический исток постнеклассического поворота – не как внешней коррекции, но как необходимого ответа на противоречие, заложенное в основаниях классической науки. Одновременно подтверждается второе положение: Гуссерль показывает, что язык не является нейтральным инструментом обозначения – интенциональный акт смыслообразования предшествует любой языковой фиксации и образует саму возможность научного высказывания о гуманитарном предмете.

1.2 Онтология современной технологии: «Постав» и его воздействие на язык в философии Мартина Хайдеггера

Переход от феноменологии Эдмунда Гуссерля к фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера в рамках настоящего исследования не следует понимать как простое воспроизведение исторической хронологии. Указанный переход знаменует собой принципиальный методологический сдвиг: от гносеологической критики оснований науки к онтологическому анализу сущности технологической эпохи.

Обращение к хайдеггеровской философии⁵⁴ продиктовано внутренними пределами гуссерлевской постановки вопроса. В «Кризисе европейских наук» Гуссерль действительно вскрывает глубину противоречия между миром математизированных абстракций и жизненным миром – сферой допонятийного, телесного, интенционального опыта, которую позитивная наука методично вытесняла за пределы легитимного знания. Это диагноз высокой точности. Однако трансцендентальная феноменология удерживает кризис преимущественно в гносеологической плоскости: ее вопросы касаются обоснования объективности, конституирования смысла в сознании, соотношения научной конструкции с жизненным миром. Бытие как таковое – в отличие от структур сознания и его направленных актов – не становится здесь центральной темой. Граница гуссерлевского проекта пролегает именно здесь: он возвращает рефлексии забытый фундамент познания, но не спрашивает о том, каков онтологический статус самого этого фундамента и как исторически сложившийся способ бытия человека определяет возможные горизонты понимания.

Гуссерлевский анализ, оставаясь в рамках трансцендентальной субъективности, оказывается недостаточным для осмысления того, почему тотальное распространение техники радикально преобразует мир и самого человека. Именно этот вопрос приобретает определяющее значение для

⁵⁴ Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; ред. В. Айрапетян; пер. В. В. Бибихин. – Москва: Академический Проект, 2015. – 460 с. – (Философские технологии). – ISBN 978-5-8291-1228-8.

постнеклассической науки в гуманитарном знании, требуя выхода за пределы сознания к онтологическим основаниям существования⁵⁵.

Во-вторых, именно Хайдеггер осуществляет эту радикализацию, переводя феноменологическую проблематику из плоскости исследования сознания в плоскость фундаментальной онтологии – и этот шаг является ключевым как для настоящего исследования, так и для постнеклассической науки в гуманитарном знании в целом. Хайдеггер утверждает, что кризис науки и техники⁵⁶ невозможно осмыслить, оставаясь на уровне «правильного представления» о мире: необходим анализ того, каким образом сущее в целом открывается человеку в конкретную историческую эпоху. Через понятие «Постава» он раскрывает современную технику не как совокупность инструментов, а как исторически сложившийся способ раскрытия бытия, при котором все существующее – природа, человек, язык – низводится до статуса «ресурсного резерва», готового запаса, подлежащего расчету, извлечению и управлению.

В-третьих, данный переход выполняет важнейшую функцию в логике построения всей диссертации, связывая феноменологическую критику с последующим анализом ключевых тем постнеклассической парадигмы. Концепция жизненного мира у Гуссерля, представляющая собой допонятийный горизонт смысла, у Хайдеггера переосмысливается в контексте «Постава». Становится ясно, что не только наука, но и техника как способ раскрытия бытия трансформирует сам жизненный мир, структурируя его изначально как ресурсный и подконтрольный⁵⁷.

Кризис науки предстает, следовательно, частным случаем более общего кризиса технологически обусловленного способа бытия – диагноз, принципиально недоступный гуссерлевской трансцендентальной феноменологии, не выходящей за

⁵⁵ Зубкевич, Л. А. На пути к новому мировоззрению. Феноменологическая и экзистенциальная ревизия рационализма в философии Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера / Л. А. Зубкевич, Т. А. Комарова // Философские дескрипты. – 2021. – № 24. – EDN ХТЕМНУ.

⁵⁶ Лебедь, Е. С. Проблема техники и технологизации современных процессов сквозь призму методологии Мартина Хайдеггера / Е. С. Лебедь // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 22, № 6. – С. 102-108. – DOI 10.37482/2687-1505-V227. – EDN SNUJEN.

⁵⁷ Heidegger, Martin. Being and Time / Martin Heidegger. – Reprint edition. – [United States]: Martino Fine Books, 2024. – 590 p.; – ISBN 978-1-684-22328-2.

пределы анализа сознания. Гуссерлевская интенциональность сменяется у М. Хайдеггера анализом «бытия-в-мире», где исходным горизонтом понимания выступает язык как «дом бытия» – однако в техническую эпоху этот «дом» подвергается деформации, превращаясь в инструмент расчета и утрачивая способность хранить то онтологическое измерение, возвращение к которому составляет одну из центральных задач постнеклассической парадигмы гуманитарного познания.

Философский анализ технологии и языка у Мартина Хайдеггера предстает как глубокая рефлексия о сущности технической эпохи и ее онтологических последствиях для человеческого бытия⁵⁸. В центре внимания – не поверхностные манифестации технологического прогресса, а его фундаментальная структура, которую Хайдеггер обозначает как «Постав» (Gestell), – режим раскрытия бытия, где все сущее редуцируется к «готовому запасу» (Bestand), доступному для бесконечного извлечения, хранения и перераспределения. Эта структура не сводится к техническим устройствам; она конституирует онтологический горизонт, в рамках которого человек и мир взаимодействуют, а сама технология выступает как судьбоносное собрание, направляющее человечество по пути программирования⁵⁹.

Хайдеггер стремится раскрыть технологию как специфическую форму раскрытия реальности, связанную с «приведением-к-бытию». Исходной точкой анализа выступает общепринятое представление о технологии как инструменте, направленном на достижение определенных целей. Однако философ подчеркивает, что само по себе технологическое устройство не исчерпывает своей сущности. Сущность технологии, по его мнению, не является технической по своей природе. Следовательно, пока мы ограничиваемся лишь функциональным восприятием

⁵⁸ Москвитин, В. А. Герменевтика техники и проблема языка в философии Хайдеггера / В. А. Москвитин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2025. – № 3. – С. 78-86. – DOI 10.37882/2500-3682.2025.03.08. – EDN EQJPYL.

⁵⁹ Паткуль, А. Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера / А. Б. Паткуль. – Санкт-Петербург : Наука, 2020. – 810 с. – ISBN 978-5-02-040333-8. – EDN GBZTFR.

технологического, мы остаемся в плену иллюзорного понимания ее сущности, будь то слепое принятие или отрицание технологий.

Современный человек, согласно анализу Мартина Хайдеггера, представленному в работе «Вопрос о технике», оказывается онтологически несвободным в своем отношении к технологии, поскольку даже формы сопротивления или восхищения не выводят его за пределы технологического поля. Противопоставляя современную технику античному «техне», понимаемому как искусство-мастерство и способ истины, философ демонстрирует фундаментальное различие в способах раскрытия бытия. Древнее «техне» позволяло потенциям материи актуализироваться в диалоге с природой, тогда как сущность современной техники, именуемая Хайдеггером «Поставом» и представляющая собой способ собирания, принуждающий к заказу, требует насильственного «вызова», трансформируя землю, воздух и реки в объекты эксплуатации⁶⁰. Подобный сдвиг радикально изменяет не только практические способы взаимодействия с миром, но и экзистенциальную позицию человека, превращая его из со-участника раскрытия истины в оператора системы, чье присутствие фиксирует мир в состоянии постоянной готовности к использованию.

Преодоление ограниченности инструментального подхода Хайдеггер связывает с онтологическим анализом причинности как основания технологического бытия. В отличие от утилитарного понимания средства, направленного на достижение цели, технология раскрывается через четырехчастную структуру причинности, восходящую к аристотелевской традиции⁶¹. Материальная причина как вещество, формальная причина как структура, целевая причина как завершенность и действующая причина как субъект осуществления в их гармоническом единстве характеризуют древнегреческое понимание творчества, где господствует не механистическая детерминация, но соразмерность начал. Именно в этом контексте «техне» обретает

⁶⁰ Пак, Л. Е. Философия техники Мартина Хайдеггера / Л. Е. Пак // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 68-69. – EDN YRPBJD.

⁶¹ Аристотель Метафизика :/ Аристотель. – Москва: АСТ, 2019. – 448 с. – ISBN 978-5-17-114525-5.

значение формы творческого раскрытия, принадлежащей к категории «приведения-к-бытию», то есть процессу поэтического становления, в котором материя и форма обретают свое существование⁶². До Платона термин «техне» находился в тесной связи с «эпистеме», обозначающим достоверное знание, и означал не абстрактную теорию, но практическое умение жить в мире и проникать в сущность вещей.

Сущностная опасность современной техники, согласно Хайдеггеру, коренится в ее онтологическом модусе, именуемом «Поставом». Данная структура обозначает фундаментальный способ самораскрытия бытия, при котором вся сущая реальность редуцируется до статуса «готового запаса», представляющего собой ресурс, доступный для эксплуатации. «Постав» представляет собой имманентное собирание того установления, которое провоцирует человека и детерминирует его позицию, требуя раскрытия действительности исключительно в модусе программируемости. Важно подчеркнуть, что «Постав» не является техническим артефактом, поскольку он учреждает онтологический горизонт, в рамках которого бытие обнаруживает себя.

Человеческое существование, будучи изначально захваченным этим модусом раскрытия, не способно установить с ним рефлексивное отношение постфактум, так как предшествующая вовлеченность в «Постав» исключает такую возможность⁶³. Следовательно, вопрос об аутентичном отношении к сущности техники неизбежно возникает с запозданием. Тем не менее сохраняет актуальность проблема осознания субъектом собственной деятельности как в публичной, так и в приватной сферах в качестве деятельности, всегда уже спровоцированной «Поставом».

Онтологическая опасность «Постава» обусловлена его судьбоносным характером, поскольку он направляет человека по пути раскрытия бытия,

⁶² Шурунов, К. М. О предметном поле и генезисе концептов философии техники / К. М. Шурунов // Научное мнение. – 2022. – № 6. – С. 23-31. – DOI 10.25807/22224378_2022_6_23. – EDN MGVLEW.

⁶³ Зайцева, Н. В. Хайдеггер о сущности технологии: Что такое Технология на самом деле? / Н. В. Зайцева, Г. О. Захаров, Н. А. Поливанов // Аллея науки. – 2022. – Т. 2, № 5(68). – С. 270-274. – EDN ZXVOID.

радикально суженному категориями доступности и программируемости и не допускающему выхода за пределы собственной имманентной логики⁶⁴. Хайдеггер фиксирует катастрофическое следствие этого движения, приближающего человека к порогу, за которым легитимными признаются лишь цели и ценности, порожденные самим установлением, что ведет к утрате критериев значимости, независимых от технологической рациональности. Это грозит тотальным забвением иных, нефункциональных способов бытийного раскрытия, сохранение и концептуальное освоение которых составляет неотложную задачу постнеклассической науки в гуманитарном знании.

Пребывая в онтологическом режиме «готового запаса», современный человек постепенно утрачивает доступ к альтернативным формам раскрытия, способным обнажить его экзистенциальную сущность, и именно эти формы постнеклассическая гуманитарная наука стремится вернуть в горизонт легитимного познания. Опасность, на которую указывает Хайдеггер, состоит не просто в ограничении горизонтов истины, поскольку «Постав» как судьба раскрытия угрожает самой возможности ее обнаружения. Человек, «вызванный» в этот режим, автоматически занимает позицию оператора системы, и его сознание структурировано логикой «готового запаса» прежде, чем он успевает занять по отношению к ней рефлексивную позицию. Наивысшая угроза возникает в тот момент, когда сущее перестает восприниматься как таковое и сводится к чисто инструментальному ресурсу, включая самого человека, который из субъекта познания и действия трансформируется в функциональный элемент воспроизводимой им системы.

Сущность технологии, согласно Хайдеггеру, не тождественна идеальному образцу техники и не может быть понята как абстракция либо платоновская идея⁶⁵. Ключевым моментом его анализа выступает переосмысление соотношения

⁶⁴ Павленко, А. Н. Мартин Хайдеггер: сущность современной техники / А. Н. Павленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2003. – № 1. – С. 67-75. – EDN IYZKT.

⁶⁵ Платон Диалоги / Платон ; пер. с древнегреч. В.Н. Карпова. – Москва : Азбука, 2024. – 448 с. – ISBN 978-5-389-09715-5.

технологии и науки: Хайдеггер опрокидывает традиционную каузальную схему, утверждая, что современное естествознание становится возможным лишь постольку, поскольку природа предварительно раскрыта как исчислимая и управляемая совокупность сил, то есть раскрыта именно технологически. Наука не порождает технологию, но сама фундируется уже актуализированным технологическим способом раскрытия, в котором природа заранее конституирована в качестве «поставы» – ресурса, подлежащего расчету и эксплуатации. Классическая научная рациональность, следовательно, не предшествует технологическому режиму, но выступает одним из его проявлений.

Согласно Хайдеггеру, технология обнаруживает двойственную природу, включающую инструментальный и антропологический аспекты, где последний приобретает определяющее значение. Сущность техники, как он подчеркивает, не исчерпывается ее функциональной ролью, а указывает на более глубокую онтологическую структуру, связанную с историческим бытием человека. Современная наука и технология находятся в отношениях симбиотической взаимозависимости: техника реализует научные открытия в практике, тогда как научный эксперимент предполагает технологическую оснащенность. Развивая мысль Хайдеггера, можно отметить, что прогресс науки обусловлен совершенствованием экспериментальной аппаратуры, а математизированная наука через механистическую парадигму порождает технику, одновременно сама будучи продуктом технической рациональности⁶⁶.

Раскрытие сущности современной науки требует обращения к ее онтологической основе, связанной с тем, что М. Хайдеггер обозначает как «метафизическое проектирование» человека в отношении к природе. Математический характер науки выражается в способности выявлять структуры реальности, доступные воспроизводимому обучению и трансляции, что коррелирует с античным пониманием «*matematike*» как универсальных начал

⁶⁶ Чернавин, Г. Феноменологическое и постструктуралистское прочтение §§ 54-60 Бытия и времени / Г. Чернавин // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 159-172. – DOI 10.21638/2226-5260-2023-12-1-159-172. – EDN JKFEAP.

познания – начал, которые не открываются, а заранее полагаются как условие возможности научного опыта⁶⁷.

Связь между технологией и языком занимает в хайдеггеровском анализе особое место, поскольку затрагивает не только философию техники, но и само устройство научного дискурса. «Языковая машина» – хайдеггеровский образ того, чем язык становится внутри «Постава»: речь сводится к функции передачи сведений и управления, утрачивая онтологическое измерение, которое Хайдеггер описывал как «дом бытия» – пространство, где сущее само себя раскрывает⁶⁸. Противопоставляя технологическому языку «сказание-показывание», он указывает на иной, не инструментальный способ соотношения с миром – поэтическое и медитативное мышление, сопротивляющееся логике унификации и вычисления.

Речь в этой перспективе не сводится ни к биологической способности, ни к средству коммуникации. Это онтологическая структура человеческого присутствия: язык не следует уже оформленной мысли, а предшествует ей, открывая то пространство, в котором мышление вообще способно состояться. Традиционная философия – от риторики до аналитической логики – выстраивала обратную иерархию: мысль первична, язык вторичен и служебен. Хайдеггер обращает эту схему: речь есть первичное раскрытие мира, а не его последующая словесная упаковка. Он прослеживает истоки этого понимания у Гумбольдта⁶⁹ и Гамана⁷⁰, однако констатирует, что в технологическую эпоху инструменталистский взгляд на язык не просто возродился, но достиг крайней степени самоутверждения.

В «Вопросе о технике» этот процесс описан как завершение: язык определяется через категорию сведений, и это не просто лингвистическая теория – это симптом того, что «Постав» структурирует уже не только отношение к природе,

⁶⁷ Авдошин, Г. В. Осмысление роли техники в философии Мартина Хайдеггера / Г. В. Авдошин, Л. Ф. Галяутдинова // Наука и перспективы. – 2019. – № 4. – С. 48-53. – EDN YFLNYR.

⁶⁸ Павлова, Д. А. К вопросу о гипостазировании языка у Мартина Хайдеггера / Д. А. Павлова, А. Г. Чебан // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 9(89). – С. 48-53. – DOI 10.24158/fik.2021.9.8. – EDN DEFDTJ.

⁶⁹ Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.

⁷⁰ Гаман И. Г. «Крохи», «Метакритика пуризма чистого разума». В книге: И. Г. Гаман, Ф. Г. Якоби. Философия чувства и веры. Сост., вступ.ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч.: С. В. Волжин. – СПб., 2006. – 487 с. ISBN 5-86763-174-5.

но и само мышление. Аналитическая философия с ее стремлением к «метаязыку» – единому оперативному средству межпланетной информации, как иронически формулирует Хайдеггер, – представляет собой, по его оценке, полную технизацию языка: металингвистика и ракетостроение принадлежат одному и тому же проекту. Логику и математическую символику – то, что он называет «логистикой», – Хайдеггер квалифицирует как «необорванную власть метафизики», принявшую новый облик: она воспринимается как единственно возможная форма строгой философии именно потому, что ее процедуры продуктивны для «строительства технологической вселенной». Позицию Карнапа⁷¹ он прямо называет «технико-технологическим взглядом на язык» – взглядом, при котором мышление и речь исчерпываются их отношением к объектам и больше ни к чему.

Общая форма метафизического мышления, как указывает Хайдеггер, получает определение как «научно-технический образ мышления». Он угрожает «распространиться на все сферы бытия», усиливая «обманчивое представление, при котором все мышление и речь кажутся объектными». Именно эта форма объектного мышления стремится «представлять все исключительно в технологически-научном ключе как объект возможного контроля и манипуляции»⁷².

В контексте настоящего исследования данный хайдеггеровский диагноз описывает ту самую классическую модель рациональности, чья ограниченность применительно к гуманитарному познанию последовательно раскрывается в постнеклассической парадигме.

Хайдеггер также называет метафизический образ мышления в современную эпоху «однотропным мышлением», прямо связывая его с технологией. В том же ключе он определяет его как «одностороннее мышление», ведущее к

⁷¹ Карнап, Р. Философские основания физики. Введение в философию науки / Р. Карнап. – М.: Прогресс, 1971. – 390 с.

⁷² Павлов, И. И. Философия науки после Хайдеггера: взгляд Владимира Бибикина / И. И. Павлов // Отечественная философия. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 17-32. – DOI 10.21146/2949-3102-2024-2-3-17-32. – EDN AKSIXY.

«однотипному, унифицированному взгляду», где «все уравнивается до одного уровня», а «наши умы вырабатывают мнения обо всем и каждом, рассматривая вещи одинаково». Соответственно, существует язык, являющийся выражением этой формы мышления – сам односторонний и односторонний. Один из «симптомов» усиливающегося господства технологического мышления Хайдеггер видит в росте использования аббревиатур, составленных из начальных букв слов или их сокращений. Такой язык становится технологическим по своей сути, поскольку предвещает порядок, в котором все сводится к однозначности понятий и точных спецификаций. Он наблюдает это, например, в работах Норберта Винера⁷³, одного из основателей кибернетики, который утверждал, что язык «не является исключительной чертой человека, но может быть частично присущ и машинам, созданным им самим». Такая точка зрения возможна, по мнению Хайдеггера, лишь при предпосылке, что язык сводится к средству информирования. Для него это одновременно представляет «угрозу собственной сущности человека». Аналогичное предупреждение он формулирует с учетом специфики языковой машины: интерпретация и использование языка как инструмента вводит нас в заблуждение, будто мы господствуем над языковой машиной.

Хайдеггер именует подобные интерпретации «технологическими», подчеркивая, что они становятся доминирующими «поскольку технология сама понимается как средство, а все сущее мыслится лишь в этом отношении». Если наш образ мышления ценит только то, что имеет немедленную полезность, то язык воспринимается исключительно с точки зрения его функциональной применимости для нас⁷⁴. Более того, это указывает на то, что именно сущность технологии как установления-в-рамки определяет то, что Хайдеггер называет «превращением языка в чистую информацию».

Внутри «Постава», следовательно, «речь превращается в информацию». Хайдеггер также упоминает «языковую машину» как «одну из форм, в которых

⁷³ Винер, Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Н. Винер; пер. с англ.; предисл. Г. Н. Поварова. – 2-е изд. – Москва: Сов. радио, 1968. – 326 с.

⁷⁴ Бибихин, В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. – Изд. 3-е, стер.. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 389 с. – (Слово о сущем). – ISBN 5-02-026832-1. – EDN QWPEOD.

современная технология контролирует бытие и мир языка как такового». Можно заключить, что языковая машина представляет собой один из ключевых способов, посредством которых язык установления-в-рамки актуализирует себя. С созданием того, что Хайдеггер называет электронными мозгами – машинами для вычисления, мышления и перевода, – языковая машина становится возможной в той мере, в какой их деятельность происходит в сфере языка.

Если происходит превращение языка в языковую машину, говорящую на языке установления-в-рамки, то возникает вопрос: в чем сущность языка сама по себе, что позволяет ему трансформироваться в технологический язык, в информацию? Ответ Хайдеггера следует по линии лингвистического пути, сосредотачиваясь на «том, что язык сам дает нам мыслить», через слово «сказание-показывание». Сущность языка таким образом определяется из самой сущности языка: это – «сказание-показывание», которое показывает, в смысле позволить-проявиться.

Хайдеггер акцентирует внимание на том, что смысл, пронизывающий технологию, скрыт и одновременно проявляется, что является сущностной чертой тайны. Он утверждает, что открытость к этому скрытому смыслу технологии – это важный аспект нашего существования⁷⁵.

Хайдеггер разграничивает технологию и ее сущность именно потому, что функциональное описание технических устройств это различие снимает: «Постав» не ограничивает горизонты познания извне, но структурирует сам способ раскрытия бытия человеку в техническую эпоху, превращая мир в склад готовых запасов. Кризис, отсюда вытекающий, неустраним гносеологически – он коренится не в методах, а в онтологической установке. Редукция языка к информационной функции есть прямое следствие этой установки: язык утрачивает то конститутивное измерение, в котором, согласно «Письму о гуманизме», сущее раскрывается в своей историчности. Там, где Гуссерль диагностировал кризис как

⁷⁵ Ищенко, Н. И. Понятие «открытость» в аналитике Dasein Мартина Хайдеггера: проблема определения / Н. И. Ищенко // История философии. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 55-68. – DOI 10.21146/2074-5869-2020-25-2-55-68. – EDN VKAXOG.

утрату связи с жизненным миром, Хайдеггер обнажает его онтологические основания – и именно это углубление делает его анализ отправной точкой как для критики символического искусственного интеллекта у Дрейфуса, так и для понимания языка у Деррида и Серла.

1.3 Философский анализ символического искусственного интеллекта: феноменологическая перспектива Хьюберта Дрейфуса

Дрейфус переводит абстрактную критику Гуссерля и Хайдеггера в плоскость анализа вычислительных систем: апории философии сознания он проецирует непосредственно на проект символического искусственного интеллекта, где мышление редуцируется к синтаксису. Отрыв рациональности от жизненного мира, зафиксированный Гуссерлем, и хайдеггеровская неформализуемость бытия-в-мире получают у Дрейфуса эмпирическое измерение; опираясь на Мерло-Понти, он показывает, что понимание несводимо к правилам в силу конститутивной роли телесности – той роли, которую символическая парадигма в принципе не способна учесть. Современные языковые модели, генерирующие текст статистически, не опровергают этот тезис, но заостряют его: отсутствие интенциональности и фонового понимания воспроизводит именно то, о чем писал Серл, – семантика к синтаксису не сводится.

Их ограниченность в открытом контексте обнажает пропасть между предсказанием токенов и воплощенным вовлечением в мир. Критика Дрейфуса становится феноменологической диагностикой, очерчивающей пределы формализации человеческого бытия⁷⁶.

Гуссерлевское понятие жизненного мира радикализируется: символический интеллект предполагает, что мир исчерпывается совокупностью явных фактов и правил, тогда как человеческое понимание всегда опирается на неартикулированное фоновое знание, не поддающееся полной экспликации.

⁷⁶ Dreyfus H., Dreyfus S. *Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in the Era of the Computer*. Oxford, U.K.: Blackwell, 1986.

Хайдеггеровский анализ бытия-в-мире конкретизируется: подлинное знание коренится в практическом вовлечении и телесности, а не в обработке символических репрезентаций. Наконец, четко очерчиваются пределы алгоритмизации, совпадающие именно с тем, что составляет предмет гуманитарных наук: интуиция, такт, историческое понимание принципиально неформализуемы – и любые попытки их имитации в замкнутых системах закономерно терпят неудачу при столкновении с открытыми ситуациями.

Совокупный итог этого анализа имеет значение, выходящее за рамки полемики с ИИ. Если интерпретация, понимание и культурный опыт образуют нередуцируемое ядро человеческой разумности – а именно это показывает критика символического ИИ, – то гуманитарные дисциплины исследуют не «менее строгий» фрагмент реальности, нуждающийся в методологическом оправдании перед лицом естественнонаучного эталона. Они обращены к тем пластам существования, которые по своей онтологической структуре лежат за пределами формализации, – и именно это задает специфику их научности.

Вместе с тем аргументация Дрейфуса⁷⁷ дает конкретное аналитическое наполнение пятому из рассматриваемых в исследовании фундаментальных противоречий. Речь идет о противоречии между редукцией сознания к вычислительному процессу и онтологической уникальностью воплощенного понимания.

Критика искусственного интеллекта, развернутая Хьюбертом Дрейфусом, представляет собой систематическое опровержение четырех базовых допущений⁷⁸, на которых зиждется исследовательская парадигма в этой области. Первые два из них он обозначает как биологическое и психологическое допущения. Согласно первому, мозг рассматривается как аналог аппаратного обеспечения, тогда как разум как программное обеспечение, исполняющее вычислительные функции. Второе предполагает, что ментальные процессы сводимы к дискретным

⁷⁷ Dreyfus H. *Alchemy and AI*. Santa Monica: RAND Corporation, 1965.

⁷⁸ Дрейфус, Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума / Х. Дрейфус. – Москва: URSS, 2010. – 340 с. – ISBN 978-5-397-01007-8.

вычислениям, осуществляемым над символическими представлениями в форме алгоритмических правил. Однако, как подчеркивает Дрейфус, эти два допущения опираются на еще более глубинные основания, а именно эпистемологическое и онтологическое.

Эпистемологическое допущение утверждает, что любую активность – независимо от того, осуществляется ли она живыми существами или неживыми объектами – можно формализовать в виде предсказуемых, математически выразимых правил или законов. Онтологическое же исходит из предпосылки, что реальность состоит из набора атомарных, взаимно независимых и неделимых фактов. Из первого допущения вытекает идея о тождестве интеллекта и следования формальным правилам; из второго – тезис о том, что человеческое знание представляет собой систему внутренних репрезентаций объективной реальности.

В рамках этой модели когниция трактуется как манипуляция внутренними символами посредством формальных правил, а человеческое поведение полагается в значительной степени свободным от контекста. Отсюда следует претензия на «истинно научную психологию», способную описывать внутренние законы функционирования разума столь же строго, как физика описывает законы внешнего мира – то есть в терминах объективных, контекстуально нейтральных закономерностей. Именно эту центральную установку Х. Дрейфус решительно отвергает – и именно этот отказ обосновывает специфику гуманитарного предмета как принципиально неалгоритмизуемого. Человек, настаивает он, не может быть понят в категориях естественных наук: человеческое поведение принципиально не поддается объективному, контекстуально нейтральному предсказанию – не в силу временной недостаточности наличных методов, но в силу онтологической структуры самого предмета. Идея бесконтекстной психологии образует внутреннее противоречие: она устраняет именно то, что конституирует психологический феномен как таковой⁷⁹.

⁷⁹ Астахов, С. Феноменология против символического искусственного интеллекта: философия научения Хьюберта Дрейфуса / С. Астахов // Логос. – 2020. – Т. 30, № 2(135). – С. 157-193. – DOI 10.22394/0869-5377-2020-2-157-190. – EDN NCHYMV.

Дрейфус черпает аргументацию из феноменологической и герменевтической традиции, в частности, из анализа человеческого существования как бытия-в-мире. Он настаивает на том, что человеческое бытие изначально ситуативно и вплетено в контекст. Следовательно, предположения о его атомарной структуре и полной формализуемости не являются описаниями действительности, а лишь выражениями определенного взгляда на нее – взгляда, который может быть принят, но не может быть навязан как единственно возможный. Факт, что человек способен смотреть на мир как на совокупность атомарных фактов, вовсе не означает, что реальность такова сама по себе⁸⁰.

На основании этой критики он делает вывод, что создание устройства, обладающего интеллектом, подобным человеческому, потребовало бы не только внешнего сходства, но и подлинной экзистенциальной вписанности в мир⁸¹: телесности, близкой к человеческой, культурной социализации, структурированных форм совместного бытия. Без этого всякая симуляция разума останется поверхностной и формальной, а не глубинно интенциональной.

С момента зарождения исследований в области искусственного интеллекта в середине XX века наблюдалось разнообразие подходов, целей и методологических оснований. Однако в период с 1950-х до начала 1980-х годов различные направления ИИ-исследований объединяли такие сильные теоретические и практические общности, что их можно рассматривать как научную парадигму в смысле, сформулированном философом науки Томасом Куном⁸². Парадигма здесь понимается как совокупность принятых в научном сообществе методов, целевых установок, онтологических и эпистемологических предпосылок, а также эталонных примеров успешных исследований, которые коллективно определяют программу научного развития. Эта парадигма известна под названием «символический ИИ»,

⁸⁰ Москвитин, В. А. За пределами алгоритмов: Философская критика Хьюберта Дрейфуса / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2025. – № 11. – С. 161-178. – DOI 10.25136/2409-8728.2025.11.74146. – EDN KOLIJV.

⁸¹ Dreyfus H. What Computers Can't Do. New York: MIT Press, 1972. ISBN 978-0-06-090613-9.

⁸² Кун, Томас Структура научных революций / Томас Кун. – Москва: АСТ, 2015. – ISBN 978-5-17-059180-0.

поскольку ее фундаментальной аксиомой является положение о том, что интеллект представляет собой процесс манипуляции символами.

Приняв исходное допущение о том, что интеллектуальные процессы представляют собой обработку информации, исследователь неизбежно сталкивается с двумя фундаментальными вопросами: какова природа этой информации и посредством каких механизмов она преобразуется? В этом ключевом пункте символический искусственный интеллект формулирует два центральных постулата. Первое предположение заключается в том, что информация должна быть представлена в определенной форме. Для выполнения операций над данными система обязана оперировать неким носителем, в котором информация структурирована⁸³. Наиболее значимое допущение классического ИИ состоит в утверждении, что внутренние представления интеллектуальных систем имеют символическую природу⁸⁴.

Идеи о природе интеллекта, выдвинутые символическим ИИ, часто позиционируются как новаторские. Однако Хьюберт Дрейфус подчеркивает, что это всего лишь современная реконфигурация древней философской позиции, известной как рационализм, которая периодически возникала в истории мысли. Фундамент этой концепции заложил Платон, утверждавший, что мудрость заключается в способности формулировать знание через явные определения, и отвергавший ценность поведения, основанного на интуиции или приобретенных навыках. Он верил в возможность открытия системы теоретических, объективных принципов, аналогичных аксиомам геометрии, которые могли бы служить рациональной основой для объяснения реальности и оправдания человеческой деятельности.

По мнению Хьюберта Дрейфуса, в символическом искусственном интеллекте отчетливо проявляются три характерные черты рационалистической

⁸³ Москвитин, В. А. Онтология информации как процесс становления: метастабильность, индивидуация и трансдукция в философии Жильбера Симондона / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 160-165.

⁸⁴ Zhang, F. The Social Nature of Skills: Beyond Dreyfus' Skill Model / F. Zhang // Technology and Language. – 2023. – Vol. 4, No. 3(12). – P. 130-140. – DOI 10.48417/technolang.2023.03.10. – EDN LBTPXA.

традиции. Первая, которую он называет психологической предпосылкой, заключается в допущении: человеческий интеллект сводится к манипуляции символами по формальным правилам. Все вариации символического ИИ объединяет вторая, эпистемологическая предпосылка: любое знание поддается формализации⁸⁵. Согласно этой идее, все, что доступно пониманию человека, может быть выражено через контекстно-независимые формальные правила или определения. Оба допущения опираются на третью, онтологическую предпосылку: реальность, в той мере, в какой она доступна познанию человеком, обладает формализуемой структурой, состоящей из объективных, автономных элементов.

Основания классического искусственного интеллекта укоренены в рационалистической традиции, восходящей к лейбницевской идее универсального исчисления, где разум понимается как формальная система обработки знаков, функционирующая согласно строго определенным правилам вывода. Подлинное значение этого проекта и его пределов обнаруживается только в горизонте многовековой философской полемики о природе мышления, в рамках которой возможность сведения разума к логическим операциям неизменно оспаривалась с позиций, указывавших на нередуцируемость понимания и воплощенного опыта. Указанная полемика образует концептуальные условия, без которых критика Дрейфуса остается частным техническим спором, тогда как в действительности она воспроизводит на новом материале один из центральных вопросов постнеклассической науки в гуманитарном знании. Речь идет о том, исчерпывается ли человеческая рациональность формально-процедурным измерением или же укоренена в пластах опыта, принципиально ему предшествующих.

Обращаясь к наследию Мартина Хайдеггера, Мориса Мерло-Понти⁸⁶ и

⁸⁵ Резаев, А. В. Философия общения и искусственный интеллект: опыт сравнительного анализа дискуссий в Отечественной и зарубежной литературе / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61, № 2. – С. 134-156. – DOI 10.5840/eps202461230. – EDN KEPDPJ.

⁸⁶ Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – Москва : Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма "Наука", 1999. – 608 с. – ISBN 5-02-026807-0. – EDN QWJLFB.

Людвига Витгенштейна⁸⁷, Хьюберт Дрейфус проблематизирует сами основания символического искусственного интеллекта. Под вопросом оказывается не частная гипотеза, а целый образ мышления: сводимость понимания к операциям с символами, вера в исчерпаемость знания через формализацию и, в конечном счете, допущение возможности интеллекта, оторванного от телесного присутствия в мире.

Продолжая линию экзистенциальной феноменологии Хайдеггера, Дрейфус смещает фокус с репрезентации на вовлеченность. Интеллект здесь мыслится не как посредник между субъектом и реальностью, а как способ бытия-в-мире, укорененный в практике. Непосредственное взаимодействие с окружающим не предшествуется набором правил – напротив, оно само порождает тот доязыковой горизонт, в котором только и становится возможным осмысленное различение и суждение.

Именно в этом горизонте складывается то, что Дрейфус называет фоновым предпониманием: неявное, не редуцируемое к формальным структурам знание, предшествующее любому высказыванию. Его критика классических моделей разума тем самым обнажает не столько их техническую ограниченность, сколько их онтологическую недостаточность, делая видимой зависимость мышления от до-теоретического опыта.

Ключевой мишенью дрейфусовского анализа выступает медиативный подход, предполагающий дуализм между внутренним и внешним мирами и утверждающий, что познание внешней реальности осуществляется через внутренние представления. В рамках этой парадигмы знание конституируется как совокупность ментальных состояний, отражающих объективную действительность независимо от контекста, телесности и исторической укорененности познающего субъекта. Как указывает Дрейфус, медиативный подход последовательно воспроизводился различными философскими течениями – картезианством, локковским эмпиризмом, материалистическими школами и вычислительной

⁸⁷ Витгенштейн, Людвиг Философские исследования / Людвиг Витгенштейн. – Москва: АСТ, 2022. – 384 с. – ISBN 978-5-17-115096-9.

моделью разума, – образуя сквозную линию европейской эпистемологии, общим знаменателем которой остается убеждение в принципиальной независимости мышления от ситуативного, воплощенного и культурно обусловленного опыта.

В качестве концептуальной альтернативы медиативному подходу Х. Дрейфус разрабатывает контактную теорию, переносящую акцент с внутренних репрезентаций на непосредственное взаимодействие субъекта с миром. Согласно этой модели, такое взаимодействие порождает протознания – предлингвистические и препропозициональные структуры, лежащие в основе способности субъекта адаптироваться к окружающей среде прежде, чем он успевает концептуализировать саму эту адаптацию.

Протознания конституируют фоновое понимание, которое принципиально не сводится к декларативному знанию, поскольку не хранится в виде явных правил или представлений, но реализуется через практическое освоение ситуации⁸⁸.

Телесно укорененная включенность в обстановку образует нередуцируемый пласт человеческого опыта, недоступный формализующему взгляду вычислительной модели. Понятие фона, предложенное Хьюбертом Дрейфусом в работе «Чего не могут компьютеры», раскрывается на нескольких уровнях, причем на первом уровне фоновое понимание связано с жизненными смыслами, позволяющими человеку структурировать восприятие реальности как фигуры и фона⁸⁹. Эти смыслы не являются явными или рефлексивно оформленными, но составляют онтологическую предпосылку всякого осмысления, а используя хайдеггеровскую феноменологию, Дрейфус определяет фоновое вовлечение как поле сил, в котором реализуется воплощенное взаимодействие с миром.

Погруженный агент откликается на требования среды непосредственно, не выделяя их в виде отдельных объектов – именно отсутствие дистанции между субъектом и ситуацией делает это взаимодействие возможным. Полемизируя с

⁸⁸ Нагль, Л. Цифровые технологии: размышления о различии между инструментальной рациональностью и практическим разумом / Л. Нагль // Кантовский сборник. – 2022. – Т. 41, № 1. – С. 60-88. – DOI 10.5922/0207-6918-2022-1-3. – EDN HSHBOF.

⁸⁹ Ладов, В. А. Критический анализ логико-эпистемологических оснований философии искусственного интеллекта Х. Дрейфуса / В. А. Ладов // Гуманитарная информатика. – 2013. – № 7. – С. 28-34. – EDN QCKPDD.

тезисом Макдауэлла о всепроникающей концептуальности опыта⁹⁰, Дрейфус обосновывает примат допонятийной вовлеченности: осмысленное действие не проходит через стадию ментальных репрезентаций, континуально по своей природе и укоренено в телесной отзывчивости. Экспертное действие есть сонастройка с ситуацией через навык, который не поддается формализации в принципе, – и именно здесь аргументация Дрейфуса очерчивает внешнюю границу вычислительной парадигмы. Постнеклассическая гуманитарная наука, исследующая человекообразные системы, исходит из той же предпосылки.

Познание в этой парадигме не мыслится вне жизненного мира и ценностно-смысловых структур – напротив, оно оказывается в них неразрывно включено. В такой перспективе ограниченность вычислительных систем проистекает не из дефицита вычислительной мощности, но из их онтологической непричастности к телесному опыту и фоновым практикам, которые как раз и конституируют тот неформализуемый остаток, что образует существо человеческого бытия⁹¹.

В противовес редукционистским стратегиям Дрейфус обосновывает первичность воплощенной интенциональности, которая, будучи укорененной в телесности, не утрачивает при этом своего интеллектуального измерения. Речь идет о динамической, контекстуально-чувствительной ориентации в поле практик и значений, в рамках которой исходная дистанция между субъектом и реальностью утрачивает свою самоочевидность.

Погруженный в мир субъект не противопоставляет ему в качестве внешнего наблюдателя, но пребывает в состоянии дорефлексивной вовлеченности, исключающей возможность редукции разума к чистой логической деятельности либо к совокупности концептуальных операций⁹².

⁹⁰ McDowell J. Experiencing the World. In: Willaschek M, editor. John McDowell. Reason and Nature. Lecture and Colloquium in Münster 1999. LIT - Verlag Münster; 2009. P. 3-18.

⁹¹ Tregubova, N. D. Dialectical Logic, Human-Machine Interdependence, and Simplifications in AI Project: Comparing Three Anti-Disciplinary Discussions / N. D. Tregubova // Sociology of Science and Technology. – 2024. – Vol. 15, No. 4. – P. 100-107. – DOI 10.24412/2079-0910-2024-4-100-107. – EDN VAHZZHW.

⁹² Collins, H. Interactional expertise as a third kind of knowledge / H. Collins // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2004. – Vol. 3, No. 2. – P. 125-143. – DOI 10.1023/b:phen.0000040824.89221.1a. – EDN ZYSABZ.

Следуя феноменологической линии Мартина Хайдеггера, Дрейфус последовательно отвергает схемы, жестко разводящие восприятие и действие. Тем самым он выявляет внутреннее напряжение, лежащее в основании ряда теоретических моделей: стремление расчленивать то, что в опыте дано как изначально спаянное. Субъект, в этой перспективе, соотносится с миром не через набор фиксированных соответствий и не в логике линейной причинности, а в непрерывном, рекурсивном процессе, где граница между «внутренним» и «внешним» оказывается подвижной и принципиально условной.

В дрейфусовской реконструкции восприятие преодолевает репрезентационизм: оно конституируется не как пассивное отображение, но как активное освоение среды, где субъект и мир связаны онтологически первичным отношением взаимной сонастройки, еще до их оппозиции. Гуманитарное измерение концепции обнажает человекообразность познания: понимание мира всегда уже погружено в жизненный мир, будучи опосредовано телесностью, языком и культурными практиками. Эти структуры образуют горизонт неформализуемого остатка, который, ускользая от вычислительных парадигм, означает предел формализации и указывает на нередуцируемость бытийной укорененности к синтаксическим операциям⁹³.

Данное исследование направлено на раскрытие смысла среды в ситуации конкретной задачи. Подлинное понимание формируется не через декларативное знание, а через практику, в которой телесность и историко-культурная укорененность играют ключевую роль. Предлагаемая философом контактная теория отвергает платоновскую идею о существовании разума вне тела. Взамен предлагается модель, в которой интеллект рождается из непрерывного диалога между субъектом и миром.

Хьюберт Дрейфус критиковал подходы, сводящие интеллектуальное действие к внутренним представлениям и причинно-следственным связям между мыслью и движением. Он утверждал, что подлинное понимание реализуется не

⁹³ Ressler, M. Automated inauthenticity / M. Ressler // AI & Society. – 2023. – DOI 10.1007/s00146-023-01795-x. – EDN MFEZMO.

через абстрактные модели, а через воплощенное взаимодействие с миром. В этом процессе тело и ситуация становятся неотъемлемыми элементами. По его мнению, экспертное действие возникает не из сознательного планирования или рефлексивного выбора, а из погруженности в обстановку. Реакции формируются интуитивно через исторически наработанные навыки и телесный опыт⁹⁴. Дрейфус демонстрирует, что в режиме погруженного взаимодействия субъект не формирует явных представлений целей. Он не рефлексит над причинно-следственными связями и не интерпретирует собственные движения как результат внутренних состояний. Вместо этого действие возникает как непосредственная отзывчивость к среде.

Тело и ситуация образуют единую динамическую систему, в рамках которой Хьюберт Дрейфус оспаривает представление о том, что всякое интенциональное действие требует самонаблюдения и предваряющей ментальной установки⁹⁵. В феномене телесной экспертизы он показывает, что опытный субъект способен действовать точно и эффективно без аналитического обдумывания: осознание возникает постфактум, как след, а не как источник действия. Тем самым сознание утрачивает статус основания интенциональности, оказываясь лишь одним из ее модусов, тогда как сама интенция может реализовываться через телесный, дорефлексивный отклик.

При этом Дрейфус признает роль самоконтроля в ситуациях обучения или нарушения привычного контекста, однако считает ошибкой распространение этих частных случаев на повседневную практику⁹⁶. В обычном опыте субъект погружен в мир настолько, что граница между «внутренним» и «внешним» теряет определенность. Отсюда следует его ключевой вывод: бинарное разделение

⁹⁴ White, J. Dreyfus on the “Fringe”: information processing, intelligent activity, and the future of thinking machines / J. White // *AI & Society*. – 2019. – Vol. 34, No. 2. – P. 301-312. – DOI 10.1007/s00146-018-0837-5. – EDN PDDKUO.

⁹⁵ Jeuk, A. A. The pragmatist domestication of Heidegger: Dreyfus on ‘skillful’ understanding / A. A. Jeuk // *Synthese*. – 2022. – Vol. 200, No. 2. – P. 1-19. – DOI 10.1007/s11229-022-03606-0. – EDN WDHEIA.

⁹⁶ Dreyfus H. L., Dreyfus S. E. Making a Mind versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point // *The Philosophy of Artificial Intelligence* / Boden M. (ed.) Oxford, 1990.

субъекта и объекта искажает феноменологию действия, а интеллект не сводится к символическим операциям, возникая в процессе воплощенного взаимодействия с миром.

Телесный опыт и ситуативная укорененность становятся основой такого взаимодействия. По его мнению, попытки создать искусственный интеллект, опирающийся на платоновскую модель автономного разума, обречены на неудачу.

Причина неудачи кроется в игнорировании роли интуитивных навыков, исторической обусловленности и ситуации в формировании осмысленного действия. Философия Дрейфуса приобретает особое значение именно в данном контексте: критика символического искусственного интеллекта переводит абстрактные феноменологические тезисы в регистр конкретной верификации⁹⁷. Систематические провалы этого проекта при моделировании реальных ситуаций служат эмпирическим аргументом в пользу нередуцируемости человеческого понимания. Данный аргумент трудно отклонить как сугубо умозрительный.

Дрейфусовский анализ устанавливает, что интерпретация, понимание и культурный опыт образуют не периферийный, а конститутивный пласт человеческой разумности, без которого последняя утрачивает свою специфику и растворяется в механической обработке данных⁹⁸. Отсюда с необходимостью следует тезис, принципиальный для обоснования постнеклассической парадигмы: гуманитарные дисциплины исследуют не «менее строгий» фрагмент реальности, нуждающийся в методологическом оправдании перед лицом естественнонаучного эталона, – они обращены к тем пластам человеческого опыта, которые по своей онтологической структуре принципиально выходят за пределы формализации и тем самым задают собственные, несводимые критерии научности.

Философия Дрейфуса фиксирует два противоречия: между редукцией языка к синтаксису и его семантической целостностью, укорененной в

⁹⁷ Тендрякова М. В. Разум и искусственный интеллект: взгляд культурного антрополога. Образовательная политика. 2024. № 3(99). С. 22-30. DOI: 10.22394/2078-838X-2024-3-22-30. EDN: FIJOIW.

⁹⁸ Никоненко, С. В. Аналитическая традиция в философии: теории, классики, школы / С. В. Никоненко. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2022. – 552 с. – ISBN 978-5-907505-89-6. – EDN DFIBEO.

интенциональности, и между сведением сознания к вычислению и уникальностью воплощенного исторически обусловленного понимания. Неудачи символического искусственного интеллекта в моделировании открытых ситуаций показывают, что эти противоречия онтологичны по своему существу и не устраняются совершенствованием формальных процедур. Линия Гуссерль – Хайдеггер – Дрейфус образует последовательность: от разрыва науки с жизненным миром – к анализу техники как способа раскрытия бытия – к выявлению пределов этой рациональности в самом проекте искусственного интеллекта. Воплощенность, фоновое знание и ситуативная укорененность – конститутивные условия человеческого познания, которые процедура формализации не устраняет, а предполагает.

Вместе с тем этот же анализ вносит вклад в первое положение, демонстрируя, что пятое диалектическое противоречие – между вычислительным редукционизмом и воплощенной интенциональностью – не является случайным техническим затруднением, но вытекает из онтологических допущений, лежащих в основании всей классической рациональности.

1.4 Системный материализм и метанаучный проект Марио Бунге

Обращение к философской системе Марио Бунге в логике диссертационного исследования, следующее за анализом концепций Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Х. Дрейфуса, выполняет важную стратегическую функцию. Данный переход вводит в рассмотрение не внутреннего критика той формы рациональности, которая исторически сложилась в классическом естествознании и претендует на универсальность, а, напротив, одного из ее наиболее последовательных и теоретически разработанных защитников. Тем самым исследование выходит за пределы единого критического русла, представленного феноменологией, онтологией и критикой искусственного интеллекта, и включает в диалог максимально артикулированную натуралистическую и пронаучную позицию. Цель

этого шага – подвергнуть испытанию границы самой сильной версии научного натурализма в свете задач постнеклассической гуманитарной парадигмы.

Смысл включения фигуры Бунге может быть раскрыт в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, это переход от внутренней критики к конфронтации с «идеальным типом» научного натурализма.

Феноменологическая критика объективизма, артикулированная Гуссерлем, Хайдеггером и Дрейфусом, будучи взята в своей исключительности, рискует создать иллюзию тотального отрицания научной рациональности. Для нейтрализации этой угрозы и верификации собственных оснований диссертация вводит концептуальную систему Марио Бунге – предельный случай натуралистической программы, обладающей максимальной внутренней когерентностью. Апробация постнеклассической гуманитаристики через призму бунгеанского системного материализма выполняет функцию критической проверки: демонстрация структурных ограничений данной парадигмы при описании смысловых феноменов свидетельствует не о частных дефицитах теории, но о фундаментальной недостаточности натурализма. Граница научного реализма очерчивается, следовательно, не через опровержение, но через выявление онтологических зон, требующих расширения категориального аппарата за пределы вещно-энергетических взаимодействий.

Во-вторых, обращение к Бунге необходимо для контекстуализации постнеклассической гуманитарной науки. Как демонстрируется в исследовании, последняя предполагает признание исторической, языковой и социальной обусловленности знания, легитимацию интерпретативных методов и учет субъективных, телесных и интенциональных аспектов познания.

Философская программа Марио Бунге, в отличие от ряда современных течений, ориентирована на последовательную натурализацию философского знания. Ее сущность заключается в элиминации метафизических, феноменологических и герменевтических компонентов с целью формирования унифицированного онтологического и методологического базиса, призванного стать общим для всех научных дисциплин.

Данный подход репрезентирует собой последовательную альтернативную позицию по отношению к установкам постнеклассической рациональности. Если последняя постулирует онтологический плюрализм и укорененность познания в истории, то Бунге отстаивает единство научного метода и придерживается позиции онтологического реализма. Там, где подчеркивается принципиальная несводимость феноменов сознания и структур жизненного мира к более элементарным уровням, его исследовательская стратегия направлена на интеграцию данных областей в концептуальные рамки материалистически понимаемой реальности.

Обращение к философскому наследию Бунге позволяет зафиксировать имманентные пределы натуралистического подхода даже в его наиболее разработанной версии, что, в свою очередь, служит косвенным обоснованием продуктивности постнеклассической исследовательской программы. В рамках данной работы не предполагается критика концепции Бунге с целью ее опровержения; напротив, признается значимость его вклада в развитие строгого категориального аппарата, акцентирование системной организации действительности и стремление преодолеть ограниченность упрощенного редукционизма. Однако именно благодаря внутренней строгости его построений обнаруживаются те структурные ограничения, которые не снимаются даже при существенном усложнении исходных натуралистических посылок.

В его системе не находится места для трансцендентально-феноменологического анализа условий возможности опыта, для герменевтики как неотъемлемого модуса гуманитарного познания, а также для аксиологического и экзистенциального измерения⁹⁹, без которого понимание воздействия науки и техники на человеческое существование остается неполным.

Фигура Марио Бунге в диссертации очерчивает границу между технонаучной метапарадигмой, стремящейся к универсальному объяснению, и постнеклассической гуманитарной парадигмой, для которой плюрализм и

⁹⁹ Бунге, М. Интуиция и наука / Пер. с англ. Е. И. Пальского ; Ред. и послесл. канд. философ. наук В. Г. Виноградова. – Москва : Прогресс, 1967. – 187 с.

интерпретативность выступают онтологическими характеристиками предмета. В общей архитектуре исследования выстраивается завершенная траектория движения мысли от феноменологической и онтологической критики классической рациональности у Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера к конкретному испытанию на материале искусственного интеллекта в работах Хьюберта Дрейфуса. Завершается путь конфронтацией с наиболее сильной философской защитой классического идеала в лице Марио Бунге.

Философский проект Марио Бунге основывается на переопределении философии как научной дисциплины, наделяемой функциями инструмента анализа научной практики. Его подход базируется на последовательном материализме и натуралистической методологии, предполагающих радикальную трансформацию традиционных областей философского знания¹⁰⁰. Согласно позиции Бунге, философия подлежит интеграции в научный дискурс, что требует отказа от априорных построений, метафизических сущностей и допущений о трансцендентных субстанциях. Философия, соответственно, приобретает статус метанауки, исследующей концептуальные образования, лежащие в фундаменте научного знания.

Центральным элементом данной программы выступает натурализация философии, исключая обращения к сверхъестественным познавательным способностям либо интуитивным истинам.

В системе Бунге наука конституируется не как статичный идеал, но в качестве исторически развертывающейся целостности, достигающей уровня метанаучной рефлексии лишь по обретению структурной зрелости в горизонте Новейшего времени. Данная историческая обусловленность задает стратификацию философского знания: фундаментальный уровень (семантика, онтология, эпистемология) и уровень частных философских дисциплин, проблематизирующих основания конкретных наук. Формально-логические

¹⁰⁰ Москвитин, В. А. Методологический материализм Марио Бунге: системный подход к метафизике и науке / В. А. Москвитин // Семиотические исследования. – 2025. – Т. 5, № 3. – С. 24-33. – DOI 10.18287/2782-2966-2025-5-3-24-33. – EDN BORXPI.

принципы (непротиворечие, *modus ponens*) удерживают трансисторическую нормативность, обеспечивая инвариантность рационального дискурса. Однако Бунге проводит демаркацию между философией и формальной логикой, акцентируя фактуальную природу научной деятельности¹⁰¹: ее объекты онтологически укоренены в реальности, методы фундированы эмпирической верификацией и рациональной рефлексией. Метанаука в этой парадигме обращена не к эмпирической данности, но к концептуальным конструкциям науки, что учреждает категориальную гетерогенность между ней и позитивными дисциплинами.

Метанаучный метод применим к науке лишь с момента обретения ею определенной институциональной и концептуальной оформленности, что происходит не ранее второй половины XIX века. Все предшествующее развитие относится к формационной стадии существования науки и требует иного аналитического инструментария ввиду качественного отличия объекта исследования на данном этапе.

Протонаука не подлежит тому же метанаучному анализу, что и зрелая научная система, и это разграничение указывает на существование диахронных и синхронных метанаук¹⁰². Одни изучают становление научных построений во времени, другие их структуру в конкретный исторический момент, и именно это задает границы применимости бунгеанского проекта, существенные для постнеклассической науки в гуманитарном знании.

Науки, а точнее их концептуальные продукты и способы мышления о мире, должны достичь определенного этапа развития, чтобы стала возможной конституция метанауки.

Метанаука направлена на исследование концептуальной структуры науки в конкретный исторический момент или ее трансформации во времени. Вместе с тем

¹⁰¹ Бунге, М. Причинность: место принципа причинности в современной науке: пер. с англ. / Марио Бунге. – 2-е изд. – Москва: Едиториал УРСС, 2010. – 512 с. – (Физико-математическое наследие: физика (философия физики)). – ISBN 978-5-354-01301-2.

¹⁰² Бунге, М. Философия физики / Марио Бунге ; пер. с англ. Ю. Б. Молчанова. – 2-е изд. – Москва: Едиториал УРСС, 2010. – 320 с. – (Физико-математическое наследие : физика (астрономия)). – ISBN 978-5-354-01231-2.

бунгеанская аналогия с астрономией требует оговорки: звезда – конкретный объект, изменяющийся под действием внутренней энергии, тогда как наука есть конструкт, который не эволюционирует сам по себе, а замещается новым конструктом. Это различие существенно для понимания границ метанаучного метода¹⁰³.

Общее мышление у Бунге¹⁰⁴ вписывается в длительный процесс натурализации человеческого мышления и, соответственно, натурализации знания о мире. Как мыслить о мире естественным образом? На протяжении последних нескольких столетий фактические науки сосредоточились на разработке способа мышления о природном мире, основанного на естественных принципах. Иными словами, простое рассуждение о природном мире недостаточно для натурализации дискурса, поскольку философские, религиозные и мистические доктрины обсуждают его в трансцендентной парадигме. Необходимо также, чтобы сами формы мышления, используемые в дискурсе, были естественными – чтобы они не апеллировали к сверхъестественным способностям, якобы дающим доступ к реальности, более фундаментальной, чем конечная, или чтобы они не опирались на нетрадиционные методы, такие как философская интуиция.

Еще одним необходимым условием научной деятельности, но уже эмпирическим по своей природе, выступает сопоставление утверждений с реальностью. Здесь проявляются два модуса натурализации, действующие в фактических науках. Объекты исследования фактических наук должны быть натуральными или конкретными, а не «метафизическими», а изучение природных объектов должно осуществляться с помощью естественных способностей – таких как рефлексия и рассуждение, – порождающих использование проверенных стандартных правил: сопоставления идей с реальностью и применения элементарных логических норм. Именно это единство двух модусов натурализации

¹⁰³ Москвитин, В. А. Методологический материализм Марио Бунге: системный подход к метафизике и науке / В. А. Москвитин // Семиотические исследования. – 2025. – Т. 5, № 3. – С. 24-33. – DOI 10.18287/2782-2966-2025-5-3-24-33. – EDN BORXPI.

¹⁰⁴ Бунге, М. Философия физики / Марио Бунге ; пер. с англ. Ю. Б. Молчанова. – 2-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2010. – 320 с. – (Физико-математическое наследие : физика (астрономия)). – ISBN 978-5-354-01231-2.

стало ключевым достижением научной революции и определяет бунгеанский подход к общему дискурсу¹⁰⁵.

Ученые выработали способ мышления о мире, последовательно исключая обращение к трансцендентности; метанауки, следуя концепции М. Бунге, получили возможность рефлексировать над наукой и миром в целом, не выходя за пределы этой натуралистической парадигмы. Бунгеанский подход допустимо интерпретировать как натурализацию общего дискурса о мире и науке – натурализацию, однако, принципиально отличную от редукции этого дискурса к фактическим наукам, и тем более к естественным наукам в узком смысле, как это характерно для ряда радикальных проектов философской натурализации. Речь не идет о превращении метанауки в фактическую науку по образцу тех философских программ, которые стремились трансформировать эпистемологию в психологию или онтологию – в физику: бунгеанский проект сохраняет за метанаукой собственный концептуальный статус, что и определяет как его эвристические возможности, так и его пределы применительно к постнеклассической парадигме гуманитарного знания.

Натурализация общего дискурса у Бунге обусловлена отрицанием «ненатурального» способа философского мышления, а не изучением природных или конкретных объектов. Эта натурализация предполагает изначальное принятие общих постулатов науки. Следует подчеркнуть: метанаука не анализирует конкретные объекты мира, а исследует конструкты, используемые наукой для их репрезентации. В свою очередь, метанаучные результаты приобретают смысл только в случае опоры на те же общие предпосылки, что и научные результаты. Таким образом, метанаука, подобно самому Бунге, мыслит с научной точки зрения¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Bunge, Mario. The Philosophical Richness of Technology // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association, 1976, pp. 153–172. URL: <http://www.jstor.org/stable/192379>

¹⁰⁶ Bunge, Mario. Scientific Materialism // Springer, 1981, pp. 223. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-009-8517-9>.

Бунге утверждает, что главная предпосылка материализма заключается в том, что «все материальные вещи и только они, вместе со своими свойствами и изменениями, являются реальными». Системная гипотеза формулируется следующим образом: все свойства проявляются в комплексе, а не изолированно. Это предполагает, что любые сущности изначально представляют собой системы или потенциальные компоненты систем, такие как клетки и гены. Таким образом, реальным является либо сама система, либо ее элемент. Системизм, следовательно, предстает как структурное видение, в рамках которого системный материализм признает материю единственной субстанцией¹⁰⁷.

Системный материализм Бунге является эмерджентистским¹⁰⁸, поскольку он предполагает, что каждая система обладает особыми свойствами, которых нет у ее отдельных частей, включая саму структуру их взаимосвязи, а это, в свою очередь, подразумевает существование иерархии реальности, где каждый уровень возникает из предыдущего в ходе эволюционного развития¹⁰⁹.

В своей философии Марио Бунге дифференцирует семь аспектов реалистической позиции, включая онтологический, гносеологический, семантический, методологический, аксиологический, моральный и праксиологический уровни рассмотрения. Подобное расширение реалистической установки на аксиологический, моральный и праксиологический уровни отличает позицию Бунге от большинства форм научного натурализма, ограничивающихся онтологическим и гносеологическим измерениями¹¹⁰.

В основании системы лежит тезис о независимом от сознания существовании мира, чья структурная организация доступна познанию через посредство научных

¹⁰⁷ Matthews, M. R. Mario Bunge: Physicist and Philosopher / M. R. Matthews // *Science & Education*. – 2003. – Vol. 12, No. 5. – P. 431-444. – DOI 10.1023/a:1025364722916. – EDN QCBNNI.

¹⁰⁸ Чукин, С. Г. К вопросу об онтологическом и эпистемологическом статусе эмерджентных феноменов / С. Г. Чукин // *Kant*. – 2021. – № 4(41). – С. 218-226. – DOI 10.24923/2222-243X.2021-41.40. – EDN HDIFIB.

¹⁰⁹ Bunge, M. *Scientific Realism: Selected Essays of Mario Bunge* / M. Bunge; ed. by M. Mahner. – Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 2001.

¹¹⁰ Ковалев, С. П. Аксиоматический метод в современной науке и технике: прагматические аспекты / С. П. Ковалев, А. В. Родин // *Эпистемология и философия науки*. – 2016. – Т. 47, № 1. – С. 153-169. – EDN VXBCTN.

конструктов¹¹¹. Эпистемическая значимость категории ошибки состоит в том, что сама ее возможность указывает на наличие внешнего референта, относительно которого суждение может оказаться неадекватным. Фиксируемая в опыте эмергентность качеств на различных уровнях организации служит аргументом против программ радикального редукционизма, сводящих все многообразие реальности к физическим взаимодействиям; отсюда следует правомерность выделения таких дисциплинарных областей, как философия сознания и социальная философия.

В гносеологической плоскости утверждается принципиальная достижимость истинного знания о мире при одновременном признании его неисчерпаемости и гипотетичности¹¹². Научные теории рассматриваются как открытые системы, корректируемые в направлении более полного соответствия описываемой реальности, что исключает квалификацию данной позиции как наивного реализма, игнорирующего возможность систематических заблуждений. Семантический компонент реализма фиксирует отношение соответствия между определенными классами суждений и фактуальным положением дел; степень этого соответствия может возрастать в ходе развития познания.

Более сильная формулировка связывает референциальную значимость теории исключительно с теми фактами, которые находят выражение в переменных, фигурирующих в ее законах. Отсутствие в уравнениях квантовой механики величин, относящихся к наблюдателю, ставит под сомнение интерпретации, приписывающие субъекту конституирующую роль в формировании квантовых феноменов. Методологический уровень предполагает интеграцию эмпирических, рациональных и продуктивно-конструктивных компонент в едином процессе исследования; верификация при этом носит целостный характер, захватывая

¹¹¹ Mahner, M. Mario Bunge (1919–2020): Conjoining Philosophy of Science and Scientific Philosophy // J Gen Philos Sci. 2021. Vol. 52. P. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10838-021-09553-7>

¹¹² Obiedat, A.Z. Modern Knowing via Realistic Epistemology: Mario Bunge on the Perfectibility and Unity of Modern Human Knowledge / A.Z. Obiedat // Modernity and the Ideals of Arab-Islamic and Western-Scientific Philosophy. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-94265-6_7.

теорию как системное образование. Объяснение устойчивых регулярностей требует выявления порождающих их механизмов¹¹³.

Практическая модальность реализма исходит из объективного характера связей между целями и доступными средствами их достижения, что допускает рациональный выбор оптимальных стратегий. Поскольку реализация целей может затрагивать положение третьих лиц, необходима экспликация прогнозируемых последствий деятельности. Тем самым практический реализм оказывается имплицитно сопряжен с нормативным принципом ответственности, требующим учета социальных и этических издержек научно-технических проектов. Данное обстоятельство обнаруживает неожиданные параллели между позицией Бунге и теми направлениями постнеклассической мысли, которые в остальном подвергаются им критике.

Метатеоретическая конструкция, предложенная Бунге, задает параметры для рассмотрения математического познания. Математика характеризуется как формальная дисциплина, сохраняющая автономию относительно предметной области и процедур обоснования, несмотря на возможную генетическую связь отдельных понятий с эмпирическим опытом. Требуется проведение различий между модальным статусом математических высказываний и эпистемическими характеристиками суждений в других науках, а также между структурой доказательства и иными способами проверки. Необходима демаркация уровня теоретических конструкций и уровня их модельных репрезентаций¹¹⁴.

Происхождение математических понятий связывается Бунге с когнитивной деятельностью, осуществляемой в конкретных нейрофизиологических и социокультурных условиях, что влечет локализацию математической онтологии в плоскости психофизиологических и социальных процессов. Данная установка

¹¹³ Matthews, M.R. Mario Bunge, Systematic Philosophy and Science Education: An Introduction // Sci Educ. 2012. Vol. 21. P. 1393–1403. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11191-012-9530-0>

¹¹⁴ Хворов, Ю. А. Об аксиоматике феноменологической теории линейных динамических систем / Ю. А. Хворов, Т. Н. Астафьева // Вестник Тувинского государственного университета. №3 Технические и физико-математические науки. – 2016. – № 3(30). – С. 171-177. – EDN XWOLSV.

исключает признание автономного, вневременного существования математических объектов, характерное для платонистских и феноменологических концепций. Сама дистинкция аналитического и синтетического знания интерпретируется как исторически сложившийся методологический прием, призванный закрепить формальный статус математики и логики в их отличии от эмпирического знания¹¹⁵. В основании этого приема лежит представление о том, что определенные языковые структуры описывают не внешнюю реальность, но внутренние отношения самого языка. Последовательное проведение данной демаркации, однако, наталкивается на непреодолимые трудности, не находя убедительного обоснования в рамках логического или семантического анализа.

Бунге рассматривает математику как дисциплину, которая может быть основана либо на теории множеств, либо на теории категорий, при этом он отдает предпочтение аксиоматическому подходу как основе анализа¹¹⁶. Вместо того чтобы сосредотачиваться на разнообразии математических методов и их взаимосвязей, он стремится к реконструкции всей системы знания через ее формальные основания. Согласно этой позиции, все математические объекты могут быть представлены в терминах множеств, а доказательства проведены в рамках принятой аксиоматической системы, такой как теория Цермело–Френкеля или же аналогичным образом обработаны в формализме теории категорий¹¹⁷.

Однако обе реконструкции – теоретико-множественная и теоретико-категориальная – обладают ограничениями. Хотя они охватывают многие аспекты математики¹¹⁸, вводят искажения и несоответствия.

¹¹⁵ Катречко, С. Л. Трансцендентальный анализ математики: абстрактная природа математического знания / С. Л. Катречко // Кантовский сборник. – 2015. – № 2(52). – С. 16-31. – EDN UKTXAR.

¹¹⁶ Малых, А. Е. О развитии аксиоматического метода и его роли в построении математических теорий / А. Е. Малых // Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика. – 2010. – № 2(2). – С. 104-111. – EDN MNLKPD.

¹¹⁷ Pickel, A. Rethinking Systems Theory. A Programmatic Introduction / A. Pickel // Philosophy of the Social Sciences. – 2007. – Vol. 37, No. 4. – P. 391-407. – DOI 10.1177/0048393107307809. – EDN JTKBMN.

¹¹⁸ Перминов, В. Я. Математика и реальность: гносеологические проблемы математизации знания / В. Я. Перминов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2014. – № 1. – С. 42-68. – EDN QCOINX.

Неустранимость предметной отнесенности, будучи фундаментальной характеристикой математического дискурса, манифестирует себя в апориях теории множеств (невозможность однозначной репрезентации группы Клейна) и теории категорий (двойственная неопределенность знака и объекта). Бунгеанская стратегия естественнонаучного обоснования теоретического пространства, дистанцируясь от предшествующих натуралистических программ, последовательно элиминирует внеэмпирическую метафизику.

Транспонированная в горизонт гуманитарного знания, данная проблематика обретает характер принципиальной апории: формализация здесь сталкивается с онтологическим сопротивлением смысловых структур, нередуцируемых к синтаксическим операциям. Если в естествознании разрыв между формальной корректностью и пониманием преодолевается механизмом эмпирической верификации, то гуманитаристика имеет дело с человекоразмерными реальностями, конституированными значениями и фоновыми практиками, которые ускользают от подобной редукции¹¹⁹.

Его метод демонстрирует, что он не признает метафизической реальности и отвергает любые формы трансцендентности. Отказ от метафизической реальности означает, что натурализовать метафизику с помощью известных философских стратегий невозможно.

Концепция научной метафизики, близкая к подходу Бунге, предполагает, что любые метафизические построения должны опираться на достижения и практики конкретных наук. Это положение, подобно формулировкам самого Бунге о «метафизике, ориентированной на науку», несет в себе значительную степень неопределенности. В частности, остается неясным, в какой мере такая метафизика отличается от самой науки и как именно она связана с научным знанием¹²⁰.

¹¹⁹ Фауль, Б. В. Четырехмерные теории существования объектов во времени / Б. В. Фауль // Философский журнал. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 185-199. – DOI 10.21146/2072-0726-2020-13-2-185-199. – EDN FJYUWD.

¹²⁰ Миронов, А. В. Техноэтика: прикладная философия устойчивого ноосферогенеза / А. В. Миронов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – Т. 7 (73), № 3. – С. 97-111. – DOI 10.37279/2413-1695-2021-7-3-97-111. – EDN XNSWCG.

Формулировка «соответствие науке» остается неопределенной, поскольку научные результаты и практики принципиально разнородны: практики охватывают социальное, методологическое и эвристическое измерения, тогда как результаты делятся на фактические – данные наблюдений и экспериментов, такие как доказательство существования атомов – и концептуальные, то есть теории, классификации и конструкты, создаваемые наукой. Сторонники различных проектов натурализации так и не прояснили, на что именно опирается их программа: на факты, концепты или их комбинацию. Бунге снимает эту неопределенность через идею научной метафизики¹²¹: он отвергает априорный подход с его интуитивной проверкой концептуальных построений и утверждает, что метафизические вопросы разрешимы средствами самой науки – через продуктивное использование ее методов и результатов.

В совокупности это формирует позицию, согласно которой всякая содержательная метафизическая деятельность возможна лишь в рамках научного знания – либо как его анализ, либо как его развитие.

Тем самым бунгеанский проект выполняет в архитектуре настоящего исследования парадоксальную, но необходимую функцию: демонстрируя пределы самой сильной версии натурализма, он от противного удостоверяет онтологическую самостоятельность того типа рациональности, который постнеклассическая гуманитарная парадигма призвана концептуально обосновать¹²²¹²³.

Методы герменевтического понимания, феноменологического описания и исторической интерпретации принципиально не поддаются редукции к формальным процедурам верификации – и не в силу методологической незрелости гуманитарных дисциплин, а в силу онтологической структуры самого их предмета.

¹²¹ Bunge, M. Demarcating Science from Pseudoscience / M. Bunge // *Fundamenta Scientiae*. – 1982. – Vol. 3. – P. 369–388.

¹²² Sharikov, D. D. Culture and Cognition: In Search of a Non-reductionist Framework / D. D. Sharikov // *Sociology of Power*. – 2020. – Vol. 32, No. 2. – P. 104-124. – DOI 10.22394/2074-0492-2020-2-104-124. – EDN LYYUYI.

¹²³ Bunge, M. *Doing Science: In the Light of Philosophy* / M. Bunge. – New Jersey : World Scientific, 2016. – ISBN 978-981-3202-76-4.

Реальность, исследуемая в горизонте постнеклассической науки в гуманитарном знании, по своей природе интерсубъективна, исторична и языково-опосредована: она конституируется в актах понимания, а не предшествует им как готовая данность, доступная нейтральной регистрации. Включение этих сфер в рамки материалистической онтологии неизбежно влечет утрату их специфики – не частичную корректировку, а принципиальное искажение предмета. Именно здесь обнаруживается фундаментальное расхождение между бунгеанским проектом универсального объяснения, притязующим на методологическое единство всего корпуса научного знания, и постнеклассической гуманитарной парадигмой, для которой плюрализм и интерпретативность суть не временные дефициты строгости, но онтологические характеристики самого исследуемого предмета – характеристики, требующие адекватного, а не редукционистского концептуального инструментария.

Философия Бунге строится на синтезе натурализации, системного материализма и эмерджентизма, отвергая традиционную метафизику в пользу метанауки, анализирующей концептуальные основания научного знания. Системный материализм трактует реальность как иерархию уровней с эмерджентными свойствами, что позволяет объяснять сложные феномены (сознание, социальные структуры) без дуализма или платонизма. Реализм последовательно распространяется на аксиологическое, моральное и праксиологическое измерения, связывая научное знание с этической ответственностью и обосновывая критику идеологий, игнорирующих долгосрочные последствия технологического развития.

Системный взгляд, объединяющий логику, онтологию и междисциплинарность, сохраняет влияние в современной философии науки именно в силу этой широты охвата. Особенно значим он в эпоху вызовов постмодернизма¹²⁴ и субъективизма¹²⁵.

¹²⁴ Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар. – СПб: Алетейя, 2016. – 160 с. – ISBN 978-5-91419-864-7.

¹²⁵ Гайдено, П. П. Постметафизическая философия как философия процесса / П. П. Гайдено // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 128-139. – EDN HSAVNF.

Анализ бунгеанской системы приводит к выводу, существенному для обоснования постнеклассической науки в гуманитарном знании. Бунге – не плоский редукционист в наивном смысле. Его системный эмерджентизм утверждает несводимость целого к сумме частей, а в труде «Философия социальных наук»¹²⁶ он признает специфику социальной реальности и разрабатывает ее системную онтологию.

Тем не менее бунгеанский проект удерживает принципиальное ограничение: эмерджентные свойства описываются в рамках физикалистской онтологии и остаются внеисторическими, а герменевтическое измерение трактуется как производное и устранимое, а не как конститутивная характеристика гуманитарного предмета.

Граница между техно-научной метапарадигмой и постнеклассической гуманитарной проходит здесь: для последней плюрализм и интерпретативность – не временные дефициты строгости, а онтологические характеристики самого предмета исследования. Конфронтация с наиболее разработанной версией натурализма – бунгеанской – показывает, что ее структурные ограничения при встрече с историчностью и языковой опосредованностью гуманитарного предмета не устраняются совершенствованием программы. Это не изъян конкретной теории; натурализм как таковой упирается здесь в собственный предел – и именно это требует качественно иного типа рациональности, а не методологических поправок.

Выводы по первой главе

Проведенный анализ продемонстрировал, что кризис классических оснований научного познания, с особой остротой проявившийся в гуманитарной сфере, носит системный характер. Путем последовательного рассмотрения феноменологии Эдмунда Гуссерля, онтологии техники Мартина Хайдеггера, критики искусственного интеллекта Хьюберта Дрейфуса и проекта системного

¹²⁶ Bunge, M. Finding Philosophy in Social Science / M. Bunge. – New Haven: Yale University Press, 1996. – 448 p.

материализма Марио Бунге была реконструирована внутренняя логика этого кризиса и намечены пути его преодоления.

Обращение к феноменологии Гуссерля выявило фундаментальный разрыв между миром непосредственного жизненного опыта и миром формализованных абстракций. Высокая степень объективности классической науки была достигнута ценой исключения ее онтологического фундамента – допонятийного опыта, телесной воплощенности, интенциональности. Для гуманитарного знания возвращение к анализу жизненного мира представляет собой не регресс к субъективизму, а восстановление подлинного основания для научного изучения человека, языка и культуры.

Онтологический анализ техники Хайдеггера позволил выявить более глубокий пласт кризиса. Концепция «Постава» раскрывает, что в технологическую эпоху все сущее – природа, человек, язык – низводится до статуса «ресурсного резерва».

Язык утрачивает онтологический статус «дома бытия», превращаясь в функциональную «языковую машину»; кризис носит онтологический характер, поскольку установка на тотальный расчет скрывает событийность бытия. Критика Дрейфусом символического ИИ выявила пределы техно-научной парадигмы: сведение мышления к формальным операциям игнорирует воплощенность, фоновое знание, ситуативность и практические навыки как необходимые условия разумности. Границы рациональности определяются измерениями опыта, составляющими предмет гуманитарных наук, – смыслом, пониманием, историчностью. Анализ системного материализма Бунге демонстрирует силу последовательного натурализма (строгость, системность, интеграция философии в науку), но исключение трансцендентально-феноменологической, герменевтической и ценностной проблематики ведет к редукционизму, не схватывающему специфику гуманитарного объекта.

Реальность конституируется исторически в языке и социальных практиках. Общий итог первой главы формулируется в двух положениях. Во-первых, кризис современной рациональности показан как результат развития системы внутренних

противоречий. Противоречия возникают между формальной объективностью и жизненным миром, инструментальной логикой техники и событийной природой бытия. Наблюдается противостояние между сведением языка к синтаксису и его смыслообразующей функцией, редукцией интеллекта к алгоритму и нередуцируемостью сознания. Во-вторых, продемонстрировано, что постнеклассическая гуманитарная наука возникает как диалектическое разрешение этих противоречий.

Возникновение происходит не через отказ от научных достижений, а через углубление их онтологического понимания. Осуществляется восстановление связи знания с жизненным миром, языком и человеческим существованием. Первая глава была сосредоточена на выявлении онтологических и феноменологических предпосылок постнеклассического поворота. Вторая глава переходит к анализу конкретных гносеологических стратегий. Центральное место занимают три философских проекта Пола Фейерабенда, Жака Деррида и Джона Серла. Концепции позволяют осмыслить ключевые изменения. Происходит отказ от единого научного метода в пользу методологического плюрализма в работе «Против метода». Осуществляется критика логоцентрических оснований научного мышления. Проясняется онтологический статус сознания языка и социальной реальности. Вторая глава является прямым продолжением первой. Выявленные онтологические интуиции переводятся в плоскость конкретных практик постнеклассического научного исследования.

Глава 2. Эпистемологические стратегии в постнеклассической гуманитарной науке: от монизма к плюрализму и социальной онтологии

Если первая глава настоящего исследования была сфокусирована на прояснении онтологических предпосылок и философской критике натурализма в контексте становления постнеклассической научной парадигмы, то вторая глава обращается к анализу эпистемологических стратегий, определяющих новые пути получения знания и фундаментально переосмысливающих само понятие научного метода в сфере гуманитарного познания. В центре внимания находятся три ключевых мыслителя: Пол Фейерабенд, Жак Деррида и Джон Серл. Каждый из них разработал специфическую эпистемологическую позицию, направленную на преодоление методологического монизма классической науки и утверждающую ценность плюрализма, деконструктивных практик и признания социальной сконструированности знания.

Концептуальное значение философии Фейерабенда определяется последовательной критикой тезиса об универсальности научного метода; историко-научная реконструкция познавательных процессов свидетельствует о продуктивности гетерогенных и даже взаимоисключающих стратегий. В контексте постнеклассической парадигмы гуманитарного знания данный тезис обретает методологическую фундированность, легитимируя плюрализм подходов не как вынужденную меру, но как адекватную сложности предмета форму исследования. В работе «Против метода» радикально пересматривается корреляция теоретических конструкторов и эмпирических данных: исходные предпосылки не пассивно фиксируют фактуальное положение дел, но активно участвуют в конституировании того, что в рамках данного познавательного горизонта полагается в качестве факта. Гуманитарные дисциплины, следовательно, предполагают не внешнее описание готовой реальности, но включенность интерпретативных процедур в процесс ее смыслового формирования. Критика иллюзии ценностной нейтральности научного познания эксплицирует глубокую укорененность исследовательских практик в культурном и социальном контексте.

Указанное обнажение требует от исследователя не иллюзорного устранения данной связи, а ответственной рефлексии над ней. Реабилитация ненаучных форм познания открывает перед гуманитаристикой возможность диалога с мифом и искусством. Подобный диалог обогащает научный статус дисциплины. Трактовка научного развития как смены принципиально несоизмеримых подходов позволяет рассматривать постнеклассическую науку не как линейное продолжение классической модели. Речь идет о качественно иной системе организации знания, конституирующей собственные критерии научности. В такой системе идея внутринаучного плюрализма приобретает характер понятийного требования.

Фигура Жака Деррида избрана в силу разработки им деконструкции как особой гносеологической стратегии. Деконструкция понимается не как разрушение, а как скрупулезный анализ, выявляющий скрытые предпосылки в любом мышлении. Для гуманитарного знания этот подход необходим для критической рефлексии над его собственными основаниями. Деррида подвергает критике свойственную западной мысли логоцентрическую установку в труде «О грамματοлогии».

Деррида показывает, что смысл конституируется в системе различий и отсрочек, никогда не достигая полноты присутствия, что ограничивает притязания гуманитарного знания на исчерпывающую интерпретацию. Понимание языка как системы дифференциальных отношений требует учета его роли в формировании научных категорий. Фиксация в любом мышлении следов исключенных смыслов влечет этическую ответственность исследователя за их восстановление.

Серл в теории социальной онтологии обосновывает объективное существование таких феноменов, как деньги и институты, при их зависимости от коллективного признания. Гуманитарные науки имеют дело с социальными фактами, конституируемыми в совместных практиках и языке. Концепция речевых актов демонстрирует перформативность языка: определенные высказывания не описывают, но создают социальную реальность. Механизм этого творчества раскрывается через статусные функции, приписываемые объектам на основе коллективных соглашений. Теория интенциональности описывает направленность

сознания на предметы, обосновывая значимость смыслов. Аргумент «китайской комнаты» защищает специфику человеческого понимания от редукции к формальному манипулированию символами, утверждая несводимость сознания к биологической основе и очерчивая пространство автономного исследования смысловых феноменов.

Синтез стратегий Фейерабенда, Деррида и Серла формирует основание постнеклассической модели: Фейерабенд обосновывает методологический плюрализм, Деррида предоставляет инструментарий критической рефлексии над скрытыми предпосылками, Серл разрабатывает онтологию социальной реальности. В совокупности их идеи легитимируют интерпретацию и понимание как научные методы, переосмысливают язык в качестве смыслопорождающей силы и утверждают социальную обусловленность знания без отказа от объективности.

Гносеологические стратегии, рассмотренные во второй главе, выступают естественным продолжением онтологических оснований первой главы. Формируется целостная философская модель постнеклассической научной рациональности в сфере гуманитарного познания.

2.1 Эпистемологические трансформации и переосмысление научного метода в философии Пола Фейерабенда

Выбор Пола Фейерабенда в качестве исходного пункта для анализа во второй главе настоящего диссертационного исследования является методологически обоснованным и концептуально необходимым. В структуре работы его фигура выполняет роль своеобразного поворотного пункта, где проблематика становления постнеклассической науки в гуманитарном знании, выявленная и онтологически проанализированная в первой главе, переводится в плоскость эпистемологии. Это означает переход от диагностики проблем к поиску альтернативных стратегий познания, а именно — к критике идеи универсального научного метода и к обоснованию методологического плюрализма, без которого сама возможность постнеклассической гуманитарной науки оказывается под вопросом.

Несколько ключевых причин определяют данное композиционное решение. Прежде всего, П. Фейерабенд обеспечивает переход от анализа онтологических оснований к рассмотрению конкретных эпистемологических стратегий¹²⁷. Первая глава исследования была посвящена построению феноменологической и онтологической картины кризиса: через Э. Гуссерля был показан разрыв науки с жизненным миром; через М. Хайдеггера – раскрыта сущность техники как «Постава»; через Х. Дрейфуса – продемонстрированы пределы вычислительного редукционизма; через М. Бунге – очерчены границы натуралистической метанауки.

Однако для обоснования постнеклассической парадигмы недостаточно лишь показать, почему классический идеал проблематичен. Необходимо ответить на вопрос, какими способами познания он может быть заменен. Именно Фейерабенд, развивая идеи постпозитивизма и парадигмального подхода, делает логически следующий шаг, переводя критику в плоскость радикального методологического плюрализма.

Пол Фейерабенд занимает особое место в архитектуре настоящего исследования и выступает отправной точкой гносеологического поворота, принципиального для становления постнеклассической гуманитарной науки.

Именно он осуществляет наиболее последовательную критику методологического монизма в труде «Против метода», оспаривая претензию на существование единственно верного научного метода, универсально обязательного для всех дисциплин и эпох.

Фейерабенд демонстрирует, что решающие научные прорывы совершались не благодаря следованию методологическим канонам, а через их нарушение. Принцип «допустимо все» не утверждает познавательный произвол, но констатирует многообразие исследовательских практик, несводимых к единой нормативной схеме.

Его философия соотносится с постнеклассической моделью Стёпина:

¹²⁷ Москвитин, В. А. Эпистемологический анархизм Фейерабенда в парадигме постнеклассической науки / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2026. – № 1. – С. 39-60. – DOI 10.25136/2409-8728.2026.1.77819. – EDN KGTVXK.

признание исторической и ценностной обусловленности знания, отказ от методологического монизма, учет роли субъекта и институтов. Фейерабенд настаивает на укорененности науки в культурных и институциональных контекстах, подводя к пониманию научной реальности как социально конструируемой.

Защита множественности познавательных форм подрывает монополию естественнонаучного эталона, расчищая пространство для легитимации гуманитарного знания. Позитивное обоснование последнего как особого типа рациональности, лишь намеченное Фейерабендом, становится задачей Деррида и Серла.

В композиции главы фигура Фейерабенда выполняет функцию концептуального перехода: утверждение множественности методов и несоизмеримости парадигм создает предпосылки для обращения к Деррида и Серлу, невозможного без разрушения иллюзии методологического единства.

Тезис о неустранимом плюрализме исследовательских практик получает у Ж. Деррида свое более глубокое – онтологическое – обоснование: множественность укоренена не в случайном разнообразии научных школ, но в самой природе языка, в структурной неустойчивости бинарных оппозиций и в принципиальной избыточности смысла над любым методологическим каркасом, претендующим на его исчерпывающее закрепление¹²⁸. Параллельно критика Фейерабендом надсоциального, нейтрального образа науки подготавливает переход к серлевской теории социальной онтологии, раскрывающей механизм, посредством которого социальная реальность и научные институты конституируются через коллективные интенциональные акты и речевые перформативы – то есть через именно те процессы, нередуцируемость которых к формальным процедурам Фейерабенд зафиксировал, не дав им, однако,

¹²⁸ Мигла, А. В. Пол Фейерабенд и его критика понятия прогресса / А. В. Мигла // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 22, № 4. – С. 212-214. – EDN MSNOVL.

систематического онтологического объяснения¹²⁹.

В труде «Против метода» Фейерабенд подвергает системной критике традиционные представления о рациональности, объективности и универсальности научного метода, раскрывая науку как исторически и социокультурно обусловленный феномен, чьи претензии на монополию истины опровергаются самой историей научной практики. Ключевым аргументом служит тезис о том, что конкуренция несовместимых моделей является движущей силой познавательного прогресса: методологический анархизм – принцип «допустимо все» – фиксирует не нормативную программу, а эмпирический факт, поскольку игнорирование правил и обращение к альтернативным формам мышления исторически способствовали прорывам чаще, чем следование принятым канонам.

Тезис о теоретической нагруженности фактов разрушает иллюзию нейтрального наблюдения: столкновение теории и данных у Фейерабенда всегда есть конфликт интерпретационных схем, а не соприкосновение гипотезы с «чистой» реальностью. Показательна в этом отношении история с аргументом башни – наблюдение вертикального падения камня служило доказательством неподвижности Земли ровно до тех пор, пока галилеевская концепция относительности движения не предложила иной теоретический горизонт, в рамках которого те же данные говорили уже о другом. Факты не нейтральны: они конструируются через скрытые допущения, менять которые – значит менять саму реальность научного наблюдения¹³⁰.

Браун и Кидд предложили герменевтическую модель реконструкции эволюции взглядов Фейерабенда, выделив три этапа его философского развития: протометафизический, социоэпистемологический и интегративный¹³¹.

¹²⁹ Давыдов, И. А. Анархистская методология Пола Фейерабенда в контексте дигитального перехода / И. А. Давыдов // Ценности и смыслы. – 2022. – № 1(77). – С. 138-147. – DOI 10.24412/2071-6427-2022-1-138-147. – EDN AYIHSG.

¹³⁰ Введенская, Е. В. Методологический анархизм П. Фейерабенда и демократизация науки: актуальные проблемы эпистемологии / Е. В. Введенская, О. Н. Гуров // Философия науки. – 2024. – № 3(102). – С. 62-82. – DOI 10.15372/PS20240305. – EDN JCYMWK.

¹³¹ Brown, M. J. Against Expertise: A Lesson from Feyerabend's Science in a Free Society? / M. J. Brown // Interpreting Feyerabend: Critical Essays / Ed. by K. Bschrir, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 191–212.

В социоэпистемологический период акцент сместился к рассмотрению науки в ряду иных когнитивных традиций, фундированных социокультурным контекстом¹³². На интегративной стадии Фейерабенд вновь обращается к проблематике онтологического реализма, сохраняя критическую дистанцию по отношению к релятивистским импликациям собственных предшествующих построений. Ключевой характеристикой его философской системы выступает фаллибилистская модель научного реализма, обозначаемая как «плюралистический реализм»: тезис об объективном существовании реальности, независимой от теоретических конструкторов, здесь сочетается с признанием принципиальной множественности способов ее концептуализации¹³³.

Эти два импульса не противоречат, а взаимно обуславливают друг друга: именно потому, что реальность существует независимо от теорий, ее невозможно исчерпать одной из них.

Конкурирующие концептуальные конструкции выполняют двойную функцию: разрушая монополию доминирующих дискурсов на истинность, они одновременно обнажают исторически случайный характер их претензий на универсальность и открывают пространство для новых гносеологических конфигураций – тех, что не могли бы возникнуть в условиях методологического монизма, систематически вытесняющего все, что не укладывается в господствующую норму научности¹³⁴.

Фейерабенд рассматривает такую полифонию как необходимое условие прогресса, где каждая конкурирующая теория выступает катализатором критики.

¹³² Babich, B. Reading Feyerabend between philosophy of science, hermeneutics - and God / B. Babich // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2024. – Vol. 61, No. 3. – P. 120-140. – DOI 10.5840/eps202461346. – EDN JWGLDM.

¹³³ Социальная философия науки. Идеи и дискуссии / И. Т. Касавин, А. Ю. Антоновский, А. А. Аргамасова [и др.]. – Москва : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2018. – 254 с. – (Библиотека журнала «Epistemology & Philosophy of Science»). – ISBN 978-5-6041212-7-6. – EDN YYOLPV.

¹³⁴ Киричек, А. В. Уроки Фейерабенда: ограниченность науки, значение ценностей и разнообразия / А. В. Киричек, Н. А. Ходикова // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. – 2024. – № 2(222). – С. 4-12. – DOI 10.18522/2687-0770-2024-2-4-12. – EDN WUDYEH.

Одновременно теория становится матрицей для трансформации самой категории реального¹³⁵.

Критика позитивизма переплетается с утверждением, что реалистическая интерпретация теорий порождает онтологическую полифонию необходимую для динамической эволюции знания. В ранних работах последовательно демонстрируется, как отказ от инструментального подхода к теориям активизирует их критический потенциал¹³⁶. Теории превращаются в системы, претендующие на описание реальности, а научная практика предстает пространством конфликта несовместимых онтологических матриц. Редукционизм уступает место диалогу между противоречивыми моделями, и этот диалог составляет продуктивное условие развития знания. Указанное положение находится в прямом концептуальном согласии с постнеклассическим типом научности в гуманитарном знании.

В поздний период критика науки расширяется до уровня антимонистической онтологии в труде «Наука в свободном обществе»¹³⁷. Утверждается, что наука утратила изначальную освободительную функцию и превратилась в инструмент репрессивного контроля. Привилегированное положение в обществе не оправдано ни методологической строгостью, ни практическими достижениями, поскольку универсального метода не существует. Успех науки всегда включает вненаучные элементы мифологические религиозные или интуитивные, что разрушает претензию на монополию истины. Анализ эволюции взглядов выявляет персистенцию реалистической установки как метатеоретического основания¹³⁸, несмотря на декларативный отход от эксплицитного реализма. Имплицитная

¹³⁵ Chang, H. The Coherence of Feyerabend's Pluralist Realism / H. Chang // *Interpreting Feyerabend: Critical Essays* / Ed. by K. Bschr, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 40–56.

¹³⁶ Kusch, M. Epistemological Anarchism Meets Epistemic Voluntarism: Feyerabend's Against Method and van Fraassen's The Empirical Stance / M. Kusch // *Interpreting Feyerabend: Critical Essays* / Ed. by K. Bschr, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 89–113.

¹³⁷ Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / Пол Фейерабенд ; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ, 2009. – 378 с. – ISBN 978-5-17-040288-5.

¹³⁸ Бакуменко, Г. В. Эпистемологический фронт в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда / Г. В. Бакуменко // *Философская мысль*. – 2024. – № 11. – С. 1-11. – DOI 10.25136/2409-8728.2024.11.72190. – EDN ECOXYE.

логика сохраняется в критике научного монизма и защите гносеологического плюрализма.

Релятивизм у Фейерабенда не противоречит плюралистическому реализму, а логически вытекает из него, поскольку требование реалистической интерпретации альтернативных форм жизни становится условием подлинной пролиферации. Критика эмпиризма как универсальной гносеологической модели конституирует антимонистическую программу, интегрирующую защиту культурного плюрализма. Интегрируется также критика научной гегемонии и реабилитация вненаучных эпистемических практик¹³⁹. Отказ от демаркационизма выступает условием продуктивного диалога когнитивных традиций, и миф реконцептуализируется как автономный эпистемический ресурс. Ресурс этот является комплементарным или оппозиционным научному знанию, но не иерархически подчиненным ему¹⁴⁰.

Принципиальным итогом фейерабендовской критики, прямо корреспондирующим с установками постнеклассической науки в гуманитарном знании, выступает тезис о необходимости демократизации науки – тезис, направленный против ее превращения в герметично замкнутую специализированную область, контролируемую методологической элитой и закрытую для внешней рефлексии. Научное знание, настаивает Фейерабенд, должно конституироваться как коллективный, самоуправляемый процесс, открытый для разнообразных перспектив и не отчужденный от широкого социального и культурного контекста, в котором оно возникает и которому призвано служить¹⁴¹.

Отказ от монополии на метод и последовательное признание

¹³⁹ Щербаков, С. В. Традиция П. Фейерабенда / С. В. Щербаков // Державинский форум. – 2020. – Т. 4, № 13. – С. 52-58. – EDN BFPVYP.

¹⁴⁰ Голуб, Н. Н. Вопросы методологии и проблемы научного знания в философии Пола Фейерабенда / Н. Н. Голуб // Экономика и социум. – 2016. – № 3(22). – С. 1545-1553. – EDN WDKKQN.

¹⁴¹ Barsegyan, H. Feyerabend's General Theory of Scientific Change / H. Barsegyan // Interpreting Feyerabend: Critical Essays / Ed. by K. Bschr, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 57–71.

множественности исследовательских подходов выступают не уступкой релятивизму, но необходимым условием сохранения эвристической силы науки.

Способность науки к подлинному обновлению обусловлена преодолением ее институциональной инерции, снижающей чувствительность к экзистенциальным и познавательным запросам. Фейерабенд в «Против метода» эксплицирует имманентную связь научного прогресса с систематической трансгрессией методологических норм. Критика направлена на гносеологическую мифологию универсальных правил, якобы конституирующих объективность. Конструирование единого метода уподобляется форме умственного расстройства, при которой нормативные схемы утрачивают референцию к реальной исследовательской практике. Наука не обладает универсальной структурой: познавательный результат детерминирован констелляцией конкретных обстоятельств и достигается именно через нарушение институционализированных предписаний. Критика наивного рационализма выступает логическим следствием признания теоретической нагруженности фактов, исключающей возможность чисто эмпирической верификации¹⁴².

Априорные гносеологические нормы, как показывает анализ, не выдерживают имманентной проверки, так как их применение ведет к релятивизму. Стабильный центр рациональности оказывается не обнаружимым. Научная практика отказывается от ограничений формальных методологий и демонстрирует, что допустимость стратегий определяется социокультурной динамикой¹⁴³. Фейерабенд раскрывает практику как пространство гносеологического хаоса, где рациональные методы подвергаются систематическому разрушению. На примере коперниканской революции он показывает, что ученые не следуют установленным

¹⁴² Балахонский, В. В. Методология П. Фейерабенда и проблемы научного познания / В. В. Балахонский, Л. В. Балахонская, Ю. В. Береснева // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 59-3. – С. 52-55. – DOI 10.18411/lj-03-2020-49. – EDN BOBQYU.

¹⁴³ Колесова, О. В. Наследие П. Фейерабенда: взгляд из цифровых реалий XXI века / О. В. Колесова // Философская мысль. – 2023. – № 9. – С. 38-53. – DOI 10.25136/2409-8728.2023.9.43649. – EDN XTKBNA.

правилам ни в процессе открытия, ни в обосновании теорий¹⁴⁴.

Практика строится на выходе за пределы концептуальных границ, когда радикальные гипотезы внедряются через создание систем взаимно опровергающих утверждений. Опираясь на специальные гипотезы и реабилитацию дискредитированных теорий, подобные системы трансформируют эмпирические опровержения в подтверждения. Процесс осуществляется посредством изобретения новых форм опыта, которые обозначаются как естественные интерпретации. Концептуальные рамки настолько глубоко укоренены в практике, что воспринимаются не как допущения, но как непосредственные свидетельства реальности. Механизм обнажения скрытых интерпретативных слоев, предшествующих любому факту, составляет методологический урок для постнеклассической науки. Выявление неосознанных предпосылок является конститутивной исследовательской процедурой¹⁴⁵.

Критическая установка, превозносимая традиционными методологиями, не способствует прогрессу и замедляет его, застывая в рамках существующего положения дел. Галилейский подход к эксперименту с падающими телами иллюстрирует необходимость креативного нарушения правил¹⁴⁶.

Снятие жестких методологических ограничений активизирует скрытые ресурсы герменевтического поиска, поскольку кажущаяся произвольность толкования открывает доступ к смысловым пластам, недоступным строгим формализованным процедурам. Исторический опыт гуманитарных дисциплин демонстрирует прямую зависимость теоретических прорывов от сознательного отклонения от нормативных канонов. Становление психоанализа и утверждение структурализма в лингвистике осуществлялось через внедрение альтернативного понятийного аппарата, заново очертившего границы научного поля, что полностью

¹⁴⁴ Касавин, И. Т. Поль Фейерабенд в поисках «свободной теории познания» / И. Т. Касавин // Историко-философский ежегодник '86. – М., 1986. – С. 207–226.

¹⁴⁵ Щербаков, С. В. Традиция П. Фейерабенда / С. В. Щербаков // Державинский форум. – 2020. – Т. 4, № 13. – С. 52–58. – EDN BFPVYP.

¹⁴⁶ Баксанский, О. Е. Философия современного образования и эпистемологический анархизм П. Фейерабенда / О. Е. Баксанский // Коллекция гуманитарных исследований. – 2017. – № 1(4). – С. 16–23. – EDN YIPBDD.

обходило утвержденные процедурные правила. При таких условиях критерии верификации утрачивают характер внеисторического арбитра, превращаясь в инструмент, функционально зависимый от актуального герменевтического горизонта. Фейерабендовский тезис об эпистемологическом анархизме фиксирует именно эту объективную тенденцию, согласно которой познавательные прорывы в гуманитарном познании возникают вследствие выхода за пределы установленных нормативных рамок и обращения к областям, еще не подчиненным жесткой категоризации. Принцип «допустимо все» утрачивает характер эпатажной формулы и обретает статус дескриптивного обобщения, точно фиксирующего реальные условия генерации новых теоретических конструкций.

Каждая дисциплина вырабатывает имманентные критерии достоверности, не редуцируемые к единому стандарту. Ученый в этой перспективе предстает не исполнителем процедур, но творцом новых познавательных перспектив: теории не открывают готовую реальность, а конституируют метафизически нагруженные формы опыта¹⁴⁷. Субъект познания выступает самодостаточным началом, порождающим не только законы и институты, но целые формы жизни, освобождаясь от зависимости априорных методологий.

Прогресс в данной модели не предполагает конвергенции к единой истине, но реализуется как пролиферация несовместимых альтернатив. Взаимодействие конкурирующих теорий, мифов и образов вынуждает каждую из сторон к большей артикулированности¹⁴⁸, формируя динамику сознания через перманентную оппозицию. Научное знание предстает как поле взаимоисключающих концептуальных моделей, где развитие осуществляется не через согласование, но через конфликт и множественность¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Москвитин, В. А. Отказ от метода. Пол Фейерабенд и плюрализм в науке / В. А. Москвитин // Проблемы современного образования. – 2025. – № 6. – С. 46-58.

¹⁴⁸ Касавин, И. Т. Научное сообщество: в поисках внутренней и внешней свободы / И. Т. Касавин, О. Е. Столярова // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61, № 3. – С. 6-20. – DOI 10.5840/eps202461336. – EDN APTUGE.

¹⁴⁹ Тухватулина, Л. А. Фейерабенд: апология нонконформиста / Л. А. Тухватулина // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61, № 3. – С. 212-220. – DOI 10.5840/eps202461351. – EDN JKAIBG.

Философская эволюция Фейерабенда, прошедшая протометафизическую, социоэпистемологическую и интегративную стадии, демонстрирует сочетание критики догматизма с удержанием реалистической установки в модифицированной форме. Плюралистический реализм утверждает объективность реальности при одновременном признании множественности ее онтологических интерпретаций в качестве условия познавательной динамики¹⁵⁰.

В философии Фейерабенда научная революция мыслится не как следование предписаниям, но как акт трансгрессии – преодоление устоявшихся норм и усвоение альтернативных когнитивных стратегий. Критика монистической трактовки науки высвобождает ее понимание как социокультурного образования, укорененного в исторических контекстах¹⁵¹. Отказ от демаркационистских установок и признание равноправия вненаучных систем знания конституируют антимонистическую онтологию, тогда как тезис о теоретической нагруженности фактов подрывает претензию на чистую объективность.

В горизонте постнеклассической гуманитаристики идея демократизации науки обретает эвристическую продуктивность: открытость диалогу с обществом и включение маргинализированных форм знания становятся необходимым условием эпистемологической рефлексии. Конфликт несоизмеримых концептуальных моделей перестает восприниматься как патология, напротив – он выступает имманентным механизмом познавательной эволюции, в свете которого оппозиция реализма и релятивизма утрачивает свою регулятивную функцию.

Фейерабендовская эпистемология¹⁵² эксплицирует четвертое диалектическое противоречие – между претензией научного метода на универсальность и его фактической исторической укорененностью. Там, где Бунге фиксирует

¹⁵⁰ Казанков, А. И. Есть ли жизнь после Фейерабенда : диалог об историческом методе / А. И. Казанков, О. Л. Лейбович // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 71-92. – DOI 10.17323/2587-8719-2020-3-71-92. – EDN HIGCNT.

¹⁵¹ Мустафина, Д. И. Философия науки Пола Фейерабенда / Д. И. Мустафина, Р. Ю. Рахматуллин // Научный альманах. – 2015. – № 12-3(14). – С. 382-385. – DOI 10.17117/na.2015.12.03.382. – EDN VKMGJ.

¹⁵² Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд; пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского. – Москва: Прогресс, 1986. – 543 с.

противоречие между методологическим монизмом и природой гуманитарного предмета онтологически, Фейерабенд верифицирует то же самое через историю науки: монизм не просто теоретически уязвим – он эмпирически опровергнут. Плюрализм в таком случае не релятивистская уступка, а вывод, продиктованный фактическим материалом. Однако тезис «допустимо все» снимает одну проблему и немедленно порождает другую: граница между научным и произвольным суждением размывается, а вопрос о критериях демаркации остается без ответа.

2.2 Деконструкция Жака Деррида как эпистемологическая стратегия в философии науки

Фейерабенд подвергает сомнению историческую универсальность единого научного метода; Деррида смещает критику на уровень глубже – к логоцентризму и метафизике присутствия, лежащим в основании самого научного дискурса как языковой практики. Проблема, таким образом, коренится не в правилах и процедурах, а в устройстве языка науки и в том, как он конституирует то, что принято считать объективной реальностью.

Обращение к философии Деррида в структуре настоящего исследования обусловлено центральной ролью языка в становлении постнеклассической науки в гуманитарном знании. После Фейерабенда установлено отсутствие единого научного метода, историческая и культурная обусловленность знания и принципиальная множественность форм рациональности – однако остается неразрешенным вопрос о том, как именно язык обеспечивает, закрепляет и одновременно маскирует эту множественность.

Деконструктивная аналитика отвергает представление о языке как о прозрачном инструменте обозначения, выявляя в нем работу дифферанса (процесса одновременного различения и отсрочки значения), где смысл порождается непрерывным смещением отсылок и принципиально недоступен полной

актуализации¹⁵³. Герменевтическая традиция развивает смежный мотив, трактуя встречу с текстом через слияние исторических горизонтов, которое преобразует не только понимаемый объект, но и саму позицию исследователя. Если постструктуралистский подход фиксирует онтологическую незавершенность смысловых цепей, то феноменологическая герменевтика усматривает в этой подвижности необходимое условие диалогического понимания, предотвращающее распад культурной традиции в чистую текстовую игру. Совместное преодоление репрезентационализма переориентирует гуманитарное знание на признание языка первоосновой конституирования реальности, а не вторичным регистратором независимых фактов. Концептуальное напряжение между нестабильностью знака и устойчивостью интерпретации закономерно переводит дискуссию на уровень методологических практик, поскольку эпистемологический плюрализм, зафиксированный Фейерабендом, находит свое структурное обоснование именно в нефиксированной природе языковой системы, которую научные дисциплины вынужденно используют, но редко подвергают критической рефлексии.

Анализ Жака Деррида демонстрирует онтологическую зыбкость бинарных схем, образующих каркас классической научной рациональности. Оппозиции объективного и субъективного, факта и интерпретации утрачивают статус непреложных оснований, обнаруживая свою зависимость от исторически сложившихся дискурсивных практик. Деконструкция функционирует в данном контексте не как инструмент разбора текста, но как эпистемологическая процедура, эксплицирующая маргинализированные элементы и подавленные смысловые пласты. Данные вытесненные компоненты удерживают поверхностную логическую связность научного высказывания. Научное познание теряет при таком подходе характеристику нейтрального отражателя реальности, трансформируясь в специфический тип письма. Прозрачность языка истины сменяется признанием его конститутивной непрозрачности и текстуальной природы. Указанное смещение

¹⁵³ Деррида, Ж. О грамматики / Ж. Деррида; пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. – Москва: Ad Marginem, 2000. – 511 с.; 22 см. – (Коллекция «Философия по краям»; серия «1/16»: Философия: Универсальная библиотека). – ISBN 5-93321-011-0.

оптической оси приобретает методологическое значение для постнеклассической гуманитаристики.

Философия Деррида обнаруживает прямую связь с ключевыми установками постнеклассической гуманитарной парадигмы. Последняя утверждает примат интерпретации и текстуальности, признавая, что гуманитарное знание имеет дело не с «голыми фактами», независимыми от способа их концептуализации, а со смысловыми структурами, дискурсами и культурными кодами, в которых эти факты только и конституируются как таковые. Дерридианская деконструкция предоставляет данной позиции радикальное философское обоснование: любой факт всегда уже включен в бесконечную сеть текстуальных отсылок, и попытка изъять его из этой сети во имя «чистой объективности» есть не методологическая строгость, а теоретически не осознанная наивность. Тем самым интерпретативность переосмысляется не как методологический дефицит, требующий компенсации посредством формализации, но как онтологическая характеристика самого гуманитарного предмета – характеристика, адекватное концептуальное освоение которой и составляет одну из центральных задач постнеклассического типа научности.

С точки зрения композиционной логики главы, последовательность «Фейерабенд – Деррида – Серл» выстраивается как нарастающее углубление критики. Фейерабенд разрушает миф о едином методе, Деррида – миф о прозрачности языка и устойчивости смысла, а Серл, сохраняя установку на рациональность, показывает, как через язык и речевые акты конституируется сама социальная реальность.

Логика исследования закономерно переводит фокус с фейерабендовской критики методологического монизма на лингвистический анализ Жака Деррида. Указанное смещение выводит проблему универсализма за пределы нормативных процедур и переносит ее в структуру самого научного дискурса. Постнеклассическая гуманитарная наука обретает в этой оптике способность рефлексировать над собственными языковыми основаниями, отказываясь от иллюзии нейтральной фиксации фактов. Философская программа Деррида,

опирающаяся на деконструкцию западной метафизики, выступает в настоящем исследовании формой радикальной эпистемологической критики. Концептуальное ядро данной стратегии принципиально противостоит ее инструментализации, поскольку деконструкция не формулирует предписывающих правил, а непрерывно ставит под вопрос условия, делающие возможным любое познание, властные отношения и процессы фиксации смысла. В рамках диссертационной работы этот аппарат применяется исключительно в гносеологическом измерении. Деконструкция функционирует здесь как процедура критического прочтения научных текстов, нацеленная на экспликацию скрытых допущений и риторических схем, структурно обуславливающих претензии на объективность¹⁵⁴.

Подобное сужение исходного дерридианского замысла методологически обусловлено, однако его легитимность обеспечивается строгим разграничением двух уровней анализа. Первый уровень фиксирует деконструкцию как онтологическое событие, имманентное языковой ткани и не подлежащее инструментальному присвоению со стороны исследователя. Второй уровень предполагает адаптацию дерридианского понятийного аппарата (логоцентризм, дифферанс, след, операция «подлежащего стиранию») для решения конкретных задач философии науки – прежде всего критики метафизических оснований классической рациональности и обоснования интерпретативного плюрализма в гуманитарном знании. В дальнейшем изложении термин «деконструкция» сохраняет значение исключительно этого аналитического регистра.

Три взаимосвязанных принципа – логоцентризм, текстуальная имманентность и Дифферанс – формируют онтолого-гносеологический каркас, эксплицирующий механизмы конституирования знания¹⁵⁵.

Первый принцип, логоцентризм, выявляет фундаментальную склонность западной метафизической традиции к конституированию центрального, универсального принципа как основы структурирования всего поля знания.

¹⁵⁴ Агабекова, У. Р. Жак Деррида как основатель теории деконструктивизма / У. Р. Агабекова // Балканское научное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 5-7. – EDN YUCAMH.

¹⁵⁵ Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев ; В. В. Васильев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2009. – ISBN 978-5-89826-316-0. – EDN QYAWUH.

Деконструктивная стратегия Деррида эксплицирует три фундаментальных принципа, переописывающих природу смыслообразования. Принцип децентрации обнажает иллюзорность логоцентрической установки: любой трансцендентальный центр (истина, бытие, справедливость), претендующий на аксиоматическую фундированность интерпретации, неизбежно элиминирует имманентную подвижность знаковых систем, учреждая фиктивную стабильность. Принцип текстуальной имманентности смещает акцент с инструментальности письма на его онтологическую функцию: письменность конституирует себя как культурно закрепленное условие возможности смысла, оспаривая традиционную субординацию устной речи и письма. Принцип дифферанса вводит темпорально-пространственное измерение смыслопорождения, где значение, никогда не данное в непосредственном присутствии, возникает в перманентной игре отсылок и различий, реконфигурируя текст как динамическое поле интерпретационных напряжений¹⁵⁶.

Эвристический потенциал деконструкции Ж. Деррида обнаруживается в ее способности к трансдисциплинарной миграции – в том, что разработанный в контексте литературной критики и философии языка концептуальный инструментарий оказывается продуктивным далеко за пределами породившей его дисциплины. Применительно к философии науки деконструкция раскрывается как необходимый аналитический инструмент критики логоцентрических оснований научного знания – тех молчаливо принятых иерархий и бинарных оппозиций, на которых держится претензия классической рациональности на нейтральность и универсальность, и которые постнеклассическая парадигма гуманитарного познания призвана не просто зафиксировать, но концептуально проблематизировать. Она эксплицирует науку не как нейтральное отражение реальности, а как дискурсивную практику, структурированную через системы различий и институциональные контексты.

¹⁵⁶ Усовская, Э. А. Другой в постмодернистском концепте «дифферанс» Жака Деррида / Э. А. Усовская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 47. – С. 132-138. – DOI 10.17223/22220836/47/11. – EDN HHONAL

Концепт квазитрансцендентального переопределяет границы познания через парадокс невозможного: событие, радикальная инаковость и Дифференс – не априорные универсалии, а исторически нестабильные условия возможности опыта, и дерридианская логика письма обнаруживает эту структуру повсеместно¹⁵⁷ – господствующая концептуальная система конституируется через исключение того, что одновременно подрывает и делает возможным ее функционирование, будь то принцип неопределенности в квантовой физике или эпигенетическая нестабильность понятия «ген». Вероятностные модели симулируют открытость новизне, не выходя за пределы исчислимой логики; теория относительности или открытие темной материи реализуют то, что Деррида называет «изобретением иного» – вторжение немыслимого, взрывающее наличные эпистемические горизонты¹⁵⁸. Деконструкция как стратегия чтения инвертирует устоявшиеся оппозиции – речь/письмо, объективность/субъективность, – обнажая их историческую обусловленность, однако цель не в смене полюсов, а в выходе за пределы самой оппозиционной логики: смысл всегда откладывается и распределяется в сети различий, поэтому деконструкция не предлагает позитивной теории и не задает телеологического горизонта.

Постнеклассическая парадигма гуманитарного познания усваивает из этого не релятивистский отказ от истины, но постоянную готовность к пересмотру концептуальных оснований – готовность, конститутивную для самого типа рациональности, который она призвана обосновать¹⁵⁹.

Центральной мишенью деконструкции выступает метафизика присутствия – вера в непосредственную данность истины через язык. Логос как смысловой центр одновременно генерирует и искажает значение: будучи природной субстанцией, он институционализируется в письме или праве, разрывая изначальную целостность.

¹⁵⁷ Ажимов, Ф. Е. "Архив" деконструкции Жака Деррида / Ф. Е. Ажимов // Культурология. – 2009. – № 1(48). – С. 136-144. – EDN KAGAGH.

¹⁵⁸ Derrida J. Afterword: Toward an Ethic of Discussion. 1st ed. Illinois: Northwestern University Press, 1988.

¹⁵⁹ Вавилов, А. Загадка «всегда уже» (утраченного следа феноменологии) в деконструкции Деррида / А. Вавилов // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 115-140. – DOI 10.21638/2226-5260-2023-12-1-115-140. – EDN ILDWMY.

Деконструкция вскрывает имманентный конфликт между абстрактными идеями и их исторически обусловленными воплощениями в институционально закрепленных нормах¹⁶⁰.

Дифферанс демонстрирует нефиксированную природу значения¹⁶¹, эволюционирующего в процессе взаимодействия конкурирующих концепций. Деконструкция смещает фокус с поиска истины к анализу этих конфликтующих интерпретаций, совместно генерирующих смысл. Сам акт институционализации фиксирует постоянное напряжение между возможными значениями. Переход мысли в язык инкорпорирует Дифферанс в смысловую структуру, одновременно воплощая интенцию автора и ограничения интерпретации.

Дерридианская критика трансцендентальных референций обнаруживает прямую концептуальную релевантность для философии науки и для постнеклассической парадигмы гуманитарного познания. Деконструкция проблематизирует фундаментальное допущение классической эпистемологии – представление о науке как нейтральном отражении объективной реальности, располагающем привилегированным доступом к «естественному порядку» вещей, – обнажая текстуальную природу научных парадигм как таковых.

Научное знание, по Деррида, структурировано через системы различий, риторические конвенции и институциональные практики, определяющие, что в данном познавательном горизонте может быть признано фактом, аргументом или доказательством. Прямая корреспонденция с реальностью здесь не первична – эти практики неустранимо участвуют в конституировании того, что наука полагает своим объектом¹⁶².

Понятие дифферанса (процесса одновременного различения и смысловой отсрочки) эксплицирует историческую динамику научных революций. Смена господствующих теоретических систем неизбежно сохраняет следовые остатки

¹⁶⁰ Беньямин, Вальтер Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Вальтер Беньямин. – СПб: Симпозиум, 2004. – 480 с. – ISBN 5-89091-235-6.

¹⁶¹ Derrida J. Dissemination / trans. by B. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

¹⁶² Desilet, G. Heidegger and Derrida: The conflict between hermeneutics and deconstruction in the context of rhetorical and communication theory / G. Desilet // Quarterly Journal of Speech. – 1991. – Vol. 77, iss. 2. – P. 152–175. – DOI: 10.1080/00335639109383950.

отвергнутых концептуальных схем. Деконструктивная процедура не упраздняет научную рациональность, а выводит на поверхность ее дискурсивные и риторические условия конституирования. Выявление этих условий демонстрирует, как нормативные эпистемологические структуры систематически вытесняют альтернативные формы познавательного доступа к реальности. Указанный анализ функционирует не как отрицательный жест, но как аналитическая операция, высвечивающая резервные смысловые возможности, скрытые внутри доминирующих исследовательских программ. Деррида переносит деконструкцию из области субъективной рефлексии в онтологический регистр, фиксируя ее как имманентное событие языкового поля¹⁶³. Распространенность данного механизма исключает необходимость посреднической роли сознательного субъекта, поскольку генеративный потенциал смысла заложен в самой архитектуре знаковых отношений. Задачей исследования становится артикуляция внутренней логики концептов посредством снятия их иллюзорной самоочевидности, что обнажает исторически обусловленный характер фундаментальных категорий научного мышления. Подобная реконфигурация событийности радикально переопределяет траекторию познавательного развития. Историческое движение науки утрачивает линейно-кумулятивный характер и предстает как последовательность разрывов, в ходе которых новые теоретические горизонты конституируются через внутреннее расшатывание предшествующих оснований¹⁶⁴.

Апория невозможного коррелирует с принципиальной незавершенностью научного знания: каждая теория содержит имманентные противоречия (аномалии), делающие ее будущую деконструкцию неизбежной. Дифференс объясняет нелинейность научных революций, где отвергнутые концепции сохраняются как конститутивные следы¹⁶⁵.

¹⁶³ Смирнова, Н. М. Н.С. Автономова. Философский язык Жака Деррида / Н. М. Смирнова // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 181-186. – EDN QYUDKV.

¹⁶⁴ Аналитическая философия: становление и развитие : антология / общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова; пер. с англ., нем. – Москва : Дом интеллектуал. кн. (ДИК); Прогресс-традиция, 2000. – 527 с. – ISBN 5-7333-0009-4.

¹⁶⁵ Derrida J. Excerpt from "Signature, Event, Context". Irvine: University of California, 1972.

В ряде критических правовых исследований деконструкция была сведена к набору аналитических приемов: выявлению скрытых бинарных оппозиций, подрыву легитимирующих нарративов и временному демонтажу иерархий – редукция, устраняющая именно то измерение, которое делает деконструкцию философски значимой¹⁶⁶. Такая инструментализация превращает деконструкцию в технический метод, утрачивающий ее онтологический статус как имманентного события смыслообразования. Аналогичным образом в философии науки некритическое заимствование критического рационализма в виде «техники фальсификации» игнорирует его собственные эпистемологические основания.

Деррида разрабатывает онтологию следа как фундаментального условия семиозиса. След имманентно содержит коннотации пути, отметины и отсутствующего присутствия. Значение знака конституируется через дифференциальные отношения, где артикуляция любого концепта неизбежно несет след исключенного означаемого¹⁶⁷. Артикуляция «нормы» референцирует подавленную «аномалию», подобно тому, как «научность» отсылает к исключенному «ненаучному».

Механизм самоиммунизации, вскрытый Ж. Деррида, обнаруживает структурный параллелизм с защитой научных парадигм от рефлексивной критики – параллелизм, существенный для постнеклассической науки в гуманитарном знании. Подобно тому, как позитивизм редуцирует научную рациональность к методическим процедурам, тем самым заранее нейтрализуя любую критику, выходящую за их пределы, юридический прагматизм нейтрализует деконструкцию, ограничивая ее операциональную силу институционально приемлемыми рамками. Концепт следа, в свою очередь, предоставляет концептуальный инструмент для анализа природы научных революций: новые парадигмы не упраздняют отвергнутые теории бесследно, но сохраняют их следы

¹⁶⁶ Kakoliris, G. Jacques Derrida's Deconstruction of Western Metaphysics: The Early Years / G. Kakoliris // *Dia-Noesis*. – 2017. – Vol. 4. – P. 43–62.

¹⁶⁷ Sjöstrand B. Derrida and the Phenomenology of Technology // Sjöstrand B. Derrida and Technology: Life, Politics, and Religion. Cham: Springer, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-83407-4_3

в качестве конститутивных элементов собственной структуры – элементов, определяющих то, что новая парадигма полагает само собой разумеющимся.

«Объективность» несет в себе след исключенной «субъективности»; «верификация» конституируется через след «фальсификации». Господствующие концепты структурно зависят от того, что они официально отвергают, – и эта зависимость делает деконструктивный анализ не вспомогательным приемом, а необходимым условием критической рефлексии над основаниями научного знания.

Принцип «*sous rature*» («подлежащее стиранию») переопределяет отношение мысли к собственным понятийным средствам, продолжая и углубляя хайдеггеровскую постановку вопроса о бытии¹⁶⁸. Зачеркивание термина не устраняет его из дискурса, а фиксирует двойной статус, при котором понятие одновременно признается семантически недостаточным и методологически неизбежным. Подобная операция позволяет исследователю задействовать лексический арсенал классической метафизики для экспликации ее внутренних пределов, не прибегая при этом к внешнему языковому субстрату. Нормативность истины уступает здесь исторической функциональности, поскольку удерживаемый концепт сохраняет операциональную силу ровно до тех пор, пока не будет выявлена его зависимость от скрываемых им противоречий¹⁶⁹. Указанная логика проецируется на трансформацию научного знания, где прежние теоретические построения не упраздняются окончательно, а переводятся в режим условной применимости. Классическая механика или термодинамика продолжают функционировать в пределах заданных онтологических допущений, выступая примерами концептуальных образований, чья достоверность ограничена, но не отменена последующими сдвигами парадигмы¹⁷⁰. Механизм концептуального заимствования, описываемый деконструкцией, воспроизводит в постнеклассической гуманитаристике ту же преемственность, при которой

¹⁶⁸ Деррида, Ж. Поля философии / Ж. Деррида ; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с. – (Философские технологии). – ISBN 978-5-8291-1413-8.

¹⁶⁹ Вдовина, А. В. Жак Деррида о двойственности философских текстов и этике деконструкции / А. В. Вдовина // Дискуссия. – 2012. – № 1. – С. 12-14. – EDN OOIWMZ.

¹⁷⁰ Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида ; пер. с фр. В.В. Бибикина. – М.: Академический Проект, 2007. – 160 с. – (Философские технологии). – ISBN 978-5-8291-0896-0.

устаревшие объяснительные схемы становятся материалом для имманентного анализа собственных оснований.

Мессианская структура мышления коррелирует с эпистемологией научных сдвигов, поскольку смена парадигм воспроизводит логику дерридианского разрыва¹⁷¹. Теоретическое новшество не выводится из прежних схем, а перестраивает условия возможности истины, что наглядно демонстрируют коперниканский и квантовый повороты. Концепт следа объясняет преемственность этого процесса, фиксируя упраздненные теории в качестве скрытых оснований новой парадигмы. Регулятивный статус истины совпадает с ожиданием «Другого», где незавершенность смысла выступает двигателем познания, исключая его окончательную фиксацию. Деконструкция западной метафизики у Деррида начинается с анализа структуры и центра, удерживавших философский дискурс в логоцентрической парадигме. Переосмысление структуралистских исследований выявляет онтологическую плотность языка, отвергающую его инструментальную прозрачность. В отличие от Ницше¹⁷², Фрейда¹⁷³ и Хайдеггера, чьи проекты децентрации искали новый абсолютный референт и тем самым оставались в метафизическом кругу, Деррида использует бинарные оппозиции для экспликации их внутренней зыбкости. Семиотическая подвижность знака разрушает иллюзию прямой корреспонденции речи и реальности. Дифферанс фиксируется здесь как имманентная динамика смыслопорождения, где значение конституируется не через присутствие, а через непрерывную игру различий и отсрочек, что задает онтологическое условие любой теоретической новизны¹⁷⁴.

Научные парадигмы выступают структурными узлами, упорядочивающими познавательный процесс за счет систематического вытеснения эмпирических

¹⁷¹ Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида. – СПб: Алетейя, 2017. – 208 с. – ISBN 978-5-91419-863-0.

¹⁷² Ницше, Ф.В. По ту сторону добра и зла / Ф.В. Ницше ; пер. с нем. Ю. Антоновского, Е.А. Соколовой. – Москва : Азбука, 2024. – 544 с. – ISBN 978-5-389-05216-1.

¹⁷³ Фрейд, Зигмунд Введение в психоанализ / Зигмунд Фрейд ; пер. с нем. Г.А. Барышниковой. – Москва : Азбука, 2025. – 448 с. – ISBN 978-5-389-13277-1.

¹⁷⁴ Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; пер. В. Лапицкий. – Москва : Академический проект, 2007. – 495 с. – ISBN 978-5-8291-0895-3.

аномалий, угрожающих целостности теоретического каркаса. Концепт трансцендентального означаемого воспроизводит позитивистскую установку, постулирующую существование внеязыковой истины, доступной прямому эпистемическому захвату. Категория алеторического предела (границы случайности, подчиненной вероятностному расчету) не выходит за рамки вычислительной рациональности, сохраняя зависимость от математизированных моделей прогнозирования¹⁷⁵. Количественная формализация стохастических процессов удерживает мышление в горизонте онтологии тождества, где непредсказуемость сводится к измеряемой погрешности и тем самым нейтрализуется. В деконструктивной оптике указанный механизм квалифицируется как имитационная граница, создающая лишь видимость готовности к новизне при фактическом воспроизведении замкнутых алгоритмических циклов. Подобная процедура консервирует господство логоцентризма над непредсказуемыми измерениями опыта, маскируя онтологическую незавершенность научного знания под технически управляемый процесс¹⁷⁶. Подлинное событие, напротив, не вписывается в континуум ожидаемого, а радикально перестраивает условия мыслимого, подобно тому, как парадигмальные сдвиги разрушают прежние критерии научности. Дерридианская концепция изобретения иного артикулирует именно эту разрывную логику, утверждая появление смыслового новообразования, которое принципиально не реконструируется на основе предшествующих концептуальных схем.

Деррида конституирует открытость инаковости через Дифференс и событие как квазитрансцендентальное условие – не априорную универсалию в кантовском смысле¹⁷⁷, но исторически нестабилизированную возможность познания и опыта. Парадокс заключается в том, что событие как невозможное вообразить или

¹⁷⁵ Деррида, Ж. Диссеминация / Ж. Деррида ; пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 605 с. – (Philosophy). – ISBN 978-5-9757-0079-7.

¹⁷⁶ Чекки, Д. Историческая реальность и политическая эстетика после Жака Дерриды и Бернара Стиглера / Д. Чекки // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2022. – № 3(11). – С. 4-15. – DOI 10.24923/2305-8757.2022-11.1. – EDN HCSJTF.

¹⁷⁷ DeRoo, N. Derrida and the Future(s) of Phenomenology / N. DeRoo // Derrida Today. – 2011. – Vol. 4, iss. 1. – P. 107. – DOI: 10.3366/drt.2011.0008.

предвосхитить становится условием самой возможности. Традиционная дихотомия возможного и невозможного здесь переопределяется: невозможное не противостоит возможному извне, а имманентно ему как предел, в котором заключен конститутивный шанс его расширения.

Квазитрансцендентальный статус события коррелирует с эпистемологией научных революций¹⁷⁸. Научное открытие как событие принципиально не выводимо из предшествующей парадигмы – оно взрывает горизонт ожидания, реализуя то, что в рамках прежнего знания квалифицировалось как «невозможное». Принцип неопределенности в квантовой физике воплощает эту логику с особой наглядностью: невозможность одновременного измерения координат и импульса не отрицает познание, но конституирует качественно иные условия его возможности – условия, в которых сам познающий субъект оказывается неустранимым участником того, что он исследует. Именно эта структура – открытие как разрыв, а не как накопление – составляет один из концептуальных узлов постнеклассической науки в гуманитарном знании, для которой событийность познания является не исключением, но нормой¹⁷⁹.

Философский проект Жака Деррида, раскрытый через призму деконструкции, утверждается как фундаментальная трансформация эпистемологических оснований западной рациональности¹⁸⁰. Центральным достижением выступает экспликация деконструкции не просто как критического метода, но как онтологии смыслообразования, где логоцентризм, текстуальная имманентность и Дифферанс вскрывают конститутивную нестабильность познавательных систем. Эта нестабильность проявляется в апориях, неизбежно возникающих при попытках фиксации значений, и в следах исключенных

¹⁷⁸ Дьяков, А. В. Философия постструктурализма во Франции / А. В. Дьяков. – Нью-Йорк : Northern Cross Publishing, 2008. – 364 с. – ISBN 978-1-4357-4451-6. – EDN ULLJTT.

¹⁷⁹ Ж. Деррида: концепция деконструкции и интердисциплинарная природа постструктуралистской мысли // Художественная культура. – 2017. – № 1(19). – С. 1. – EDN YUCDRZ.

¹⁸⁰ Седелева, А. О. Модерн и постмодерн как проекты европейской философии в работах Юргена Хабермаса и Жака Деррида / А. О. Седелева // Credo New. – 2022. – № 2(110). – EDN CQJXDH.

альтернатив, подрывающих миф о самодостаточности любых трансцендентальных означаемых – будь то истина, справедливость или научная объективность.

Постпозитивистская критика оснований научного знания получает в этом подходе новое измерение: постнеклассическая парадигма гуманитарного познания не просто принимает ее выводы, но радикализирует саму постановку вопроса.

Научные парадигмы интерпретируются как исторически обусловленные семиотические системы, в которых концепты – от «гена» до «кварка» и «пространства-времени» – обретают свое значение не через прямую референцию к независимо существующей реальности, но через позицию в сетях различий, институциональных контекстах и риторических стратегиях научных сообществ, определяющих, что в данный момент считается легитимным научным высказыванием.

Парадигмальные сдвиги вроде коперниканского переворота или возникновения квантовой механики воплощают дерридианскую логику изобретения иного. Указанные события не поддаются предсказанию в рамках алеторических пределов вероятностных моделей или теорий хаоса, поскольку разрушают сами гносеологические горизонты и вводят немыслимое. При этом отвергнутые теории – эфир, флогистон, ламаркизм – сохраняются не как ошибки, а как конститутивные следы в новых эпистемических конфигурациях, подтверждая нелинейную и апорическую природу научного прогресса.

Эпистемологический императив Ж. Деррида утверждает этику познания, основанную на трех неразделимых принципах. Первый – признание неустранимости апорий: будь то оппозиция детерминизма и индетерминизма в науке или напряжение между формализмом и контекстуализмом – как имманентных условий мышления, а не как дефектов, подлежащих устранению. Второй – понимание конструктивной роли нестабильности, в которой Дифференс выступает механизмом теоретического обновления. Третий – необходимость постоянной открытости невозможному как единственному источнику подлинной новизны.

Деконструкция переопределяет научную рациональность не как поиск абсолютных оснований, а как практику работы с пределами – и именно в этом переопределении постнеклассическая гуманитарная наука находит один из своих концептуальных ресурсов. Критика метафизики присутствия освобождает науку от иллюзий нейтральности, обнажая ее укорененность в языке, исторической конъюнктуре и этической ответственности за исключенные альтернативы.

В рамках пяти диалектических противоречий становления постнеклассической науки деконструкция Жака Деррида углубляет четвертое противоречие между притязанием на универсальность и исторической обусловленностью науки. Углубление достигает уровня самой языковой структуры научного мышления. Множественность и историчность укоренены не только в смене парадигм, как показывает Пол Фейерабенд, но и в самой природе знака, не допускающей окончательной фиксации смысла.

Одновременно деконструкция подготавливает почву для снятия третьего противоречия – между синтаксисом и семантикой, укорененной в интенциональности: обнажая текстуальную природу научных концептов, она делает необходимым переход к позитивной теории того, как смысл все же конституируется устойчиво, – переход, который осуществляет Дж. Серл.

Анализ деконструктивной стратегии верифицирует второе положение в наиболее радикальной форме из достигнутых в исследовании. Если Хайдеггер показывал трансформацию языка под воздействием «Постава», то Деррида обнажает более глубокий пласт: научное понятие никогда не обладало прозрачной референцией к реальности – смысл конституируется через систему различий, а не через прямое указание на внеязыковую данность. Языковая опосредованность гуманитарного предмета предстает тем самым не методологическим изъяном, а онтологической характеристикой самого познания. Третье положение получает дополнительное, теперь уже структурное обоснование: логоцентрические основания монистической объективности иллюзорны по природе самого понятия.

2.3 Онтологические и эпистемологические основания сознания, языка и науки в философии Джона Серла

Включение философии Джона Серла в концептуальное пространство второй главы вслед за рассмотрением учений Фейерабенда и Деррида обусловлено необходимостью методологического перехода от критической деструкции классических эпистемологических оснований к конструктивному переопределению принципов рациональности, языка и социальной реальности. Фейерабенд и Деррида выполняют преимущественно критическую функцию: первый демонтирует иллюзию методологического монизма, второй деконструирует логоцентрические допущения о прозрачности языка и устойчивости смысла. Обращение к Серлу призвано продемонстрировать, что усвоение уроков методологического плюрализма и деконструкции не влечет с необходимостью отказа от притязаний на объективность и рациональную познаваемость социального мира.

Логика данного перехода разворачивается следующим образом. Критическая работа Фейерабенда обнаруживает историческую изменчивость и принципиальную множественность исследовательских подходов, исключаящую редукцию познания к единому нормативному стандарту. Деррида, в свою очередь, проблематизирует саму возможность смысловой определенности, показывая, что любой дискурс конституируется через систему нестабильных бинарных оппозиций и бесконечную игру различий. Оба этих шага необходимы для формирования постнеклассической парадигмы, однако в радикализованной форме они создают риск эпистемологического релятивизма, стирающего границу между обоснованным знанием и произвольным конструированием.

Отдельного прояснения требует характер отношений между Деррида и Серлом, поскольку их совместное привлечение в рамках одного исследования может вызвать методологические вопросы. Данные мыслители представляют не просто различные философские традиции, но находятся в состоянии открытой полемики. В дискуссии 1977–1988 годов Серл обвинял Деррида в непонимании

теории речевых актов и подмене философского анализа риторическими приемами; Деррида, напротив, демонстрировал, что позиция Серла воспроизводит именно те логоцентрические презумпции, которые деконструкция призвана эксплицировать и преодолеть.

Тем не менее в контексте настоящего исследования это напряжение не является препятствием, а становится ресурсом. Деррида и Серл критикуют редукционизм классической рациональности с диаметрально противоположных позиций: первый – атакуя иллюзию устойчивого смысла и прозрачного языка, второй – утверждая, что сознание и социальная реальность онтологически нередуцируемы к формальным моделям. Указанное различие в методологических стратегиях при сохранении общности критических выводов открывает возможность сопряжения их теоретических построений в качестве взаимодополняющих аналитических средств. Деконструкция Жака Деррида выявляет предельные границы любой языковой фиксации смысла. Социальная онтология Джона Серла демонстрирует правомерность конструирования устойчивых значений в социальной практике вопреки указанным ограничениям.

Вместе с тем необходимо эксплицитно зафиксировать характер этой совместимости, чтобы не создавать впечатления онтологического эклектизма. Деррида и Серл работают на принципиально разных уровнях анализа, и именно это делает их сосуществование в рамках одного исследования концептуально законным, а не произвольным. Дерридианская деконструкция разворачивается на уровне структуры языкового знака: она показывает, что смысл никогда не самотождественен, что любая фиксация значения является временной и конвенциональной, что за видимой устойчивостью концептов скрывается подвижная игра различий и отсрочек. Серл, напротив, работает на уровне каузальных отношений между сознанием, языком и социальной реальностью: его вопрос не «как устроен знак», а «как интенциональные акты порождают устойчивые институциональные факты». Эти уровни не конкурируют – они описывают разные аспекты одного и того же феномена. Иными словами, деконструкция объясняет, почему никакая фиксация смысла не является

окончательной, а социальная онтология объясняет, почему это не мешает смыслу функционировать как устойчивому в конкретных институциональных контекстах.

Критическая демонтажная работа Фейерабенда и Деррида закономерно формирует запрос на позитивное восстановление нормативных оснований. Утрата методологического монизма и выявление дискурсивной природы понятий делают необходимой модель, способную легитимировать рациональную аргументацию и объективный анализ социальных практик в новых условиях. Задачу такого концептуального синтеза решает Джон Серл. Опираясь на аналитический аппарат, он удерживает позицию научного реализма, фиксируя независимость фактуального положения дел от произвольных интерпретаций и сохраняя строгое различие между истинными и ложными суждениями. Параллельно философ обосновывает онтологическую субъективность ментальных процессов (перволичностную данность переживаний, конституирующую опыт изнутри и не сводимую к стороннему наблюдению), последовательно отвергая редукцию сознания к физическим субстратам¹⁸¹. Развернутая им социальная онтология эксплицирует механизм институционального конструирования, при котором коллективные интенциональные акты и декларативные речевые формулы наделяют материальные элементы устойчивым социальным статусом.

Концептуальное ядро серлевской коллективной интенциональности обнаруживает структурное сродство с гадамеровским пониманием традиции. Оба подхода фиксируют онтологическую предданность смыслового контекста, который предшествует индивидуальной рефлексии и выступает условием возможности любой интерпретации. Гадамеровская модель трактует данный горизонт как исторически становящуюся традицию, где прошлое актуализируется не через механическое воспроизведение, но в процедуре слияния истолковательских перспектив. Серлевский проект, напротив, смещает аналитический фокус в плоскость институциональной онтологии, где устоявшиеся

¹⁸¹ Аналитическая философия: становление и развитие: антология / общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова; пер. с англ., нем. – Москва: Дом интеллектуал. кн. (ДИК); Прогресс-традиция, 2000. – 527 с. – ISBN 5-7333-0009-4.

смыслы закрепляются через механизм статус-функций (социальных атрибутов, приобретающих объективный статус исключительно благодаря коллективному признанию). Указанное методологическое расхождение не порождает концептуального конфликта, но открывает поле аналитической комплементарности. Феноменологическая герменевтика эксплицирует генетическую глубину культурных образований, тогда как социальная онтология раскрывает механизмы их нормативного воспроизводства. Совместное применение обоих регистров позволяет удерживать историческую изменчивость смысловых структур и институциональную устойчивость социальных фактов в единой концептуальной плоскости.

Философская программа Джона Серла разграничивает онтологическую субъективность – первичную данность переживания, доступную лишь в перспективе первого лица – и эпистемическую объективность, устанавливаемую через интерсубъективную верификацию. Данная дистинкция устраняет методологическую ошибку, отождествляющую природу предмета с гносеологическим статусом знания о нем. Гуманитарные дисциплины изучают феномены, укорененные в субъективном опыте, однако суждения об их закономерностях и исторической динамике подчиняются процедурам рациональной аргументации. Тем самым гуманитарное познание легитимируется как форма строгой рациональности, способная формулировать эпистемически объективные утверждения об онтологически субъективной реальности¹⁸².

Соотношение позиций Серла, Фейерабенда и Деррида продуктивнее мыслить не в логике бинарного противостояния, а в логике концептуального удержания напряжения. Серл не отбрасывает радикальную критику методологического монизма и логоцентризма, прозвучавшую у его предшественников, но переводит ее в иной регистр. Усваивая фейерабендовскую интуицию о социально-исторической встроенности познания и отсутствии универсальной

¹⁸² Москвитин, В. А. Язык, значение и реальность: от деконструкции Жака Деррида до теории речевых актов Джона Серла / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 49-57. – DOI 10.30853/mns20250008. – EDN OZKUXV.

методологической привилегии, он вместе с тем отказывается от рискованной абсолютизации принципа «допустимо все», вводя стратификацию дискурса и удерживая нормативность рациональной аргументации. Равным образом, признавая вслед за Деррида конститутивную, а не репрезентативную функцию языка, Серл смещает фокус с бесконечной игры Дифферанс на позитивные механизмы, посредством которых речевые акты порождают устойчивые институциональные факты¹⁸³. В архитектонике постнеклассической рациональности его концепция выполняет роль того звена, где деструктивный пафос критики переплавляется в конструктивную социальную онтологию. В своем существе философский проект Джона Серла разворачивается как последовательное сопротивление любым формам редукционизма – будь то сведение ментального к физикальным процессам, логическому синтаксису или абстрактным функциональным состояниям. Центральным нервом этого сопротивления выступает защита онтологической неустрашимости субъективного опыта: интенциональность трактуется здесь не как эпифеномен нейронной активности, а как фундаментальная характеристика сознания, задающая саму возможность направленности на мир. В этом же ключе язык анализируется не в качестве статичной системы знаков, а как деятельная сила, учреждающая и поддерживающая ткань социальной реальности¹⁸⁴.

Философская программа Серла вырастает из анализа языковых практик как системы конститутивных правил, внутри которых социальная реальность впервые обретает устойчивость. Теория речевых актов исходит из динамического понимания языка: высказывание функционирует не как статичный знак, но как действие, обладающее иллокутивной силой и порождающее социальные эффекты¹⁸⁵. Значение при этом не сводится к семантической структуре – оно

¹⁸³ Смирнов, В. В. Ж. Деррида и Дж. Серл: деконструкция versus теория речевых актов / В. В. Смирнов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2013. – № 4. – С. 171-186. – EDN SAFCWR.

¹⁸⁴ Юлина, Н. С. Джон СЕРЛ. Открывая сознание заново. Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002, 240 с / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 186-190. – EDN ONYJXV.

¹⁸⁵ Байдлаева, А. К. Власть и язык: теория создания социальных институтов / А. К. Байдлаева // Journal of Philosophy Culture and Political Science. – 2016. – Т. 57, № 3. – С. 41–46.

укоренено в интенциональности говорящего, ориентированной на коммуникативный успех. В этом контексте он различает регулятивные и конститутивные правила: первые управляют уже существующими практиками, вторые же создают новые формы взаимодействия, делая возможными такие явления, как обещания или декларации. Акцент на иллокутивной силе позволил Серлу выделить механизм, через который пропозициональное содержание высказывания трансформируется в действие, требующее интерпретации и ответственности.

Концепция Джона Серла обнаруживает содержательные корреляции с проблематикой философии науки, релевантными для постнеклассической парадигмы гуманитарного познания. Структурный параллелизм прослеживается в том, что правила языковых игр выполняют функцию, аналогичную научным парадигмам: они конституируют условия легитимности знания и определяют, каким высказываниям в данном институциональном контексте может быть присвоен статус научных.

Иллокутивные акты, подобно научным теориям, существуют не как автономные ментальные образования, но благодаря конвенциям, укорененным в коллективной интенциональности и институциональных практиках, – конвенциям, которые одновременно ограничивают пространство рационального дискурса и порождают его возможности. Тем самым серлевский анализ подчеркивает фундаментальную зависимость познания от институциональных структур, не впадая при этом в релятивизм: институциональная обусловленность знания не отменяет различия между обоснованным и необоснованным суждением, но задает тот онтологический горизонт, в котором это различие только и может быть проведено с необходимой концептуальной строгостью.

Вводимое Дж. Серлом понятие условий удовлетворения (*conditions of satisfaction*) устанавливает, что каждое высказывание предполагает определенный режим соответствия между лингвистическим выражением и внешними фактами. Этот подход связан с анализом направленности соответствия (*direction of fit*): в одних случаях язык стремится отражать действительность («слово к миру»), в

других – изменять ее («мир к слову»), в-третьих – сочетает оба вектора. Для постнеклассической науки в гуманитарном знании это разграничение приобретает методологическое значение: гуманитарное исследование не просто описывает социальную реальность по модели «слово к миру», но нередко конституирует ее, задавая концептуальные рамки, в которых она только и может быть осмыслена и преобразована – что делает серлевский анализ направленности соответствия инструментом рефлексии над самой природой гуманитарного познания¹⁸⁶.

Серл развивает концепцию языка как системы действий, где речевые акты выступают не средством описания реальности, а ее конструктивным элементом¹⁸⁷. Его подход пересекается с идеей языковой игры (language game), предложенной поздним Витгенштейном, где язык понимается как инструмент, обслуживающий разнообразные формы деятельности. Однако Серл критикует абсолютизацию употребления, свойственного витгенштейновскому анализу¹⁸⁸, указывая на необходимость различать семантическую структуру выражений и прагматические намерения говорящего.

Центральным элементом серлевской концепции сознания и языка выступает интенциональность, трактуемая как трансцендентальное, онтологически первичное свойство ментального – свойство, имеющее принципиальное значение для постнеклассической науки в гуманитарном знании, поскольку именно оно конституирует саму возможность понимания как такового. Интенциональность есть имманентная направленность состояний сознания на объекты и положения дел в мире, составляющая необходимое условие как когнитивной артикуляции, так и языковой экспликации. При этом не все ментальные феномены интенциональны: аффективные состояния лишены репрезентативности в отличие от убеждений, желаний или намерений, обладающих подлинной интенциональной структурой, – различение, существенное для анализа тех форм гуманитарного опыта, которые не

¹⁸⁶ Серл, Дж. Рациональность в действии / Дж. Серл; пер. А. Колодий, Е. Румянцева. - Москва: Прогресс-Традиция, 2004. - 336 с. - ISBN 5-89826-210-5.

¹⁸⁷ Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

¹⁸⁸ Витгенштейн, Людвиг Философские исследования / Людвиг Витгенштейн. – Москва: АСТ, 2022. – 384 с. – ISBN 978-5-17-115096-9.

поддаются исчерпывающей концептуализации, но тем не менее конституируют горизонт понимания.

Речевые акты выступают у Серла тем медиумом, в котором интенциональное содержание обретает феноменологическую явленность. Между ментальной репрезентацией и ее языковой артикуляцией обнаруживается структурное соответствие, причем пропозиция трактуется здесь не как самостоятельный объект, на который направлено сознание, а как форма самого интенционального состояния. Язык, придавая интенциональности артикулированную определенность, не отменяет ее онтологического первенства – направленность сознания остается фундаментальным свойством ментального, не выводимым из языковых структур¹⁸⁹. Серл последовательно показывает, что признание биологического субстрата сознания не влечет редукционистских следствий и не упраздняет онтологической специфики ментальных и социальных феноменов, требующих собственного концептуального описания; разум предстает здесь как архитектоника когнитивных модулей, в которой языковая способность занимает центральное, но не исключительное место, и этот вывод имеет прямое отношение к методологическим основаниям постнеклассической гуманитарной науки.

Философская программа Джона Серла разворачивается из утверждения о семантической первичности, согласно которому синтаксические конфигурации лишены каузальной способности порождать значение независимо от сознательного акта. Грамматические структуры обретают смысловую определенность лишь будучи укорененными в семантическом содержании, которое конституируется интенциональной направленностью сознания на предмет¹⁹⁰. Указанная направленность формирует двунаправленное отношение между ментальными состояниями и миром, исключающее возможность сведения смыслового ядра к формальным алгоритмическим процедурам¹⁹¹. Полная вычислительная имитация

¹⁸⁹ Searle, J. R. The problem of consciousness // Searle, J. R. Consciousness and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

¹⁹⁰ Searle J. Reiterating the differences: A reply to Jacques Derrida. Baltimore, 1977.

¹⁹¹ Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев ; В. В. Васильев. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – ISBN 978-5-89826-316-0. – EDN QYAWUH.

понимания остается принципиально недостижимой, что задает непреодолимые границы для любых претензий цифровых моделей на исчерпывающее описание когнитивных процессов. Отказ от редукционистских стратегий в философии сознания вытекает из этой же предпосылки, поскольку попытка эксплицировать интенциональные состояния через диспозиционные характеристики, механистические причинные цепи или информационные операции игнорирует категориальную ошибку, лежащую в основе подобной методологии. Дж. Серл демонстрирует, что традиционное противопоставление физического субстрата и субъективного опыта строится на ложной дихотомии, тогда как оба регистра обладают самостоятельной онтологической значимостью и не подлежат взаимному упразднению¹⁹². Аналитическим инструментом, позволяющим удерживать это напряжение без впадения в дуализм или материализм, служит строгое различение онтологического и эпистемического статусов субъективности и объективности. Научное исследование способно формулировать интерсубъективно проверяемые суждения о феноменах, чье бытийное основание принципиально укоренено в перволичностной данности. Биологический натурализм, разработанный Серлом, выводит из этой концептуальной конфигурации прямой тезис о невозможности создания сильного искусственного интеллекта, поскольку сознание генерируется специфическими нейрофизиологическими процессами и не может быть симулировано исключительно синтаксическими манипуляциями.

Ключевым аргументом выступает мысленный эксперимент с «Китайской комнатой»¹⁹³, демонстрирующий принципиальное различие между синтаксическими манипуляциями символами и подлинным семантическим пониманием. Мысленный эксперимент Джона Серла выявляет принципиальную ограниченность вычислительной модели сознания. Система, реализующая сколь угодно точную имитацию осмысленного поведения через формальные операции,

¹⁹² Белянин, М. Н. Джон Серл и "трудная проблема сознания" / М. Н. Белянин // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2011. – № 4. – С. 38-50. – EDN OKMLMZ.

¹⁹³ Нечаев С. Ю. КИТАЙСКАЯ КОМНАТА ДЖ. Р. СЕРЛЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 19-23. DOI: 10.18500/1819-7671-2010-10-4-19-23

не порождает подлинной интенциональности. Указанное обстоятельство обусловлено отсутствием семантического содержания поскольку синтаксическая манипуляция символами не обеспечивает понимания¹⁹⁴. Серл критикует функционализм и вычислительный подход, отрицая тезис о тождестве сознания выполнению абстрактных информационных ролей. Он аргументирует, что сознание есть биологический каузальный процесс. Компьютерная симуляция таких процессов, сколь бы точной ни была, не эквивалентна их реальному осуществлению¹⁹⁵.

Данная критика обретает фундаментальное значение для постнеклассической науки в гуманитарном знании, утверждая онтологическую уникальность биологического субстрата сознания и принципиальную нередуцируемость семантики к синтаксису – тезис, подрывающий саму возможность исчерпывающего формального описания ментальных состояний и тем самым концептуально обосновывающий специфику гуманитарного предмета как такового¹⁹⁶. Серл обосновывает невозможность полной формализации ментального в вычислительных моделях, подчеркивая эпистемологические ограничения искусственного интеллекта¹⁹⁷ в воспроизведении интенциональных состояний.

Философская программа Серла разворачивается как последовательное преодоление детерминистской трактовки классической рациональности, сводящей разумное действие к линейному выводу из убеждений и желаний по формальным правилам. Серл вскрывает принципиальное расхождение между математизированными теориями принятия решений и живой тканью практического выбора. Человеческий поступок не вытекает механически из

¹⁹⁴ Фирсов, М. И. Китайская комната и ее обитатели / М. И. Фирсов // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 8(60). – С. 99-101. – EDN WMGFXL.

¹⁹⁵ Смиренский, В. Б. Модели понимания в информационных системах / В. Б. Смиренский // Теория и практика общественно-научной информации. – 2014. – № 22. – С. 193-200. – EDN TFYZXD.

¹⁹⁶ Smith, B. John Searle: From Speech Acts to Social Reality / B. Smith // John Searle / ed. B. Smith. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 1–33. – (Contemporary Philosophy in Focus).

¹⁹⁷ Викторов, А. В. Феномен искусственного интеллекта в философской традиции / А. В. Викторов // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 7. – С. 117-120. – EDN CDWPHB.

предшествующих ментальных состояний – между основанием и его реализацией сохраняется онтологически значимый зазор, не поддающийся исчерпывающей формализации. Именно эту неустранимую дистанцию фиксирует центральная категория серлевской философии деятельности – Разрыв. Интенциональное состояние, сколь бы отчетливо оно ни было артикулировано, не обладает прямой каузальной силой, способной автоматически породить поведенческий акт. Формирование намерения и его актуализация суть разнородные модусы ментальной жизни, несводимые друг к другу процедурно¹⁹⁸. В пространстве этой неопределенности волевой импульс обретает онтологическую легитимность, без которой даже безупречно обоснованное решение остается лишь нереализованной возможностью.

Понятие деонтических сил у Джона Серла обозначает нормативные структуры, конституирующие институциональную реальность и задающие горизонт возможных действий. Данная архитектура обязательств образует онтологический интервал между причинными предпосылками и актом их реализации, фиксируемый категорией Разрыва. Свобода воли в этой конфигурации мыслится не как разрыв каузальных цепей, но как способность действовать в пределах указанного интервала, опираясь на обязательства, укорененные в коллективной интенциональности¹⁹⁹. Рациональная субъектность тем самым выходит за границы формализуемых моделей и раскрывается исключительно в горизонте социальной онтологии. Для постнеклассической гуманитаристики это означает, что нормативность, институциональность и историчность выступают не внешними ограничителями познания, но его имманентными онтологическими измерениями. Институциональные образования существуют не в силу физической данности, а на основе интересубъективного признания, наделяющего материальные

¹⁹⁸ Flynn, M. B. A Realer Institutional Reality: Deepening Searle's (De)Ontology of Civilization / M. B. Flynn // International Journal of Philosophical Studies. – 2012. – Vol. 20, iss. 1. – P. 43–67. – DOI: 10.1080/09672559.2011.629673.

¹⁹⁹ Разин, А. В. Мораль и мозг. Идеальное и рациональное / А. В. Разин // Человек. – 2017. – № 2. – С. 33-46. – EDN YJYLLZ.

элементы статусными функциями²⁰⁰. Язык в этой архитектуре функционирует как первичная институция, порождающая социальные реальности через декларативные речевые акты, создающие новые онтологические состояния. Социальная реальность предстает иерархией нормативных уровней, где языковая практика трансформируется из средства коммуникации в механизм учреждения самих социальных фактов²⁰¹.

Джон Серл утверждает зависимость объективного статуса научных конструкторов от институциональных конвенций, определяющих условия легитимности научного суждения²⁰². Нормативные соглашения в данной архитектуре выполняют функцию конститутивного основания познавательной строгости, а не эпистемологического искажения. Механизм порождения социальной реальности раскрывается через статус-функции, опирающиеся на коллективное признание и формализуемые как наделение элемента X новым статусом Y в заданном контексте. Анализ направленности соответствия дифференцирует дескриптивные, нормативные и декларативные модусы языка, где декларативные акты одновременно фиксируют и учреждают институциональные факты²⁰³. Подобная конфигурация объясняет способность дискурса конструировать сложные социальные образования без обращения к материальному субстрату, трансформируя язык из средства коммуникации в первичную институцию, генерирующую онтологическую реальность исключительно силой конвенционального акта²⁰⁴.

Философская программа Джона Серла трактует сознание как высший биологический феномен, чья онтологическая специфика раскрывается через три

²⁰⁰ Никоненко, С. В. Интенциональность: американская точка зрения / С. В. Никоненко // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2017. – Т. 6, № 1(11). – С. 9-44. – DOI 10.21638/2226-5260-2017-6-1-9-44. – EDN YYYMPP.

²⁰¹ Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.

²⁰² Чимитова, И. З. Приоритетные проблемы исследований Дж. Серла / И. З. Чимитова // Научный аспект. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 1927-1935. – EDN BXPGR1.

²⁰³ Серл, Дж.Р. Философия языка : пер. с англ. / Дж.Р. Серл. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с. – ISBN 5-354-00593-0.

²⁰⁴ Разин, А. В. Свобода и необходимость / А. В. Разин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2015. – № 2. – С. 9-15. – EDN TVSRDB.

неразделимых измерения. Качественная определенность переживаний, субъективная данность феноменов и их структурная целостность образуют единую архитектуру, где каждый компонент логически предполагает наличие остальных. Разработанная им доктрина биологического натурализма утверждает каузальную зависимость ментальных состояний от нейрофизиологических процессов при сохранении их принципиальной онтологической несводимости. Данная позиция последовательно дистанцируется от картезианского дуализма, постулирующего субстанциальную автономию разума, и от редукционистского материализма, элиминирующего феноменологическую реальность в пользу физических описаний. Сознательные акты, будучи порождены нейронной активностью, не поглощаются ею полностью, поскольку реализуют онтологию первого лица, исключаящую стороннее наблюдение без утраты самого предмета исследования.

Позиция Джона Серла утверждает, что нейрофизиологические механизмы выступают необходимым условием реализации сознания, а не его субститутотом или редуцирующей средой. Биологический субстрат обеспечивает возникновение ментальных состояний, однако не исчерпывает их качественной специфики и не устраняет принципиальную несводимость к физическим описаниям. Указанное разграничение формирует концептуальный фундамент постнеклассической гуманитаристики. Признание биологической обусловленности разума исключает редукционистские импликации, открывая пространство для строгого анализа социальных и психических феноменов в рамках их собственной онтологической автономии. Биологический натурализм Серла становится попыткой преодолеть традиционные антагонизмы между материализмом и дуализмом, предлагая модель, где сознание признается естественным продуктом биологической реальности, одновременно сохраняющим свою онтологическую уникальность.

Философская система Дж. Серла конституируется как систематическая критика редукционистских парадигм, стремящихся свести ментальное к физикалистским, формалистским или функционалистским основаниям. Данная программа бросает вызов как картезианскому дуализму, так и материалистическим редукционистским моделям, аргументируя онтологическую нередуцируемость

сознания, лингвистической интенциональности и социальной реальности к нейробиологическим процессам или алгоритмическим операциям.

Биологический натурализм Серла преодолевает дихотомию объективного физического мира и субъективного сознания: сознание постулируется как эмерджентное, каузально редуцируемое, но онтологически нередуцируемое свойство биологического субстрата мозга. Критика вычислительных парадигм фундируется тезисом о нередуцируемости семантики к синтаксису: формальные манипуляции символами, лишённые биологически обусловленной интенциональности, не порождают подлинного смысла, а симуляция когнитивных процессов не эквивалентна реализации сознания.

Методологическая значимость серлевского синтеза для постнеклассической науки в гуманитарном знании состоит в интеграции биологического, феноменологического и социального уровней анализа в единую концептуальную архитектуру²⁰⁵. Сознание, язык и институты трактуются как взаимозависимые онтологические регистры, не сводимые друг к другу, а биологический натурализм выступает метатеоретическим основанием для снятия антиномий между субъективностью и объективностью, каузальностью и нормативностью, биологической детерминацией и культурной конвенцией. Субъективный опыт, интенциональность и институциональные структуры признаются неэлиминируемыми компонентами комплексной онтологии – что и формирует методологический фундамент постнеклассической парадигмы гуманитарного познания.

Философия Дж. Серла замыкает тем самым систему пяти диалектических противоречий, последовательно разворачиваемую на протяжении обеих глав. Третье противоречие – между синтаксисом и семантикой, укоренённой в интенциональности сознания – снимается через тезис о нередуцируемости смысла к формальным операциям и биологическом натурализме как онтологическом

²⁰⁵ Москвитин, В. А. Синтез философских традиций в осмыслении постнеклассической науки / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2025. – № 12. – С. 231-252. – DOI 10.25136/2409-8728.2025.12.76633. – EDN XTSQHK.

основании языковой деятельности. Пятое концептуальное противоречие между вычислительным редукционизмом и воплощенной интенциональностью находит позитивное разрешение в биологическом натурализме Джона Серла. Ментальные состояния каузально обусловлены нейробиологическими процессами, однако онтологически несводимы к физикалистским или алгоритмическим описаниям. Данная дистинкция упраздняет традиционную оппозицию материального субстрата и субъективного переживания. Гуманитарные дисциплины обретают эпистемологическую автономию, поскольку их предмет конституируется измерениями опыта, принципиально недоступными формальному моделированию.

Философия Серла подтверждает три положения. Четвертое положение подкрепляется независимым от Дрейфуса аналитическим аргументом: синтаксис лишен каузальной силы для порождения семантики – конвергенция феноменологического и аналитического типов аргументации к одному выводу существенно усиливает его. Второе положение завершается: теория речевых актов описывает конкретный механизм языкового конституирования реальности через иллокутивные акты и статус-функции, замыкая движение от хайдеггеровского диагноза через деконструкцию к позитивному описанию. Пятое положение – о критериях легитимности постнеклассической гуманитарной науки – получает через разграничение онтологической субъективности и эпистемической объективности свое прямое обоснование: постнеклассическая гуманитарная наука производит эпистемически объективные суждения об онтологически субъективной реальности, и именно эта согласованность онтологических, эпистемологических и языковых предпосылок образует специфический критерий ее легитимности.

Выводы по второй главе

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Вторая глава настоящего диссертационного исследования была посвящена анализу ключевых эпистемологических стратегий, определяющих становление

постнеклассической научной парадигмы в сфере гуманитарного знания. Если первая глава выявила онтологические и феноменологические предпосылки становления постнеклассической науки в гуманитарном знании, то вторая глава продемонстрировала, каким образом этот процесс отражается и реализуется на уровне методологии, языка и структуры научного дискурса, предлагая альтернативные пути преодоления методологического монизма в рамках постнеклассической науки в гуманитарном знании.

Автор осознает методологические напряжения между феноменологией, деконструкцией и аналитической философией. Однако в рамках данной работы они используются не как конкурирующие онтологии, а как комплементарные эпистемологические инструменты. Феноменология вскрывает основания опыта, деконструкция критикует языковые фиксации, а социальная онтология (Серл) обеспечивает конструктив. Их синтез возможен на уровне функциональной задачи: обоснования легитимности гуманитарного знания в постнеклассическую эпоху.

Обращение к философии Пола Фейерабенда позволило обосновать принципиальную несостоятельность представления о едином и универсальном научном методе как единственной критерии научности. На основе историко-научного материала было показано, что реальное развитие познания всегда сопровождалось конкуренцией различных, зачастую несоизмеримых подходов, нарушением формальных методологических норм и продуктивным сосуществованием разнородных форм рациональности. Тем самым было подтверждено, что для постнеклассической гуманитарной науки методологический плюрализм не является недостатком, а отражает сущностную особенность ее предмета – человека, культуры, языка, социальности, – который принципиально не может быть исчерпан одной формализуемой процедурой. Критика Фейерабенда подрывает претензии естественнонаучного эталона на монополию и открывает пространство для признания гуманитарного знания как полноправной формы научной рациональности.

Отказ от модели познания как «зеркального» отражения готовой реальности составляет одно из концептуальных требований, предъявляемых к

постнеклассической парадигме гуманитарного познания: предмет исследования и собственный дискурс, посредством которого он конституируется, оказываются неразрывно связаны, взаимно обуславливая друг друга в самом акте познания. Критическая работа с языком при этом перестает быть внешним, вспомогательным элементом научной практики и становится ее имманентным измерением – условием, без которого рефлексивность данного типа научности утрачивает свою концептуальную состоятельность.

Наконец, философия Джона Серла предоставила возможность для позитивной реконструкции идеи объективности и рациональности в условиях признанной исторической, языковой и социальной обусловленности знания. Проведенное Серлом различие между онтологической субъективностью (например, переживанием) и эпистемической объективностью (истинностью высказывания) показало, что утверждения о субъективных состояниях и социальных феноменах могут быть объективно истинными или ложными. Его теория речевых актов и статус-функций раскрыла механизм конституирования социальной реальности: институты, нормы, деньги и другие социальные факты существуют как особый тип реальности, возникающий на основе коллективных соглашений и языковых практик. Признание того, что объект гуманитарного исследования существует внутри исторических и дискурсивных условий, не влечет за собой отказа от претензии на производство объективного, аргументированного знания о нем – и именно это совмещение составляет один из концептуальных узлов постнеклассической науки в гуманитарном знании. Дж. Серл задает теоретические рамки, в которых критика универсализма и признание институциональной обусловленности познания оказываются совместимы с сохранением идеи истины и рационального диалога: онтологическая субъективность объекта не исключает эпистемической объективности суждений о нем, а историчность знания не упраздняет различия между обоснованным утверждением и произвольной конструкцией.

Проведенный анализ также показал, что обращение к деконструкции в качестве эпистемологической стратегии требует разграничения между

деконструкцией как событием смысла (в дерридианском смысле) и ее инструментальным применением в качестве аналитической оптики; в настоящей работе использован именно второй модус, что позволило сохранить критическую рефлексивность без нарушения внутренней логики постнеклассической парадигмы.

Таким образом, вторая глава в целом показала, что постнеклассическая гуманитарная наука формируется как пространство, где методологический монизм уступает место ответственному плюрализму (Фейерабенд), претензия на нейтральный язык описания заменяется признанием текстуальной природы знания (Деррида), а признание исторической и социальной обусловленности познания не ведет к релятивизму благодаря возможности эпистемической объективности и реалистичной онтологии социальных фактов (Серл). В совокупности рассмотренные эпистемологические стратегии – методологический плюрализм Фейерабенда, деконструкция Деррида и социальная онтология Серла – обеспечивают целостное философское обоснование легитимности постнеклассической науки в гуманитарном знании, демонстрируя, что ее научность определяется не соответствием естественнонаучному идеалу, а согласованностью ее методов с языковой, исторической и intersubjective природой ее предмета.

Сопоставление результатов обеих глав выявляет внутреннюю целостность исследовательского замысла. Первая глава раскрыла онтологические и феноменологические основания кризиса: разрыв между формальной объективностью и жизненным миром, превращение техники в «Постав», редукцию языка до инструментальной функции и ограниченность натуралистической программы. Вторая глава продемонстрировала, как этот кризис закономерно отражается и преодолевается на уровне эпистемологии и методологии.

Следовательно, первая глава раскрывает онтологическую карту кризиса и очерчивает контуры новой парадигмы, а вторая глава описывает конкретные эпистемологические стратегии и языковые практики, которые делают эту парадигму осуществимой. Вместе они подтверждают центральную гипотезу работы: кризис современной рациональности порожден системой имманентных

противоречий, а постнеклассическая гуманитарная наука представляет собой форму их диалектического разрешения, предполагающую укоренение научного и технического творчества в жизненном мире, языке, историчности и воплощенном человеческом сознании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило осуществить комплексный философский анализ оснований постнеклассической науки в ее гуманитарном измерении, выявить структуру кризиса классической модели научной рациональности применительно к гуманитарному познанию и обосновать возможность иной – плюралистической и рефлексивной – модели рациональности. В ходе работы была реконструирована совокупность онтологических, эпистемологических и языковых трансформаций, конституирующих постнеклассическую гуманитарную науку. Показано, что в горизонте данной парадигмы наука и технология обретают статус не только инструментально-операциональных практик, но и форм познания, укорененных в жизненном мире, историчности и интенциональной структуре сознания, что позволяет преодолеть ограниченность классического объективирующего подхода.

Проведенный анализ позволяет сформулировать позитивное содержание постнеклассической науки в гуманитарном знании – не через противопоставление классической парадигме, но через три конститутивные характеристики, отличающие ее как особый тип рациональности. Первая – рефлексивность: постнеклассическая гуманитарная наука включает условия собственного производства – субъекта, институт, язык, историческую ситуацию – в предмет анализа, а не выносит их за скобки во имя мнимой нейтральности. Вторая – конститутивность интерпретации: объект гуманитарного исследования не предшествует акту понимания как готовая данность, доступная нейтральной регистрации, но конституируется в самом акте понимания, что делает интерпретацию не вспомогательной процедурой, а онтологическим условием существования предмета как научного. Третья – нормативная открытость: критерий научности в данной парадигме определяется не соответствием внешнему эталону – будь то математизированная объективность или формальная верифицируемость, – но согласованностью метода с онтологической структурой самого предмета, который по своей природе историчен, языково опосредован и

интерсубъективно конституирован. Именно эти три характеристики в совокупности отличают постнеклассическую гуманитарную науку как от натуралистического редукционизма, так и от произвольного текстопроизводства, лишенного нормативного измерения.

Объектом исследования выступила постнеклассическая наука в ее гуманитарном измерении как динамическая система эпистемологических практик, методологических стратегий и теоретических концепций. Предметом исследования стало философское обоснование этой парадигмы через анализ ее онтологических предпосылок, эпистемологических стратегий, языковых структур и критериев научности. Цель исследования – философский анализ оснований постнеклассической науки в гуманитарной сфере и обоснование ее легитимности как особой формы научности – была достигнута через поэтапное решение поставленных задач, затрагивающих как феноменологию и онтологию, так и деконструкцию, аналитику сознания и социальную онтологию.

Первая глава была посвящена философским основаниям постнеклассической науки в гуманитарном знании. В анализе феноменологии Э. Гуссерля выявлено, что кризис европейских наук коренится в разрыве между жизненным миром и миром научных абстракций: исключение субъекта, его телесности и интенциональности из пространства научного дискурса оборачивается потерей самого онтологического фундамента знания. Показано, что интенциональность и жизненный мир (*Lebenswelt*) выступают не побочными, а конститутивными условиями научности гуманитарного знания, в котором смысл, историчность и интерсубъективность обладают статусом объективных характеристик исследуемой реальности.

В философии М. Хайдеггера исследована онтологическая структура современной технологии через понятие «Постава» как исторически обусловленного способа раскрытия бытия, при котором все сущее редуцируется к статусу «готового запаса». Показано, что «Постав» затрагивает не только отношение человека к природе, но и структуру языка: «дом бытия» трансформируется в «языковую машину», обслуживающую логику расчета,

оптимизации и управления. Тем самым современная техно-научная рациональность обнаруживает собственную онтологическую ограниченность: то, что призвано раскрывать бытие, становится механизмом его сокрытия и нивелирования событийной глубины.

Обращение к феноменологически ориентированной критике символического искусственного интеллекта у Х. Дрейфуса позволило показать несостоятельность редукции интеллекта к набору формальных процедур манипуляции символами. Акцент на воплощенности, фоновом знании и ситуативной укорененности человеческого понимания выявил непреодолимый разрыв между живой интенциональной сознательностью и вычислительными моделями. Тем самым было концептуально обосновано, что попытка полного подчинения познания вычислительной логике ведет не к совершенствованию рациональности, а к ее кризису, поскольку стирает специфику тех феноменов, которые составляют предмет гуманитарного знания.

Анализ системного материализма и метанаучного проекта М. Бунге продемонстрировал важность и вместе с тем пределы натуралистической попытки встроить философию в корпус позитивной науки. С одной стороны, системный материализм ценен своей установкой, приверженностью строгому понятийному аппарату и эмерджентистской моделью реальности. С другой – показано, что исключение трансцендентально-феноменологической, аксиологической и герменевтической проблематики превращает этот проект в редукционистский, неспособный адекватно описать онтологическую и смысловую специфику гуманитарного знания, в котором язык, историчность и интерпретация не устранимы как «шумы», а задают саму ткань исследуемой реальности.

Во второй главе исследованы эпистемологические стратегии, формирующие постнеклассическое гуманитарное знание. В философии П. Фейерабенда реконструирована критика методологического монизма и универсализма научного метода. Обосновано, что историческая динамика науки демонстрирует успешность именно методологического плюрализма, в котором несоизмеримые подходы и конкурирующие традиции оказываются не помехой, а условием развития знания.

Тем самым легитимируется постнеклассическое понимание научности в гуманитарной сфере как внутренне плюралистической и неизбежно интерпретативной, включающей в себя также вненаучные формы опыта (искусство, миф, традицию).

Деконструктивная стратегия Ж. Деррида позволила вскрыть скрытые предпосылки и иерархические бинарности, структурирующие классический научный дискурс: оппозиции объективности и субъективности, факта и интерпретации, присутствия и следа. Показано, что научные понятия функционируют как текстуальные конструкции, в которых смысл никогда не является окончательно данным, а конституируется в игре различий и отсрочек. Для гуманитарных наук это означает необходимость постоянной рефлексии над собственными языковыми средствами и признание того, что язык не просто репрезентирует готовую реальность, а активно участвует в ее конституировании. Тем самым деконструкция выступает не как разрушение научности, а как радикализация ее рефлексивности и этической ответственности за исключенные и маргинализированные смыслы.

В философии Дж. Серла были проанализированы онтологические и эпистемологические основания сознания, языка и науки. Концепция биологического натурализма позволила совместить признание биологической основы сознания с утверждением его онтологической несводимости к физикализму и вычислительным моделям. Теория речевых актов и статус-функций продемонстрировала, что социальная реальность (институты, нормы, роли, деньги, права) конституируется через коллективные интенциональные акты и языковые практики. Это позволило уточнить статус гуманитарного знания как знания об особом типе объектов – социальных фактах, чье существование «объективно», но не независимо от языка и институтов. Таким образом, постнеклассическая гуманитарная наука получает онтологическое обоснование: ее предмет – не менее реален, чем предмет естествознания, но иного, языково-институционального типа.

Ключевым теоретическим результатом исследования стала разработка модели философского синтеза, обеспечивающего целостность постнеклассической

парадигмы. В ходе работы было показано, что соединение феноменологической, аналитической и постструктуралистской традиций возможно не на уровне эклектического суммирования тезисов, но через принцип функциональной комплементарности. Феноменология (Гуссерль, Хайдеггер, Дрейфус) выполняет в этой модели функцию онтологического заземления, возвращая науке забытый «жизненный мир» и воплощенность субъекта. Постструктурализм (Фейерабенд, Деррида) выступает как критический инструмент, предотвращающий застывание методов в новые догмы через деконструкцию логоцентризма и обоснование плюрализма. Аналитическая философия (Серл) обеспечивает конструктивный каркас, предоставляя критерии эпистемической объективности для социально конструируемых реалий. Механизмом объединения этих традиций выступает диалектическое «снятие» (*Aufhebung*) имманентных противоречий классической науки.

Центральным конструктивным элементом исследования выступает диалектическая модель становления постнеклассической гуманитарной науки, интерпретирующая смену типов рациональности не как внешнюю типологическую классификацию, а как имманентное развертывание внутренних напряжений самой научной практики. Механизм снятия функционирует как трехступенчатый процесс: сохраняется нормативная строгость классической науки (логический контроль, процедура верификации), отбрасывается ее онтологическая наивность (претензия на внеисторическую, субстанциальную объективность), и осуществляется возвышение к уровню рефлексивности, в котором субъект, языковая опосредованность и историчность включаются в структуру самого знания как легитимные объекты анализа. Пять выявленных антиномий (объективность и жизненный мир; техника и событийность бытия; синтаксис и семантика; универсализм и историчность; вычислительный редукционизм и воплощенная интенциональность) не элиминируются, а трансформируются в движущие силы познавательного развития.

Данная модель обеспечивает концептуальный баланс между требованием эпистемической строгости и признанием конститутивной роли контекста,

исключая как догматический монизм, так и релятивистскую фрагментацию научного дискурса.

Противоречия между объективностью и жизненным миром, универсализмом и историчностью, синтаксисом и смыслом не устраняются, а продуктивно используются как двигатель развития рациональности. Постнеклассическая наука удерживает баланс: она сохраняет нормативную строгость (через аналитическую традицию), но отказывается от онтологической наивности (через феноменологию), переходя к уровню рефлексивности, где субъект, язык и историчность становятся легитимными объектами анализа. Таким образом, синтез трех традиций создает устойчивую концептуальную конструкцию, позволяющую обосновать легитимность гуманитарного знания без редукции к стандартам естествознания и без скатывания в релятивизм.

Синтез проделанного анализа позволил подтвердить центральную научную гипотезу диссертационного исследования. Было показано, что становление постнеклассической науки в гуманитарном знании обусловлено не совокупностью случайных трудностей, а динамическим развертыванием системы имманентных онтологических и эпистемологических противоречий:

- 1) между формализованной объективностью и допредикативной данностью жизненного мира;
- 2) между инструментальной логикой технологии и событийной природой бытия;
- 3) между редукцией языка к синтаксису и его изначальной семантической целостностью;
- 4) между притязанием на универсализм и фактической историко-культурной обусловленностью науки;
- 5) между вычислительным редукционизмом и воплощенной, интенциональной структурой сознания.

Показано, что постнеклассическая гуманитарная парадигма не только фиксирует эти противоречия, но и предлагает пути их диалектического разрешения через восстановление связи науки и технологии с жизненным миром, признание

историчности и языковой опосредованности знания, а также утверждение критического плюрализма как нового стандарта рациональности.

Проведенное исследование позволяет подтвердить и конкретизировать основные положения, выносимые на защиту:

1) Становление постнеклассической науки в гуманитарном знании характеризуется преодолением системных, имманентных противоречий классической модели научной рациональности, связанных с исторически сложившимися способами онтологической и эпистемологической организации научного знания. Показано, что данная проблематика наиболее рельефно проявляется в гуманитарных науках, где применение классических моделей объективности приводит к напряжению между формализованными методами и спецификой гуманитарного предмета – смыслом, intersубъективностью, языковой опосредованностью и историчностью, что и обуславливает необходимость постнеклассического переосмысления оснований гуманитарного познания. Данное положение подтверждается анализом феноменологии Э. Гуссерля, выявившим разрыв между жизненным миром и миром научных абстракций, а также критикой натуралистической программы М. Бунге, обнаружившей ее принципиальную неспособность адекватно описать смысловую и историческую специфику гуманитарного объекта.

2) Язык в структуре научной рациональности выполняет не только инструментальную, но и конститутивную функцию, определяя способы концептуализации реальности и формы научного понимания. Обосновано, что трансформация языка в условиях технологизации научного знания оказывает принципиальное влияние на характер рациональности и выступает одним из ключевых факторов, обуславливающих переход от классической к постнеклассической модели гуманитарного знания, в которой языку возвращается его онтологический статус пространства смыслопорождения и конституирования социальной реальности. Это положение получило обоснование через анализ хайдеггеровской трансформации языка от «дома бытия» к «языковой машине», деконструктивной стратегии Деррида, вскрывшей текстуальную природу научных

понятий, и теории речевых актов Серла, показавшей, как язык через иллокутивные акты и статус-функции конституирует социальную реальность.

3) Философский анализ постнеклассической науки выявляет ограниченность универсалистских и монистических моделей научного знания и демонстрирует историческую, культурную и языковую обусловленность научной рациональности. Показано, что осмысление этих ограничений в рамках философии науки позволяет интерпретировать эпистемологический плюрализм не как отказ от научности, а как форму ее исторического развития, легитимирующую множественность познавательных стратегий в постнеклассической гуманитарной парадигме. Подтверждение данного положения обеспечивается реконструкцией философии Фейерабенда, показавшего на историческом материале, что реальное развитие науки происходило именно через нарушение единых методологических предписаний, а также деконструкцией Деррида, обнажившей логоцентрические основания претензий классической науки на универсальность.

4) Интеллект и сознание не могут быть адекватно описаны в рамках редукционистских вычислительных и символических моделей без учета воплощенности, фонового знания, ситуативной укорененности и историчности субъекта. Обосновано, что данные характеристики являются конститутивными условиями человеческого познания и имеют принципиальное значение для философского обоснования постнеклассической науки в ее гуманитарном измерении, поскольку именно они задают специфику предмета гуманитарного исследования. Положение подтверждается детальным анализом критики символического искусственного интеллекта у Дрейфуса, опирающейся на феноменологию Хайдеггера, и Мерло-Понти: провалы символического ИИ в моделировании реальных ситуаций служат эмпирическим аргументом в пользу принципиальной неалгоритмизуемости живого понимания, а концепция биологического натурализма Серла дополнительно обосновывает онтологическую несводимость сознания к вычислительным процессам.

5) Постнеклассическая гуманитарная наука представляет собой особый тип научной рациональности, легитимность которого определяется согласованностью

онтологических, эпистемологических и языковых предпосылок научного знания, а не воспроизведением критериев классической естественнонаучной модели. Обосновано, что данная форма рациональности позволяет выработать методологию, адекватную исследованию социально конструируемой, исторически изменчивой и языково-опосредованной реальности гуманитарного знания. Синтез результатов обеих глав показывает, что онтологические предпосылки, раскрытые через феноменологию и хайдеггеровскую онтологию, и эпистемологические стратегии, выработанные Фейерабендом, Деррида и Серлом, образуют взаимосогласованную систему, в которой постнеклассическая гуманитарная наука предстает не как маргинальное дополнение к «настоящей» науке, а как равноправная и необходимая форма научности – без которой невозможно ни ответственное использование технологий, ни сохранение человеческого измерения в мире, все более подчиняемом логике расчета и эксплуатации.

В совокупности анализируемые философские программы (Гуссерль, Хайдеггер, Дрейфус, Бунге, Фейерабенд, Деррида, Серл) демонстрируют, что путь философского обоснования постнеклассической науки в гуманитарном знании состоит не в отказе от науки и технологии, а в их философском самопонимании и включении в более широкий онтологический и герменевтический горизонт.

Таким образом, результаты исследования подтверждают выдвинутую в начале работы гипотезу: становление постнеклассической науки в гуманитарном знании порождено развертыванием системы внутренних противоречий классической модели научной рациональности, а постнеклассическая парадигма гуманитарного знания является формой их диалектического разрешения, в которой объединяются строгие формы рациональности и признание нередуцируемости жизненного мира, субъективности, историчности и языка.

Перспективы дальнейших исследований предполагают развертывание исследования в нескольких взаимосвязанных направлениях. Прежде всего, это философская герменевтика цифровой культуры, нацеленная на анализ трансформации языка, сознания и социальности в условиях алгоритмического управления и тотальной цифровизации, включая критику цифровой манипуляции

смыслом. Вторым перспективным направлением выступает онтология данных, призванная преодолеть технократическое понимание информации и раскрыть ее связь с властью, контролем и конституированием реальности. Важнейшей задачей остается формирование этических рамок для биоинженерии и нейротехнологий, основанных на защите человеческой субъективности и критическом отношении к трансгуманистическим проектам когнитивного усиления. Наконец, необходимым условием дальнейшего движения является углубление междисциплинарного синтеза философии с когнитивными науками, лингвистикой и искусством, что позволит создать целостную картину человеческого разума, не сводимого к логике вычисления и сохраняющего измерения свободы, творчества и ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдошин, Г. В. Осмысление роли техники в философии Мартина Хайдеггера / Г. В. Авдошин, Л. Ф. Галяутдинова // Наука и перспективы. – 2019. – № 4. – С. 48-53. – EDN YFLNYR.
2. Авенариус, Р. Человеческое понятие о мире: пер. с нем. / Р. Авенариус. – Москва: ЛКИ, 2020. – 94 с. – ISBN 978-5-382-01995-6.
3. Агабекова, У. Р. Жак Деррида как основатель теории деконструктивизма / У. Р. Агабекова // Балканское научное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 5-7. – EDN YUCAMH.
4. Ажимов, Ф. Е. «Архив» деконструкции Жака Деррида / Ф. Е. Ажимов // Культурология. – 2009. – № 1(48). – С. 136-144. – EDN KAQAGH.
5. Акчурин, И. А. Единство естественно-научного знания / АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Наука, 1974. – 206 с.
6. Аналитическая философия: становление и развитие : антология / общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова; пер. с англ., нем. – Москва : Дом интеллектуал. кн. (ДИК); Прогресс-традиция, 2000. – 527 с. – ISBN 5-7333-0009-4.
7. Аристотель Метафизика :/ Аристотель. – Москва : АСТ, 2019. – 448 с. – ISBN 978-5-17-114525-5.
8. Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В. И. Аршинов. – Москва : ИФРАН, 2025. – 204 с. – ISBN 978-5-458-66042-6.
9. Астахов, С. Феноменология против символического искусственного интеллекта: философия научения Хьюберта Дрейфуса / С. Астахов // Логос. – 2020. – Т. 30, № 2(135). – С. 157-193. – DOI 10.22394/0869-5377-2020-2-157-190. – EDN NCHYUMV.
10. Байдлаева, А. К. Власть и язык: теория создания социальных институтов / А. К. Байдлаева // Journal of Philosophy Culture and Political Science. – 2016. – Т. 57, № 3. – С. 41–46. – URL: <https://bulletin-philospolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/280> (дата обращения: 12.01.2026).

11. Баксанский, О. Е. Философия современного образования и эпистемологический анархизм П. Фейерабенда / О. Е. Баксанский // Коллекция гуманитарных исследований. – 2017. – № 1(4). – С. 16-23. – EDN YIPBDD.
12. Бакуменко, Г. В. Эпистемологический фронтир в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда / Г. В. Бакуменко // Философская мысль. – 2024. – № 11. – С. 1-11. – DOI 10.25136/2409-8728.2024.11.72190. – EDN ESOXYE.
13. Балахонский, В. В. Методология П. Фейерабенда и проблемы научного познания / В. В. Балахонский, Л. В. Балахонская, Ю. В. Береснева // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 59-3. – С. 52-55. – DOI 10.18411/lj-03-2020-49. – EDN BOBQYU.
14. Белянин, М. Н. Джон Серл и "трудная проблема сознания" / М. Н. Белянин // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2011. – № 4. – С. 38-50. – EDN OKMLMZ.
15. Беньямин, Вальтер Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Вальтер Беньямин. – СПб : Симпозиум, 2004. – 480 с. – ISBN 5-89091-235-6.
16. Бибихин, В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. – Изд. 3-е, стер.. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 389 с. – (Слово о сущем). – ISBN 5-02-026832-1. – EDN QWPEOD.
17. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Философско-литературный журнал «Логос» : журнал / пер. с англ. С. Гавриленко под ред. А. Толстова. – 2002. – Т. 5, № 6. – С. 1–24. – ISSN 2499-9628.
18. Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996.- 176 с. ISBN: 5-7333-0428-6
19. Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В. Г. Буданов. – Москва : ЛКИ, 2009. – 240 с. – ISBN 978-5-382-00589-8.
20. Бунге, М. Интуиция и наука / Пер. с англ. Е. И. Пальского ; Ред. и послесл. канд. философ. наук В. Г. Виноградова. – Москва : Прогресс, 1967. – 187 с.

21. Бунге, М. Причинность: место принципа причинности в современной науке : пер. с англ. / Марио Бунге. – 2-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2010. – 512 с. – (Физико-математическое наследие : физика (философия физики)). – ISBN 978-5-354-01301-2.
22. Бунге, М. Философия физики / Марио Бунге ; пер. с англ. Ю. Б. Молчанова. – 2-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2010. – 320 с. – (Физико-математическое наследие : физика (астрономия)). – ISBN 978-5-354-01231-2.
23. Вавилов, А. Загадка «всегда уже» (утраченного следа феноменологии) в деконструкции Деррида / А. Вавилов // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 115-140. – DOI 10.21638/2226-5260-2023-12-1-115-140. – EDN ILDWMY.
24. Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев ; В. В. Васильев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2009. – ISBN 978-5-89826-316-0. – EDN QYAWUH.
25. Введенская, Е. В. Методологический анархизм П. Фейерабенда и демократизация науки: актуальные проблемы эпистемологии / Е. В. Введенская, О. Н. Гуров // Философия науки. – 2024. – № 3(102). – С. 62-82. – DOI 10.15372/PS20240305. – EDN JCYMWK.
26. Вдовина, А. В. Жак Деррида о двойственности философских текстов и этике деконструкции / А. В. Вдовина // Дискуссия. – 2012. – № 1. – С. 12-14. – EDN OOIVMZ.
27. Викторов, А. В. Феномен искусственного интеллекта в философской традиции / А. В. Викторов // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 7. – С. 117-120. – EDN CDWRHB.
28. Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
29. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками = Geschichte der neueren philosophie [Текст] : в 2 т. / В. Виндельбанд ; [пер. с нем. под ред. А. Введенского]. – Москва: Гиперборея, Кучково поле, 2007. – 21 см – (Канон философии).

30. Витгенштейн, Людвиг *Философские исследования* / Людвиг Витгенштейн. – Москва: АСТ, 2022. – 384 с. – ISBN 978-5-17-115096-9.
31. Гайденок, П. П. Постметафизическая философия как философия процесса / П. П. Гайденок // *Вопросы философии*. – 2005. – № 3. – С. 128-139. – EDN HSAVNF.
32. Галилей, Г. *Избранные труды: в 2 т.* / Г. Галилей. – М.: Наука, 1964. – 640 с
33. Гаман И. Г. «Крохи», «Метакритика пуризма чистого разума». В книге: И. Г. Гаман, Ф. Г. Якоби. *Философия чувства и веры*. Сост., вступ.ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч.: С. В. Волжин. – СПб., 2006. – 487 с. ISBN 5-86763-174-5.
34. Гегель, Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук. Том 1. Наука логики* / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : ЕЕ Медиа, 2025. – 452 с. – ISBN 978-5-458-29141-5.
35. Гильберт, Д. *Основания геометрии* / Д. Гильберт. – Москва : ЕЕ Медиа, 2025. – 184 с. – ISBN 978-5-458-27057-1.
36. Голуб, Н. Н. Вопросы методологии и проблемы научного знания в философии Пола Фейерабенда / Н. Н. Голуб // *Экономика и социум*. – 2016. – № 3(22). – С. 1545-1553. – EDN WDKKQN.
37. Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии* / Э. Гуссерль. – Калининград: БФУ им. И. Канта, 2024. – ISBN – 231 с. 978-5-9971-0893-9
38. Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология* / Э. Гуссерль. – СПб.: Владимир Даль, 2022. – 399 с. – ISBN 978-5-93615-292-4.
39. Гуссерль, Эдмунд *Логические исследования: [в 2 т.]* / Эдмунд Гуссерль; перевод с немецкого В. И. Молчанова, Э. А. Бернштейн. – Москва: Академический проект, 2024. – 1304 с.
40. Давыдов, И. А. *Анархистская методология Пола Фейерабенда в контексте дигитального перехода* / И. А. Давыдов // *Ценности и смыслы*. – 2022. – № 1(77). – С. 138-147. – DOI 10.24412/2071-6427-2022-1-138-147. – EDN AYIHSG.

41. Декарт, Р. Рассуждение о методе Р. Декарт. – Москва : АСТ, 2020. – 416 с. – ISBN 978-5-17-119354-6.
42. Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида. – СПб: Алетейя, 2017. – 208 с. – ISBN 978-5-91419-863-0.
43. Деррида, Ж. Диссеминация / Ж. Деррида ; пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 605 с. – (Philosophy). – ISBN 978-5-9757-0079-7.
44. Деррида, Ж. О грамматиологии / Ж. Деррида ; пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 511 с.; 22 см. – (Коллекция «Философия по краям» ; серия «1/16» : Философия : Универсальная библиотека). – ISBN 5-93321-011-0.
45. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; пер. В. Лапицкий. – Москва : Академический проект, 2007. – 495 с. – ISBN 978-5-8291-0895-3.
46. Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида ; пер. с фр. В. В. Бибихина. – М. : Академический Проект, 2007. – 160 с. – (Философские технологии). – ISBN 978-5-8291-0896-0.
47. Деррида, Ж. Поля философии / Ж. Деррида ; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М. : Академический Проект, 2012. – 376 с. – (Философские технологии). – ISBN 978-5-8291-1413-8.
48. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т.4: Герменевтика и теория литературы / Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова / Пер. с нем. под ред. В. В. Бибихина и Н. С. Плотникова. – Научное издание. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 400 экз. – ISBN 5-7333-0240-2.
49. Докучаев, И. И. Философия в эпоху господства естествознания: феноменологический идеализм и натуралистические редукции сознания аналитической философии / И. И. Докучаев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 26-33. – DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.2.002. – EDN HWKHSW.

50. Дрейфус, Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума / Х. Дрейфус. – Москва: URSS, 2010. – 340 с. – ISBN 978-5-397-01007-8.
51. Дьяков, А. В. Философия постструктурализма во Франции / А. В. Дьяков. – Нью-Йорк : Northern Cross Publishing, 2008. – 364 с. – ISBN 978-1-4357-4451-6. – EDN ULLJTT.
52. Ж. Деррида: концепция деконструкции и интердисциплинарная природа постструктуралистской мысли // Художественная культура. – 2017. – № 1(19). – С. 1. – EDN YUCDRZ.
53. Зайцева, Н. В. Хайдеггер о сущности технологии: Что такое Технология на самом деле? / Н. В. Зайцева, Г. О. Захаров, Н. А. Поливанов // Аллея науки. – 2022. – Т. 2, № 5(68). – С. 270-274. – EDN ZXVOID.
54. Зубкевич, Л. А. На пути к новому мировоззрению. Феноменологическая и экзистенциальная ревизия рационализма в философии Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера / Л. А. Зубкевич, Т. А. Комарова // Философские дескрипты. – 2021. – № 24. – EDN XTEMHJ.
55. Ильенков, Э. В. Абстрактное и конкретное : собрание сочинений. Том 1 / Э. В. Ильенков. – Москва : Канон +, 2025. – 464 с. – ISBN 978-5-88373-579-9.
56. Ищенко, Н. И. Понятие «открытость» в аналитике Dasein Мартина Хайдеггера: проблема определения / Н. И. Ищенко // История философии. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 55-68. – DOI 10.21146/2074-5869-2020-25-2-55-68. – EDN VKAXOG.
57. Казанков, А. И. Есть ли жизнь после Фейерабенда : диалог об историческом методе / А. И. Казанков, О. Л. Лейбович // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 71-92. – DOI 10.17323/2587-8719-2020-3-71-92. – EDN HIGCNT.
58. Кант, Иммануил Критика чистого разума : с комментариями и иллюстрациями / Иммануил Кант. – Москва : АСТ, 2024. – 224 с. – ISBN 978-5-17-171228-0.

59. Карнап, Р. Философские основания физики. Введение в философию науки / Р. Карнап. – М. : Прогресс, 1971. – 390 с.
60. Касавин, И. Т. Миграция. Креативность. Текст: пробл. неклассич. теории познания / И.Т. Касавин; Рус. христиан. гуманит. ин-т, Ин-т философии РАН. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1999. – 407 с.– ISBN 5-87516-247-3.
61. Касавин, И. Т. Научное сообщество: в поисках внутренней и внешней свободы / И. Т. Касавин, О. Е. Столярова // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61, № 3. – С. 6-20. – DOI 10.5840/eps202461336. – EDN APTUGE.
62. Касавин, И. Т. Поль Фейерабенд в поисках «свободной теории познания» / И. Т. Касавин // Историко-философский ежегодник '86. – М., 1986. – С. 207–226.
63. Катречко, С. Л. Трансцендентальный анализ математики: абстрактная природа математического знания / С. Л. Катречко // Кантовский сборник. – 2015. – № 2(52). – С. 16-31. – EDN UKTXAR.
64. Киричек, А. В. Уроки Фейерабенда: ограниченность науки, значение ценностей и разнообразия / А. В. Киричек, Н. А. Ходикова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2024. – № 2(222). – С. 4-12. – DOI 10.18522/2687-0770-2024-2-4-12. – EDN WUDYEN.
65. Князева, Е. Н. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. (Историческая ретроспектива; синергетика как новая парадигма; диалог с И. Пригожиным; расширение антропного принципа; синергетика в контексте культуры; принципы синергетического мировидения) / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – Москва : Либроком, 2018. – 254 с. – (Синергетика: от прошлого к будущему). – ISBN 978-5-397-06215-2.
66. Ковалев, С. П. Аксиоматический метод в современной науке и технике: прагматические аспекты / С. П. Ковалев, А. В. Родин // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 47, № 1. – С. 153-169. – EDN VXBCTN.

67. Колесова, О. В. Наследие П. Фейерабенда: взгляд из цифровых реалий XXI века / О. В. Колесова // *Философская мысль*. – 2023. – № 9. – С. 38-53. – DOI 10.25136/2409-8728.2023.9.43649. – EDN ХТКВНА.

68. Коротышева Н. Н. Эмпириокритический «реализм» и «жизненный мир» Э. Гуссерля // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2025. № 83. С. 23–31. doi: 10.17223/1998863X/83/3

69. Косилова, Е. Борьба сомнения с созерцанием: к ситуации в современной философии математики / Е. Косилова // *Логос*. – 2023. – Т. 33, № 4(155). – С. 49-70. – DOI 10.22394/0869-5377-2023-4-48-69. – EDN FNHDFN.

70. Кун, Томас Структура научных революций / Томас Кун. – Москва : АСТ, 2015. – ISBN 978-5-17-059180-0.

71. Ладов, В. А. Критический анализ логико-эпистемологических оснований философии искусственного интеллекта Х. Дрейфуса / В. А. Ладов // *Гуманитарная информатика*. – 2013. – № 7. – С. 28-34. – EDN QCKPDD.

72. Лебедь, Е. С. Проблема техники и технологизации современных процессов сквозь призму методологии Мартина Хайдеггера / Е. С. Лебедь // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. – 2022. – Т. 22, № 6. – С. 102-108. – DOI 10.37482/2687-1505-V227. – EDN SNUJEN.

73. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – Москва : Либроком, 2023. – 256 с. – ISBN 978-5-9710-6071-0.

74. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар. – СПб : Алетейя, 2016. – 160 с. – ISBN 978-5-91419-864-7.

75. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – Москва: Азбука, 2022. – 864 с. – ISBN 978-5-389-20592-5.

76. Максвелл, Д. К. Статьи и речи: [Пер. с англ.] / [Сост. и коммент. У. И. Франкфурта]. – Москва: Наука, 1968. – 422 с.

77. Малых, А. Е. О развитии аксиоматического метода и его роли в построении математических теорий / А. Е. Малых // *Вестник Пермского*

университета. Математика. Механика. Информатика. – 2010. – № 2(2). – С. 104-111. – EDN MNLKPD.

78. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – Москва : АСТ, 2022. – 352 с. – ISBN 978-5-17-150088-7.

79. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – Москва : Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма "Наука", 1999. – 608 с. – ISBN 5-02-026807-0. – EDN QWJLFB.

80. Мигла, А. В. Пол Фейерабенд и его критика понятия прогресса / А. В. Мигла // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 22, № 4. – С. 212-214. – EDN MSNOVL.

81. Миронов, А. В. Техноэтика: прикладная философия устойчивого ноосферогенеза / А. В. Миронов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – Т. 7 (73), № 3. – С. 97-111. – DOI 10.37279/2413-1695-2021-7-3-97-111. – EDN XNSWCG.

82. Михайлов, И. А. Кантианская и антикантианская философия языка / И. А. Михайлов // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43, № 3. – С. 47-80. – DOI 10.5922/0207-6918-2024-3-4. – EDN VTUTCT.

83. Москвитин, В. А. Герменевтика техники и проблема языка в философии Хайдеггера / В. А. Москвитин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2025. – № 3. – С. 78-86. – DOI 10.37882/2500-3682.2025.03.08. – EDN EQJPYL.

84. Москвитин, В. А. За пределами алгоритмов: Философская критика Хьюберта Дрейфуса / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2025. – № 11. – С. 161-178. – DOI 10.25136/2409-8728.2025.11.74146. – EDN KOLIJV.

85. Москвитин, В. А. Методологический материализм Марио Бунге: системный подход к метафизике и науке / В. А. Москвитин // Семиотические исследования. – 2025. – Т. 5, № 3. – С. 24-33. – DOI 10.18287/2782-2966-2025-5-3-24-33. – EDN BORXPI.

86. Москвитин, В. А. Онтология информации как процесс становления: метастабильность, индивидуация и трансдукция в философии Жильбера Симондона / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2026. – Т. 19, № 1. – С. 160-165.
87. Москвитин, В. А. Отказ от метода. Пол Фейерабенд и плюрализм в науке / В. А. Москвитин // Проблемы современного образования. – 2025. – № 6. – С. 46-58.
88. Москвитин, В. А. Синтез философских традиций в осмыслении постнеклассической науки / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2025. – № 12. – С. 231-252. – DOI 10.25136/2409-8728.2025.12.76633. – EDN XTSQHK.
89. Москвитин, В. А. Феноменология Эдмунда Гуссерля: анализ интенциональности и структуры сознательного опыта / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 657-664. – DOI 10.30853/mns20240098. – EDN JNLHZA.
90. Москвитин, В. А. Философский анализ постнеклассической науки: от «технической установки» к «раскрывающей рациональности» / В. А. Москвитин // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 11(210). – С. 588-590.
91. Москвитин, В. А. Эпистемологический анархизм Фейерабенда в парадигме постнеклассической науки / В. А. Москвитин // Философская мысль. – 2026. – № 1. – С. 39-60. – DOI 10.25136/2409-8728.2026.1.77819. – EDN KGTVXK.
92. Москвитин, В. А. Язык, значение и реальность: от деконструкции Жака Деррида до теории речевых актов Джона Серла / В. А. Москвитин // Манускрипт. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 49-57. – DOI 10.30853/mns20250008. – EDN OZKUXV.
93. Мотрошилова, Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию / Н. В. Мотрошилова ; Российская академия наук, Институт философии. – Москва : Феноменология-Герменевтика, 2003. – 716 с. – (Феноменологическая серия). – ISBN 5-94478-006-1. – EDN QWFAUV.
94. Мотрошилова, Н. В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2007. – № 7. – С. 102-112. – EDN IAHZCR.

95. Мустафина, Д. И. Философия науки Пола Фейерабенда / Д. И. Мустафина, Р. Ю. Рахматуллин // Научный альманах. – 2015. – № 12-3(14). – С. 382-385. – DOI 10.17117/na.2015.12.03.382. – EDN VKMGGJ.
96. Нагль, Л. Цифровые технологии: размышления о различии между инструментальной рациональностью и практическим разумом / Л. Нагль // Кантовский сборник. – 2022. – Т. 41, № 1. – С. 60-88. – DOI 10.5922/0207-6918-2022-1-3. – EDN HSHBOF.
97. Нечаев С. Ю. КИТАЙСКАЯ КОМНАТА ДЖ. Р. СЕРЛЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 19-23. DOI: 10.18500/1819-7671-2010-10-4-19-23
98. Николис, Г. Познание сложного: Введение / Г. Николис, И. Пригожин ; пер. с англ. – 5-е изд. – Москва : URSS, 2025. – 352 с. – (Синергетика: от прошлого к будущему). – Парал. загл.: Exploring Complexity. – ISBN 978-5-9710-8944-5.
99. Никоненко, С. В. Аналитическая традиция в философии: теории, классики, школы / С. В. Никоненко. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2022. – 552 с. – ISBN 978-5-907505-89-6. – EDN DFIBEO.
100. Никоненко, С. В. Интенциональность: американская точка зрения / С. В. Никоненко // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2017. – Т. 6, № 1(11). – С. 9-44. – DOI 10.21638/2226-5260-2017-6-1-9-44. – EDN YYYMPP.
101. Ницше, Ф. В. По ту сторону добра и зла / Ф. В. Ницше ; пер. с нем. Ю. Антоновского, Е.А. Соколовой. – Москва : Азбука, 2024. – 544 с. – ISBN 978-5-389-05216-1.
102. Остин Д. Три способа пролить чернила философские работы / Джон Остин; [пер. с англ. В. Кирющенко]. – Санкт-Петербург : Алетейя, Санкт-Петербургский университет, 2006. – 333, [1] с.; 22. – (Профессорская библиотека); ISBN 5-89329-906-X, 5-288-04116-4.
103. Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.

104. Павленко, А. Н. Мартин Хайдеггер: сущность современной техники / А. Н. Павленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2003. – № 1. – С. 67-75. – EDN IYZKTT.
105. Павлов, И. И. Философия науки после Хайдеггера: взгляд Владимира Бибикина / И. И. Павлов // Отечественная философия. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 17-32. – DOI 10.21146/2949-3102-2024-2-3-17-32. – EDN AKSIXY.
106. Павлова, Д. А. К вопросу о гипостазировании языка у Мартина Хайдеггера / Д. А. Павлова, А. Г. Чебан // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 9(89). – С. 48-53. – DOI 10.24158/fik.2021.9.8. – EDN DEFDTJ.
107. Пак, Л. Е. Философия техники Мартина Хайдеггера / Л. Е. Пак // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 68-69. – EDN YRPBJD.
108. Паткуль, А. Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера / А. Б. Паткуль. – Санкт-Петербург : Наука, 2020. – 810 с. – ISBN 978-5-02-040333-8. – EDN GBZTFR.
109. Перминов, В. Я. Математика и реальность: гносеологические проблемы математизации знания / В. Я. Перминов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2014. – № 1. – С. 42-68. – EDN QCOINX.
110. Платон Диалоги / Платон ; пер. с древнегреч. В.Н. Карпова. – Москва : Азбука, 2024. – 448 с. – ISBN 978-5-389-09715-5.
111. Разин, А. В. Мораль и мозг. Идеальное и рациональное / А. В. Разин // Человек. – 2017. – № 2. – С. 33-46. – EDN YJYLLZ.
112. Разин, А. В. Свобода и необходимость / А. В. Разин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2015. – № 2. – С. 9-15. – EDN TVSRDB.
113. Резаев, А. В. Философия общения и искусственный интеллект: опыт сравнительного анализа дискуссий в Отечественной и зарубежной литературе / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61, № 2. – С. 134-156. – DOI 10.5840/eps202461230. – EDN KEPDPJ.
114. Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика : Московские лекции и интервью / П. Рикер ; Редакционная коллегия: В. С. Стёпин (главный редактор),

Н. С. Автономова, Н. В. Мотрошилова, А. М. Руткевич; Отв. редактор и автор послесловия И. С. Вдовина - (Российская Академия наук, Институт философии). – Москва : АО "КАМИ", 1995. – 161 с. – (Первые публикации в России). – ISBN 5-86187-045-4. – EDN SZRIAV.

115. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логич. введ. в ист. науки / Вступ. ст. Б. В. Маркова. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с. – (Слово о сущем). ISBN 5-02-028335-5

116. Седелева, А. О. Модерн и постмодерн как проекты европейской философии в работах Юргена Хабермаса и Жака Деррида / А. О. Седелева // Credo New. – 2022. – № 2(110). – EDN CQJXDN.

117. Седов, Ю. Г. Формирование идеи математической феноменологии в философии Эдмунда Гуссерля / Ю. Г. Седов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 4. – С. 541-549. – DOI 10.17072/2078-7898/2021-4-541-549. – EDN VJZFED.

118. Серл, Дж. Рациональность в действии / Дж. Серл; пер. А. Колодий, Е. Румянцева. - Москва: Прогресс-Традиция, 2004. - 336 с. - ISBN 5-89826-210-5.

119. Серл, Дж.Р. Философия языка : пер. с англ. / Дж.Р. Серл. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с. – ISBN 5-354-00593-0.

120. Смиренский, В. Б. Модели понимания в информационных системах / В. Б. Смиренский // Теория и практика общественно-научной информации. – 2014. – № 22. – С. 193-200. – EDN TFYZXD.

121. Смирнов, В. В. Ж. Деррида и Дж. Серль: деконструкция versus теория речевых актов / В. В. Смирнов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2013. – № 4. – С. 171-186. – EDN SAFCWR.

122. Смирнова, Н. М. Н. С. Автономова. Философский язык Жака Деррида / Н. М. Смирнова // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 181-186. – EDN QYUDKV.

123. Социальная философия науки. Идеи и дискуссии / И. Т. Касавин, А. Ю. Антоновский, А. А. Аргамакова [и др.]. – Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2018. – 254 с. –

(Библиотека журнала «Epistemology & Philosophy of Science»). – ISBN 978-5-6041212-7-6. – EDN YYOLPV.

124. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с. – ISBN 5-89826-053-6.

125. Стёпин, В. С. Философия и методология науки. Избранное / В. С. Стёпин. – Москва: Академический проект, 2015. – 716 с. – ISBN 978-5-904993-40-5

126. Тендрякова М. В. Разум и искусственный интеллект: взгляд культурного антрополога. Образовательная политика. 2024. № 3(99). С. 22-30. DOI: 10.22394/2078-838X-2024-3-22-30. EDN: FIJOIW.

127. Тухватулина, Л. А. Фейерабенд: апология нонконформиста / Л. А. Тухватулина // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61, № 3. – С. 212-220. – DOI 10.5840/eps202461351. – EDN JKAIBG.

128. Усовская, Э. А. Другой в постмодернистском концепте «дифферанс» Жака Деррида / Э. А. Усовская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 47. – С. 132-138. – DOI 10.17223/22220836/47/11. – EDN HHONAL.

129. Фауль, Б. В. Четырёхмерные теории существования объектов во времени / Б. В. Фауль // Философский журнал. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 185-199. – DOI 10.21146/2072-0726-2020-13-2-185-199. – EDN FJYUWD.

130. Федотова, В. Г. Модернизация и культура / В. Г. Федотова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2016. – 336 с. – ISBN 978-5-89826-452-9.

131. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд; пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского. – Москва: Прогресс, 1986. – 543 с.

132. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / Пол Фейерабенд ; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ, 2009. – 378 с. – ISBN 978-5-17-040288-5.

133. Фейерабенд, П. Против метода : очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд ; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – Москва : АСТ : Хранитель, 2007. – 413 с. – (Philosophy). – ISBN 978-5-17-041128-3.

134. Филатов, В. П. От объяснения к пониманию: важный сдвиг в философии науки / В. П. Филатов // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60, № 2. – С. 6-22. – DOI 10.5840/eps202360218. – EDN GHSDRU.

135. Фирсов, М. И. Китайская комната и ее обитатели / М. И. Фирсов // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 8(60). – С. 99-101. – EDN WMGFXL.

136. Фрейд, Зигмунд Введение в психоанализ / Зигмунд Фрейд ; пер. с нем. Г. А. Барышниковой. – Москва : Азбука, 2025. – 448 с. – ISBN 978-5-389-13277-1.

137. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; ред. В. Айрапетян; пер. В. В. Бибихин. – Москва: Академический Проект, 2015. – 460 с. – (Философские технологии). – ISBN 978-5-8291-1228-8.

138. Ханс-Георг Гадамер Истина и метод / Ханс-Георг Гадамер ; пер. с нем. В. С. Малахова, С. М. Шепета. – Москва : ЕЕ Медиа, 2025. – 704 с. – ISBN 978-5-458-34669-6.

139. Хворов, Ю. А. Об аксиоматике феноменологической теории линейных динамических систем / Ю. А. Хворов, Т. Н. Астафьева // Вестник Тувинского государственного университета. №3 Технические и физико-математические науки. – 2016. – № 3(30). – С. 171-177. – EDN XWOLSV.

140. Чекки, Д. Историческая реальность и политическая эстетика после Жака Дерриды и Бернара Стиглера / Д. Чекки // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2022. – № 3(11). – С. 4-15. – DOI 10.24923/2305-8757.2022-11.1. – EDN HCSJTF.

141. Чернавин, Г. Феноменологическое и постструктуралистское прочтение §§ 54-60 Бытия и времени / Г. Чернавин // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 159-172. – DOI 10.21638/2226-5260-2023-12-1-159-172. – EDN JKFEAP.

142. Чимитова, И. З. Приоритетные проблемы исследований Дж. Серла / И. З. Чимитова // Научный аспект. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 1927-1935. – EDN BXPGR1.

143. Чукин, С. Г. К вопросу об онтологическом и эпистемологическом статусе эмерджентных феноменов / С. Г. Чукин // Kant. – 2021. – № 4(41). – С. 218-226. – DOI 10.24923/2222-243X.2021-41.40. – EDN HDIFIB.

144. Шурунов, К. М. О предметном поле и генезисе концептов философии техники / К. М. Шурунов // Научное мнение. – 2022. – № 6. – С. 23-31. – DOI 10.25807/22224378_2022_6_23. – EDN MGVLEW.

145. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды = Selected works / Г. П. Щедровицкий ; ред.-сост. А. А. Пископпель, Л. П. Щедровицкий ; авт. вступ. ст. А. А. Пископпель. – Москва : Изд-во Шк. культ. политики, 1995. – XXXVII, 759 с. – ISBN 5-88969-001-9.

146. Щербаков, С. В. Традиция П. Фейерабенда / С. В. Щербаков // Державинский форум. – 2020. – Т. 4, № 13. – С. 52-58. – EDN BFPVYP.

147. Эдмунд Гуссерль. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») – 464 с.

148. Юлина, Н. С. Джон СЕРЛЬ. Открывая сознание заново. Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002, 240 с / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 186-190. – EDN ONYJXV.

149. Юм, Давид Природа человека / Давид Юм. – Москва : АСТ, 2023. – 320 с. – 978-5-17-149785-9

150. Babich, B. Reading Feyerabend between philosophy of science, hermeneutics - and God / B. Babich // Epistemology & Philosophy of Science. – 2024. – Vol. 61, No. 3. – P. 120-140. – DOI 10.5840/eps202461346. – EDN JWGLDM.

151. Barsegyan, H. Feyerabend's General Theory of Scientific Change / H. Barsegyan // Interpreting Feyerabend: Critical Essays / Ed. by K. Bschr, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 57–71.

152. Bilban, T. The phenomenological approach to quantum mechanics: a better understanding of contemporary philosophy of quantum mechanics by revisiting Bohr and Husserl / T. Bilban // Horizon. Studies in Phenomenology. – 2020. – Vol. 9, No. 1. – P. 216-234. – EDN ZKUACP.

153. Brown, M. J. *Against Expertise: A Lesson from Feyerabend's Science in a Free Society?* / M. J. Brown // *Interpreting Feyerabend: Critical Essays* / Ed. by K. Bschr, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 191–212.
154. Bunge, M. *Demarcating Science from Pseudoscience* / M. Bunge // *Fundamenta Scientiae*. – 1982. – Vol. 3. – P. 369–388.
155. Bunge, M. *Doing Science: In the Light of Philosophy* / M. Bunge. – New Jersey: World Scientific, 2016. – ISBN 978-981-3202-76-4.
156. Bunge, M. *Finding Philosophy in Social Science* / M. Bunge. – New Haven: Yale University Press, 1996. – 448 p.
157. Bunge, M. *Scientific Realism: Selected Essays of Mario Bunge* / M. Bunge; ed. by M. Mahner. – Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 2001.
158. Bunge, Mario. *Scientific Materialism* // Springer, 1981, pp. 223. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-009-8517-9>.
159. Bunge, Mario. *The Philosophical Richness of Technology* // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association, 1976, pp. 153–172. URL: <http://www.jstor.org/stable/192379>
160. Carbone, G. *Husserl's language of neutrality* / G. Carbone // *Horizon. Studies in Phenomenology*. – 2022. – Vol. 11, No. 2. – P. 517-543. – DOI 10.21638/2226-5260-2022-11-2-517-543. – EDN LFFNKT.
161. Chang, H. *The Coherence of Feyerabend's Pluralist Realism* / H. Chang // *Interpreting Feyerabend: Critical Essays* / Ed. by K. Bschr, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 40–56.
162. Collins, H. *Interactional expertise as a third kind of knowledge* / H. Collins // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2004. – Vol. 3, No. 2. – P. 125-143. – DOI 10.1023/b:phen.0000040824.89221.1a. – EDN ZYSABZ.
163. DeRoo, N. *Derrida and the Future(s) of Phenomenology* / N. DeRoo // *Derrida Today*. – 2011. – Vol. 4, iss. 1. – P. 107. – DOI: 10.3366/drt.2011.0008.
164. Derrida J. *Afterword: Toward an Ethic of Discussion*. 1st ed. Illinois: Northwestern University Press, 1988.

165. Derrida J. *Dissemination* / trans. by B. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
166. Derrida J. Excerpt from "Signature, Event, Context ". Irvine: University of California, 1972.
167. Desilet, G. Heidegger and Derrida: The conflict between hermeneutics and deconstruction in the context of rhetorical and communication theory / G. Desilet // *Quarterly Journal of Speech*. – 1991. – Vol. 77, iss. 2. – P. 152–175. – DOI: 10.1080/00335639109383950.
168. Dreyfus H. *Alchemy and AI*. Santa Monica: RAND Corporation, 1965.
169. Dreyfus H. L., Dreyfus S. E. *Making a Mind versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point* // *The Philosophy of Artificial Intelligence* / Boden M. (ed.) Oxford, 1990.
170. Dreyfus H. *What Computers Can't Do*. New York: MIT Press, 1972. ISBN 978-0-06-090613-9.
171. Dreyfus H., Dreyfus S. *Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in the Era of the Computer*. Oxford, U.K.: Blackwell, 1986.
172. Flynn, M. B. A Realer Institutional Reality: Deepening Searle's (De)Ontology of Civilization / M. B. Flynn // *International Journal of Philosophical Studies*. – 2012. – Vol. 20, iss. 1. – P. 43–67. – DOI: 10.1080/09672559.2011.629673.
173. Heidegger, Martin. *Being and Time* / Martin Heidegger. – Reprint edition. – [United States]: Martino Fine Books, 2024. – 590 p.; – ISBN 978-1-684-22328-2.
174. Jeuk, A. A. The pragmatist domestication of Heidegger: Dreyfus on 'skillful' understanding / A. A. Jeuk // *Synthese*. – 2022. – Vol. 200, No. 2. – P. 1-19. – DOI 10.1007/s11229-022-03606-0. – EDN WDHEIA.
175. Kakoliris, G. Jacques Derrida's Deconstruction of Western Metaphysics: The Early Years / G. Kakoliris // *Dia-Noesis*. – 2017. – Vol. 4. – P. 43–62.
176. Kusch, M. *Epistemological Anarchism Meets Epistemic Voluntarism: Feyerabend's Against Method and van Fraassen's The Empirical Stance* / M. Kusch // *Interpreting Feyerabend: Critical Essays* / Ed. by K. Bschr, J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 89–113.

177. Lovasz, A. Neo-Husserlian Meditations: extending intentionality to the objective realm in first phenomenology / A. Lovasz // *Horizon. Studies in Phenomenology*. – 2020. – Vol. 9, No. 1. – P. 143-161. – EDN WGYUJN.

178. Mahner, M. Mario Bunge (1919–2020): Conjoining Philosophy of Science and Scientific Philosophy // *J Gen Philos Sci*. 2021. Vol. 52. P. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10838-021-09553-7>

179. Marosan, B. P. How could Husserl's theory of the bodily self-constitution of the ego help bridge the explanatory gap? / B. P. Marosan // *Horizon. Studies in Phenomenology*. – 2024. – Vol. 13, No. 1. – P. 57-94. – DOI 10.21638/2226-5260-2024-13-1-57-94. – EDN ADAUIG.

180. Matthews, M. R. Mario Bunge: Physicist and Philosopher / M. R. Matthews // *Science & Education*. – 2003. – Vol. 12, No. 5. – P. 431-444. – DOI 10.1023/a:1025364722916. – EDN QCBNNI.

181. Matthews, M.R. Mario Bunge, Systematic Philosophy and Science Education: An Introduction // *Sci Educ*. 2012. Vol. 21. P. 1393–1403. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11191-012-9530-0>

182. McDowell J. Experiencing the World. In: Willaschek M, editor. John McDowell. Reason and Nature. Lecture and Colloquium in Münster 1999. LIT - Verlag Münster; 2009. P. 3-18.

183. Méndez-Martínez, J. L. Sound ontology and the Brentano-Husserl analysis of the consciousness of time / J. L. Méndez-Martínez // *Horizon. Studies in Phenomenology*. – 2020. – Vol. 9, No. 1. – P. 184-215. – DOI 10.21638/2226-5260-2020-9-1-184-215. – EDN PCOUUD.

184. Obiedat, A.Z. Modern Knowing via Realistic Epistemology: Mario Bunge on the Perfectibility and Unity of Modern Human Knowledge / A.Z. Obiedat // *Modernity and the Ideals of Arab-Islamic and Western-Scientific Philosophy*. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-94265-6_7.

185. Pickel, A. Rethinking Systems Theory. A Programmatic Introduction / A. Pickel // *Philosophy of the Social Sciences*. – 2007. – Vol. 37, No. 4. – P. 391-407. – DOI 10.1177/0048393107307809. – EDN JTKBMN.

186. Ressler, M. Automated inauthenticity / M. Ressler // *AI & Society*. – 2023. – DOI 10.1007/s00146-023-01795-x. – EDN MFEZMO.
187. Searle J. Reiterating the differences: A reply to Jacques Derrida. Baltimore, 1977.
188. Searle, J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
189. Searle, J. R. *The problem of consciousness* // Searle, J. R. *Consciousness and Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
190. Sharikov, D. D. Culture and Cognition: In Search of a Non-reductionist Framework / D. D. Sharikov // *Sociology of Power*. – 2020. – Vol. 32, No. 2. – P. 104-124. – DOI 10.22394/2074-0492-2020-2-104-124. – EDN LYYUYI.
191. Sjöstrand B. *Derrida and the Phenomenology of Technology* // Sjöstrand B. *Derrida and Technology: Life, Politics, and Religion*. Cham: Springer, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-83407-4_3
192. Smith, B. John Searle: From Speech Acts to Social Reality / B. Smith // John Searle / ed. B. Smith. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – P. 1–33. – (Contemporary Philosophy in Focus).
193. Tregubova, N. D. Dialectical Logic, Human-Machine Interdependence, and Simplifications in AI Project: Comparing Three Anti-Disciplinary Discussions / N. D. Tregubova // *Sociology of Science and Technology*. – 2024. – Vol. 15, No. 4. – P. 100-107. – DOI 10.24412/2079-0910-2024-4-100-107. – EDN VAHZHW.
194. Vēgners, U. Husserl and dimensions of temporality: a framework for the analysis of temporal experience / U. Vēgners // *Horizon. Studies in Phenomenology*. – 2021. – Vol. 10, No. 1. – P. 186-211. – EDN RHDWXI.
195. White, J. Dreyfus on the “Fringe”: information processing, intelligent activity, and the future of thinking machines / J. White // *AI & Society*. – 2019. – Vol. 34, No. 2. – P. 301-312. – DOI 10.1007/s00146-018-0837-5. – EDN PDDKUO.
196. Zhang, F. The Social Nature of Skills: Beyond Dreyfus' Skill Model / F. Zhang // *Technology and Language*. – 2023. – Vol. 4, No. 3(12). – P. 130-140. – DOI 10.48417/technolang.2023.03.10. – EDN LBTPXA.